

Учредитель:
ООО «Русайнс»

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-86677 от 26.01.2024 г.
ISSN 2306-5001

Адрес редакции:
117218, Москва,
ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: ed-russia@list.ru
Сайт: <https://ed-russia.ru/>

Журнал входит в **Перечень ВАК** ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Афанасьев Михаил Юрьевич, д-р экон. наук, проф., заведующий лабораторией прикладной эконометрики, ЦЭМИ РАН;
Афанасьев Антон Александрович, д-р экон. наук, проф., ведущий научный сотрудник лаборатории социального моделирования, ЦЭМИ РАН;
Брижак Ольга Валентиновна, д-р экон. наук, доц., проф. Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Валинурова Лилия Сабиховна, д-р экон. наук, проф., зав. кафедры инновационной экономики, Уфимский университет науки и технологий;
Васильева Елена Викторовна, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Глинский Владимир Васильевич, д-р экон. наук, проф. кафедры статистики, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»;
Дробышевский Сергей Михайлович, д-р экон. наук, директор по научной работе, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара;
Колесников Андрей Викторович, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН, проф. Департамента бизнес-информатики, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Коровин Дмитрий Игоревич, д-р экон. наук, проф., проф. Департамента анализа данных и машинного обучения, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Криничанский Константин Владимирович, д-р экон. наук, проф. Департамент финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Ларионова Ирина Владимировна, д-р экон. наук, проф., Департамент финансовых рынков и финансового инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве РФ;
Липски Станислав Анджеевич, д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой земельного права, Государственный университет по землеустройству;
Мазур Наталья Зиновьевна, д-р экон. наук, проф., профессор кафедры инновационной экономики, Уфимский университет науки и технологий;
Моргунов Вячеслав Иванович, д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ;
Никишкин Валерий Викторович, д-р экон. наук, проф., заведующий учебно-научной лабораторией профессиональной подготовки работников образовательных организаций, РЭУ им. Г.В. Плеханова;
Носова Светлана Сергеевна, д-р экон. наук, проф., НИЯУ МИФИ;
Папаскири Тимур Валикович, д-р экон. наук, проф., врио ректора, Государственный университет по землеустройству;
Погорлецкий Александр Игоревич, д-р экон. наук, проф. кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет;
Попова Елена Владимировна, д-р экон. наук, проф., проф. кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий, РЭУ им. Г.В. Плеханова;
Радыгин Александр Дмитриевич, д-р экон. наук, проф., председатель ученого совета, Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара;
Сильвестров Сергей Николаевич, д-р экон. наук, проф., засл. экономист РФ, Департамент мировой экономики и мировых финансов, Финуниверситет;
Соловьев Владимир Игоревич, д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой "Прикладной искусственный интеллект", МТУСИ;
Тургель Ирина Дмитриевна, д-р экон. наук, проф., зам.директора по науке Высшей школы экономики и менеджмента, УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Главный редактор: **Соколинская Наталия Эвальдовна**, канд. экон. наук, проф., проф. Департамента банковского дела и монетарного регулирования, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии
ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Подписано в печать: 30.09.2024 Цена свободная Тираж 300 экз.
Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале,
подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Содержание

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Газовый потенциал государств Прикаспийского региона. Халова Г.О., Газиев В.М.	4
Регулирование рынка производства и цепочек поставок электромобилей в США: американская политика в отношении Китая. Хуа Дунь	11

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ. МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ

Оценка эффективности деятельности региональных организаций-членов Федерации регби России. Асланов Э.А.	18
Трансформация факторов конкурентоспособности девелоперской организации в условиях цифровой экономики. Колесников А.А.	24
Роль языка в развитии двусторонних экономических отношений между Китаем и Россией. Ма Цзя.....	35

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ

Кластеризация регионов Российской Федерации по типу научной специализации. Валинурова Л.С., Казакова О.Б., Балгазин И.И.....	41
--	----

Раскрытие экологической составляющей в управлении устойчивым развитием предприятий Донецкого региона. Ардатьяева Т.И., Мащенко Е.С., Ардатьяев В.Н.	51
Ревитализация городских пространств как инструмент креативной экономики. Клименко В.А., Банникова Т.И., Чудинова Е.А., Воронина-Даринцева А.Е., Дыдыкин И.О.	59
Роль креативных кластеров в формировании стратегии развития региона. Клименко В.А., Банникова Т.И., Чудинова Е.А., Воронина-Даринцева А.Е., Дыдыкин И.О.	66
Концептуальная модель оценки уровня развития циркулярной экономики в нефтегазовой отрасли промышленности. Юрак В.В., Гурьева М.А.	72
Территориальная доступность общего образования: факторы и риски. Тищенко А.С., Новикова С.Е., Токарева Г.С.....	85

ФИНАНСЫ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. СТРАХОВАНИЕ

Финансовый суверенитет и экосистемность на рынке финансовых услуг в России. Зубкова С.В.	93
Стратегии управления проблемными активами. Гиринский А.В., Доленко Е.И., Пейсахов К.А.....	98

Contents

GLOBAL ECONOMY

Gas potential of the Caspian region states. Khalova G.O., GaziyeV V.M. 4

Regulation of the production market and supply chains of electric vehicles in the USA: American policy towards China. Hua Dun 11

CONTROL THEORY. MANAGEMENT. MARKETING

Assessment of the effectiveness of regional organizations-members of the Russian Rugby Federation. Aslanov E.A. 18

Transformation of competitiveness factors of a development organization in the digital economy. Kolesnikov A.A. 24

The role of language in the development of bilateral economic relations between China and Russia. Ma Jia 35

ECONOMY OF INDUSTRIES AND REGIONS

Clustering of regions of the Russian Federation by type of scientific specialization. Valinurova L.S., Kazakova O.B., Balgazin I.I. 41

Disclosure of the environmental component in the management of sustainable development of enterprises in the Donetsk region. Ardatyeva T.I., Mashchenko E.S., Ardatyeva V.N. 51

Revitalization of urban spaces as a tool for creative economy. Klimenko V.A., Bannikova T.I., Chudinova E.A., Voronina-Darintseva A.E., Dydykin I.O. 59

The role of creative clusters in forming a regional development strategy. Klimenko V.A., Bannikova T.I., Chudinova E.A., Voronina-Darintseva A.E., Dydykin I.O. 66

Conceptual model for assessing the level of development of the circular economy in the oil and gas industry. Yurak V.V., Guryeva M.A. 72

Territorial accessibility of general education: factors and risks. Tishchenko A.S., Novikova S.E., Tokareva G.S. 85

FINANCE. TAXATION. INSURANCE

Financial sovereignty and ecosystem in the financial services market in Russia. Zubkova S.V. 93

Strategies for managing problem assets. Girinsky A.V., Dolenko E.I., Peysakhov K.A. 98

Газовый потенциал государств Прикаспийского региона

Халова Гюльнар Османовна

Главный научный сотрудник Центра центрально азиатских исследований Института Китая и современной Азии РАН (ИКА РАН), khalovag@yandex.ru

Газиев Валерий Мишелевич

аспирант, «Институт Китая и современной Азии Российской академии наук» (ИКА РАН), Центр центрально азиатских исследований valera_gaziev@mail.ru.

В статье рассматриваются вопросы газового потенциала прикаспийского региона, перспективы взаимодействия стран, находящихся в прикаспийском регионе. Анализируются показатели запасов природного газа, потребления и экспорта. Описываются проблемы, стоящие перед странами региона в газовой сфере, пути их решения.

А также авторы приходят к выводу, что несмотря на то что все страны прикаспийского региона являются экспортерами газа, они не являются конкурентами на рынке природного газа, а имеют серьезные перспективы по реализации совместных газовых проектов в партнерстве друг с другом.

Ключевые слова: Природный газ, Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Исламская Республика Иран, Туркменистан, Республика Казахстан, прикаспийский регион, газовый хаб.

Прикаспийский регион традиционно является одним из важнейших центров экономической и политической жизни Евразии. Исторически являясь местом пересечения торговых путей, прикаспийский регион являлся важной территорией, на которую постоянно обращали внимание, и за которую боролись крупные державы. Геоэкономическое значение земель Прикаспия многократно возросло с открытием Российской Империей первых нефтяных месторождений недалеко от города Баку. В дальнейшем именно в этом регионе велась активная добыча ресурсов и развивалась нефтегазовая промышленность.

Несмотря на то, что само Каспийское море чрезвычайно богато запасами нефтегазовых ресурсов, основные месторождения у прикаспийских государств сосредоточены в других регионах прикаспийских государств. В целом в распоряжении прикаспийских государств находится около половины мировых запасов природного газа. Из 20 крупнейших мировых месторождений природного газа 17 принадлежат странам прикаспийского региона — 8 месторождений находится на территории России (Уренгойское, Ямбургское, Штокмановское, Заполярное, Бованенковское, Медвежье, Оренбургское, Харасавэйское), 5 месторождений на территории Ирана (Южный Парс, Северный Парс, Киш, Гольшан, Табнак), 2 месторождения на территории Туркменистана (Галкыныш, Довлетабад-Донмез) и по одному на территориях Казахстана (Карашыганак) и Азербайджана (Шах-Дениз).[23] На страны региона приходится около четверти добычи данного полезного ископаемого.

Таблица 1
Запасы и добыча газа

Страна	Запасы газа в 2020 г. трлн м ³	Добыча газа млрд. м ³	Потребление газа млрд. м ³
Россия	44.150	636.900	465.649
Казахстан	1.830	23.370	19.171
Туркменистан	13.950	98.263	51.294

Иран	33.988	275.00 0	261.073
Азербайджан	1.917	36.583	12.400
Доля региона в мире %	46	25	20

Из таблицы 1 следует, что добыча природного газа в каждой из стран превышает потребление, что говорит о том, что оставшая часть добытой продукции идет на экспорт. Также огромные запасы газа дают возможность странам продумать вопрос об увеличении экспорта и обретении новых рынков сбыта.

На данный момент у стран региона складывается перспективная ситуация для того, чтобы стать центром мировой газодобычи и газораспределения. Территория прикаспийских государств сейчас является перекрестком и центром формирующихся транспортных маршрутов таких как «Север-Юг» и «Один пояс — один путь». У России, Азербайджана, Ирана, Туркменистана и Казахстана есть уникальное преимущество воспользоваться возможностями, которые открывают данные проекты прежде всего в сфере поставок газа. Страны осознают уникальные перспективы своего положения и уже изъявляют желание развивать контакты и создавать совместные проекты в сфере газового сотрудничества.[2] Так, в июне 2024 года российская компания ПАО «Газпром» и «Национальная газовая компания Ирана» (NIGC) подписали меморандум о проекте строительства трубопровода через территорию Ирана с севера на юг страны как для внутреннего потребления Ираном, так и для дальнейшего распределения в рамках проекта иранского газового хаба.[14] Иран планирует совместно с Россией создать газовый хаб в городе Эселуйе остана Бушир. В проекте также планируют участвовать Туркменистан и Катар.

Таким образом, можно предположить, что страны и в дальнейшем будут стремиться наращивать сотрудничество, несмотря на то, что первоначально представляется, что несколько газодобывающих стран должны быть конкурентами, а не партнёрами. Учитывая, что каждая из прикаспийских стран имеет уникальные преимущества и определенные сложности, путь сотрудничества для них выглядит более перспективным, чем путь взаимной конкуренции. Таким образом страны смогут компенсировать слабые стороны газовой инфраструктуры за счет помощи страны-соседа.

Российская Федерация — крупнейший обладатель запасов природного газа в мире. Обла-

дая огромными ресурсами и имея крупные производственные мощности Россия до определенного момента занимала доминирующее положение на различных рынках природного газа — прежде всего на европейском. Функционировали и были загружены такие газопроводы как: «Ямал — Европа» (с марта 2022 года остановлен из-за отказа Польши от российского газа), «Уренгой — Помары — Ужгород» (Транзит через территорию Украины), «Союз» (Транзит через территорию Украины), «Прогресс» (Транзит через территорию Украины), «Северный поток» (остановлен), «Северный поток — 2» (остановлен), «Голубой поток», «Турецкий поток». После 2022 года произошло резкое снижение поставок газа в Европу. Если в 2020 году на долю стран Европейского Союза приходилось более 135 млрд. куб. м газа трубопроводных поставок[18], то в 2023 году показатель не превысил 40 млрд. куб. м газа трубопроводных поставок, которые были основным видом поставок природного газа на рынок Европейского Союза.[17] Такое существенное падение не могло не отразиться на ПАО «Газпром», который впервые за тридцать лет завершил 2023 год с убытком более 629 млрд. руб.[13] Учитывая, что ПАО «Газпром» является одной из крупнейших компаний России, а также одним из крупнейших налогоплательщиков в российский бюджет, данная ситуация отражается в целом на экономической безопасности всего государства. Текущее малое количество поставок газа в Европу может сократиться еще больше, так как украинские власти заявили об отказе от транзита газа после 2024 года.[20] Даже увеличение поставок сжиженного природного газа не сможет вернуть Россию к уровню 2020 года в ближайшей перспективе.

Таким образом, для России встает острый вопрос об открытии новых экспортных маршрутов для перенаправления поставок колоссальных объемов природного газа, а также создание новых мощностей по развитию газохимической отрасли. Одним из направлений становится более активное использование газомоторного топлива в российской промышленности. Газомоторное топливо имеет множество преимуществ, в том числе большая экологичность, чем нефтяное топливо, больший коэффициент полезного действия для использующего данный вид топлива оборудования, меньший износ, так как газомоторное топливо сгорает полностью.. В данном случае, учитывая экономическое значение отрасли для стабильности российской экономики и благосостояния российского общества вопрос следует решать в оперативном порядке. Сейчас у России есть

возможность для заполнения возрастающей потребности в газовых ресурсах и этой возможностью Россия может воспользоваться в сотрудничестве со странами прикаспийского региона.

Наиболее перспективным видится переориентирование поставок в страны Южной Азии прежде всего в Индию. Индия — огромная страна с быстрорастущей экономикой и стремительной урбанизацией будет наращивать потребление энергоресурсов. К 2050 году Индия по прогнозу Управления энергетической информации США (EIA) планирует утроить потребление газа. На текущий момент потребление газа в Индии составляет 223 млн куб. м в сутки, то к 2050 г. оно может увеличиться до 650 млн куб. м в сутки. [24]

Рис.1

График прогноза потребления газа в Индии до 2050 года наглядно показывает, что рост потребления ожидается в больших объемах, которые один поставщик газа восполнить не сможет. Сейчас уже существуют проекты газопроводов в Индию двумя маршрутами ИПИ (Иран-Пакистан-Индия) и ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), однако, их реализация осложняется геополитическими проблемами и неопределенностями, связанными с Индийско-пакистанскими отношениями, а также ситуацией в Афганистане. Альтернативным вариантом по участию России в данном регионе выступает создание газопровода «Пакистанский поток», который по проекту должен регазифицированный СПГ поставлять по маршруту Карачи-Лахор. Однако, данный проект пока не охватывает индийский рынок. Другим альтернативным проектом, который охватывает уже весь рынок Южной Азии является проект по созданию газового хаба в Иране. Газовый хаб устраняет геополитические риски и дает возможность при реализации в Иране проекта по созданию СПГ производства открыть поставки напрямую в Индию и другие страны Южной и Юго-Восточной Азии. Таким образом, у России

есть перспективная возможность не только восстановить европейские объемы, но и нарастить с учетом поставки в развивающиеся страны.

Казахстан по запасам газа занимает 14 место в мире и 5 место среди прикаспийских стран.[22] Казахстан обладает приблизительно 1,3% мировых запасов природного газа. Газовая отрасль Казахстана поступательно развивается и представляет собой перспективное направление развития Казахстанской экономики как в плане добычи и экспорта газа, так и в плане транзита газа из России в другие страны Центральной Азии.

Запасы газа в Казахстане составляют 1.830 трлн. На 2020 г. Главные месторождения находятся в Каспийском море — Тенгиз, Карачаганак, Кашаган. По данным статистики ОПЕК Казахстан является экспортером газа.

Таблица 2
Динамика экспорта газа из Республики Казахстан в 2013-2023 гг., млрд. м³.

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
11440	10840	12290	12480	14220	17550	17840	12640	12150	7350	5411

Исходя из таблицы 2, можно отследить тенденцию по сокращению экспорта газа из Казахстана. Связана тенденция с тем, что внутреннее потребление газа ежегодно возрастает. (см. таблицу 3).

Таблица 3
Динамика потребления газа из Республики Казахстан в 2013-2023 гг., млрд. м³.

2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
13490	14150	13610	14450	17180	17990	16560	16240	14310	16670	19171

Таким образом, в ближайшем будущем может возникнуть ситуация, когда Казахстан в силу еще большего увеличения внутреннего потребления перейдет из группы экспортеров газа в импортеры. Но даже в этом случае роль Казахстана как участника нынешних и потенциальных перспективных газовых проектов возрастает.[7] Территория Казахстана в силу его выгодного географического положения может превратиться в удобный и экономически эффективный транзитный коридор. Страна уже сейчас активно использует предоставляемые ему возможности. Так, летом 2024 года на Петербургском международном экономическом форуме Россия в лице ПАО «Газпром» подписала с Казахстаном договоры на транзит газа в

Узбекистан и Кыргызстан.[19] Также было достигнуто соглашение о модернизации системы газопроводов «Средняя Азия — Центр» для еще большего увеличения поставок природного газа в Узбекистан. Очевидно, что роль Казахстана как страны, через которую осуществляется транзит, в будущем будет только увеличиваться.

Газовая промышленность Туркменистана является крупнейшей и системообразующей отраслью экономики государства. Туркменистан имеет крупнейшие запасы газа и занимает 4 место среди всех стран мира с показателем 19, 5 трлн. м³. Крупнейшее месторождение Галкыныш, которое находится на юге Туркменистана рядом с границей с Афганистаном, а также Довлетабад-Донмез находится на юге страны рядом с границей с Ираном. Кроме того в стране в относительно недавнее время были открыты новые месторождения Яшлар, Минара, Газанлы, Баглы и другие.

Огромные запасы газа и открытие новых месторождений стимулируют Туркменистан к развитию экспорта природного газа по разным направлениям. На текущий момент Туркменистан является одним из крупнейших поставщиков газа в Китайскую Народную Республику. В период 2017-2019 годов китайский рынок был единственным рынком сбыта для туркменского газа. При этом Туркменистан стремится реализовывать проекты с другими странами, прежде всего с соседними.[10] Туркменистан поставляет газ в Россию транзитом через Узбекистан и Казахстан по системе газопроводов «Средняя Азия — Центр». Также осуществляется экспорт газа в Иран по газопроводам «Корпедже — Курт-Куи» и «Довлетабат — Серахс — Хангеран». Более того Туркменистан и Иран наращивают сотрудничество в сфере поставок газа и озвучивают целью ежегодные поставки из Туркменистана в Иран до 40 млрд. м³, в свою очередь Иран обязуется построить на территории Туркменистана всю необходимую инфраструктуру для увеличения поставок[15]. Также Туркменистан прилагает усилия по реализации экспортных проектов в Южную Азию. Уже несколько десятков лет обсуждается и планируется к реализации газопровод «Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия» (ТАПИ). Процесс реализации проекта сдвинут с мертвой точки после присоединения России к данному проекту. Однако началу непосредственной реализации и строительству газопровода мешают проблемы, связанные с политическими разногласиями между некоторыми странами-участницами проекта.

Таким образом, Туркменистан имеет большой потенциал по наращиванию поставок газа по разным направлениям, однако, для этого нужны вложения в существующие газотранспортные системы, а также в планирующиеся к дальнейшему строительству.

Азербайджан занимает 13 место по мировым запасам газа и 4 место среди прикаспийских государств, а также традиционно является одной из передовых стран в сфере развития энергетики[6]. Крупнейшими месторождениями являются: Шах-Дениз, Азери — Чираг — Гюнешли, Умид. Под каждое месторождение были созданы консорциумы с участием крупнейших международных нефтегазовых компаний. Это было сделано для быстрого освоения открытых месторождений, а также для обеспечения в дальнейшем гарантированных рынков сбыта. На сегодняшний день Азербайджан является экспортером газа. В основном газ из Азербайджана идет в страны Южной Европы и Турцию через «Южный газовый коридор».[4]

Необходимо отметить, развитие газовой отрасли для Азербайджана выглядит более перспективным, чем развитие нефтяной отрасли — традиционно главной в историческом развитии Азербайджана. Старые нефтяные месторождения постепенно иссякают, и добыча на них происходит по устаревшим технологиям.[11] Открытие новых месторождений углеводородов связано прежде всего с природным газом. Открытие новых газовых месторождений, наличие инфраструктуры, а также выгодное географическое положение, которое дает возможность участия в реализации многих энергетических проектов, дает Азербайджану большие возможности и перспективы по наращиванию добычи газа, увеличению экспорта и диверсификации поставок в разные направления Евразии.

Азербайджан на данный момент является устойчивым партнером по поставке газа в страны Южной Европы и ежегодно наращивает объемы поставок. Также наметилась активизация взаимодействия с Россией — летом во время визита президента России Владимира Путина в Азербайджан были проведены встречи между делегацией от ПАО «Газпром» и представителями Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики. Среди вопросов были упомянуты проект «Север-Юг», что дает основания полагать о возможной транзитной роли Азербайджана для поставок газа в Иран. Более того, до этой встречи со стороны Ирана были озвучены предложения о создании на территории Ирана газового хаба.

Таким образом, для Азербайджана развитие газовой промышленности является ключевым фактором продолжения экономического развития с учетом постепенного сокращения добычи нефти. Увеличение добычи сырья, экспорт, а также участие в перспективных проектах прежде всего со странами прикаспийского региона могут сделать Азербайджан одним из евразийских энергетических центров.

Нефтегазовый сектор Ирана, как и для всех других стран прикаспийского региона является доминирующим и центральным для экономики страны. Данный факт обусловлен историческими причинами, например, всемирно известная нефтегазовая компания British Petroleum (BP) происходит от Англо-Персидской нефтяной компании, которая была основана еще в 1909 году именно в рамках разработки персидского нефтяного месторождения. Из этого следует, что Иран является одним из родоначальников в добыче нефти и газа.[5] Также важность нефтегазового сектора для экономики Ирана обусловлена огромными запасами, как нефти, так и газа.[9] По запасам газа Иран находится на втором месте в мире после России. А по добыче газа Иран занимает третье место в мире, уступая США и России.

На данный момент перед Ираном в плане развития газового сектора стоят несколько вызовов.

Во-первых, в Иране основные месторождения, а, следовательно, газовая инфраструктура находятся на юге страны. Северные регионы не так развиты в плане инфраструктуры газа. В северные регионы газ ранее поставлялся из Азербайджана по газопроводу Аджигабул—Астара—Абадан, сейчас газ поставляется из Туркменистана по газопроводу Довлетабад — Серахс — Хангиран. С учетом планов Ирана по созданию газового хаба для перераспределения газа из России, Ирану целесообразно в дальнейшем развивать газовую инфраструктуру на севере страны.

Во-вторых, санкционное давление, которое оказывается со стороны США и других стран на Иран, ограничивает развитие Ираном новых экспортных проектов, а также препятствует модернизации газовой инфраструктуры, созданию новых высокотехнологичных производств в сфере газа. Для решения проблемы импортозамещения технологий необходимо наращивать сотрудничество с альтернативными партнерами такими как Китай и Россия.

В-третьих, Иран обладает выгодным геостратегическим положением на пересечении перспективных логистических путей. В связи с этим

для Ирана выглядит актуальной идея о создании газового хаба для дальнейшего распределения газа в такие страны как Пакистан, Индия, Ирак, страны Юго-Восточной Азии. Более того, создание иранского газового хаба с экономической точки зрения выгодно для России, которая на данный момент ищет возможность по переориентированию выпадающих экспортных объемов газа, которые поставлялись ранее в Европу. О заинтересованности России в подобном проекте и расширении взаимодействия России и Ирана в газовой сфере говорит подписанный летом 2024 года меморандум о проработке организации поставок российского газа в Иран[16].

Таким образом, Иран в сфере газа имеет серьезные перспективы по занятию важнейшего положения во всем регионе Евразии. Для реализации этой амбициозной цели Ирану нужно провести модернизацию и расширение газовой инфраструктуры, обеспечить поставки высокотехнологичного оборудования, необходимого для реализации проектов. Важным фактором для Ирана является заинтересованность других стран (прежде всего прикаспийских) в кооперации на газовом рынке с данной страной.

Как уже было показано, каждая из стран прикаспийского региона обладает большими запасами природного газа, каждая из стран является экспортером данного ресурса. При более детальном рассмотрении вопроса есть основания полагать, что страны могут быть не конкурентами на рынке газа, а партнерами.

Главной проблемой по реализации всех заявленных амбициозных проектов является политическая воля стран-участниц проектов. Сейчас, с учетом более активной ориентации России на развитие отношений со странами глобального Юга, стремлением к более тесной кооперации всех прикаспийских государств в том числе в силу формирующихся логистических маршрутов таких как «Север-Юг», наблюдается гораздо большая политическая и экономическая заинтересованность руководства стран прикаспийского региона к сотрудничеству в сфере газа и реализации новых проектов. Газовый потенциал государств региона остается высоким и увеличивается еще сильнее с учетом последних тенденций в мировой геополитике. На данный момент главной задачей остается реализация этого потенциала.

Литература

1. Алиев Н. «Нефть и нефтяной фактор в экономике Азербайджана в XXI веке», – Баку: 2010.

2. Газиев В.М. Усиление геополитической и геоэкономической роли Прикаспийского региона в контексте формирования коридоров «Север-Юг» и «Один пояс — один путь». // Инновации и инвестиции. – 2024. – №8 – С.33-38.

3. Жильцов С.С. Сотрудничество России и Ирана в Каспийском регионе: итоги и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 4. С. 628—642.

4. Иллерицкий Н.И., Халова Г.О., Смирнова В.А. Перспективы создания «южного газового коридора». Возможности для России // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 12. – С. 101-104.

5. Иллерицкий Н.И. Современное состояние и вызовы экономического развития Исламской Республики Иран / Н. И. Иллерицкий // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 11. – С. 64-67.

6. Мирбабаев М. «Краткая хронология истории Азербайджанского нефтяного дела», - Баку: 2004.

7. Ранджбар Д., Муқан С. М., Ниязгулова А. А. Газопровод «Центральная Азия — Центр»: вызовы и возможности современных энергетических отношений России и стран Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 2. С. 216-226.

8. Томберг И. Газ Центральной Азии в меняющемся геополитическом контексте // Энергетическая политика 2012 Т.15 №1.

9. Халова Г.О., Иллерицкий Н.И., Сазонова Е. Вызовы и возможности развития экономики и ТЭК Ирана // Энергетическая политика. 2023. № 5 (183). С. 42-53. DOI 10.46920/2409-5516_2023_5183_42.

10. Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Энергетическая геополитика и трансформация ШОС: от Центральной Азии к Евразии и многополярному миру // Энергетическая политика. 2023. № 2 (180). С. 78-85. DOI 10.46920/2409-5516_2023_2180_78.

11. Халова Г.О., Иллерицкий Н.И. Евразийское пространство в пост-кризисной мировой экономике и энергетике // Вестник РГГУ. Серия: экономика, управление, право. 2021. № 2. С. 126-134. DOI 10.28995/2073-6304-2021-2-126-134.

12. Перспективы развития и диверсификации газовой инфраструктуры Восточной Европы // Neftegaz. 22.07.2019. URL: <http://neftegaz.ru>

13. Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2023 год. С.86.

14. Иран собрался запустить газовый хаб с Россией, Туркменией и Катаром

<https://www.rbc.ru/business/07/06/2023/64808f929a7947b7ca2476fd>

15. Иранские компании построят в Туркменистане газопровод длиной 125 км. При чем тут Россия? <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/841732-iranskie-kompanii-postroyat-v-turkmenii-gazoprovod-dlinoy-125-km/>

16. ПАО «Газпром» Подписан Стратегический Меморандум о проработке организации поставок российского газа в Иран <https://www.gazprom.ru/press/news/2024/june/article574596/>

17. Российская газета: Сколько газа экспортирует РФ в Европу в 2023 году и можно ли увеличить поставки <https://rg.ru/2023/11/04/skolko-gaza-eksportiruet-rf-v-evropu-v-2023-godu-i-mozhno-li-uvlechit-postavki.html>

18. Статистика поставок Динамика реализации газа в Европу <https://gazpromexport.ru/statistics/>

19. ТАСС: "Газпром" подписал с Казахстаном контракты на транзит газа в Узбекистан и Киргизию <https://tass.ru/ekonomika/21033725>

20. ТАСС: Украина не продлит контракт с "Газпромом" на транзит газа <https://tass.ru/ekonomika/21700069>

21. OPEC Natural gas data https://asb.opec.org/data/ASB_Data.php

22. Statistical Review of World Energy 2020

23. The Largest Natural Gas Fields In The World <https://www.worldatlas.com/articles/the-largest-natural-gas-fields-in-the-world.html>

24. U.S. Energy Information Administration, International Energy Outlook 2023 (IEO2023)

Gas potential of the states of the Caspian region

Khalova G.O., Gaziev V.M.

Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences (ICSA RAS)

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The article deals with the issues of gas potential of the Caspian region, prospects of interaction between the countries in the Caspian region. The indicators of natural gas reserves, consumption and export are analyzed. The problems facing the countries of the region in the gas sphere and ways of their solution are described.

The author also concludes that despite the fact that all the countries of the Caspian region are gas exporters, they are not competitors in the natural gas market, but have serious prospects for the realization of joint gas projects in partnership with each other.

Keywords: Natural gas, Russian Federation, Republic of Azerbaijan, Islamic Republic of Iran, Turkmenistan, Republic of Kazakhstan, Caspian region, gas hub.

References

1. Aliyev N. "Oil and the oil factor in the economy of Azerbaijan in the 21st century", - Baku: 2010.
2. Gaziyev V.M. Strengthening the geopolitical and geo-economic role of the Caspian region in the context of the formation of the North-South and One Belt - One Road

- corridors. // Innovations and Investments. - 2024. - No. 8 - P. 33-38.
3. Zhiltsov S.S. Cooperation between Russia and Iran in the Caspian region: results and prospects // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 628-642.
 4. Illeritsky N.I., Khalova G.O., Smirnova V.A. Prospects for the creation of a "southern gas corridor". Opportunities for Russia // Innovations and Investments. – 2018. – No. 12. – P. 101-104.
 5. Illeritsky N.I. Current state and challenges of economic development of the Islamic Republic of Iran / N. I. Illeritsky // Innovations and investments. – 2018. – No. 11. – P. 64-67.
 6. Mirbabayev M. "Brief chronology of the history of the Azerbaijan oil business", - Baku: 2004.
 7. Ranjbar D., Mukan S. M., Niyazgulova A. A. Gas pipeline "Central Asia - Center": challenges and opportunities of modern energy relations between Russia and the Central Asian countries // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2024. Vol. 24, No. 2. P. 216-226.
 8. Tomberg I. Central Asian Gas in a Changing Geopolitical Context // Energy Policy 2012 Vol.15 No.1.
 9. Khalova G.O., Illeritsky N.I., Sazonova E. Challenges and Opportunities for the Development of Iran's Economy and Fuel and Energy Complex // Energy Policy. 2023. No. 5 (183). P. 42-53. DOI 10.46920/2409-5516_2023_5183_42.
 10. Khalova G.O., Illeritsky N.I. Energy Geopolitics and the Transformation of the SCO: From Central Asia to Eurasia and a Multipolar World // Energy Policy. 2023. No. 2 (180). P. 78-85. DOI 10.46920/2409-5516_2023_2180_78.
 11. Khalova G.O., Illeritsky N.I. Eurasian space in the post-crisis global economy and energy // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: economics, management, law. 2021. No. 2. Pp. 126-134. DOI 10.28995/2073-6304-2021-2-126-134.
 12. Prospects for the development and diversification of the gas infrastructure of Eastern Europe // Neftegaz. 22.07.2019. URL: <http://neftegaz.ru>
 13. Annual report of PJSC Gazprom for 2023. P.86.
 14. Iran is going to launch a gas hub with Russia, Turkmenistan and Qatar <https://www.rbc.ru/business/07/06/2023/64808f929a7947b7ca2476fd>
 15. Iranian companies will build a 125 km gas pipeline in Turkmenistan. What does Russia have to do with it? <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/841732-iranskie-kompanii-postroyat-v-turkmenii-gazoprovod-dlinoy-125-km/>
 16. PJSC Gazprom Signed a Strategic Memorandum on Developing the Organization of Russian Gas Supplies to Iran <https://www.gazprom.ru/press/news/2024/june/article574596/>
 17. Rossiyskaya Gazeta: How Much Gas Will Russia Export to Europe in 2023 and Is It Possible to Increase Supplies <https://rg.ru/2023/11/04/skolko-gaza-eksportiruet-rf-v-evropu-v-2023-godu-i-mozhno-li-uvelichit-postavki.html>
 18. Supply Statistics Dynamics of Gas Sales to Europe <https://gazpromexport.ru/statistics/>
 19. TASS: Gazprom signed contracts with Kazakhstan for gas transit to Uzbekistan and Kyrgyzstan <https://tass.ru/ekonomika/21033725>
 20. TASS: Ukraine will not extend contract with Gazprom for gas transit <https://tass.ru/ekonomika/21700069>
 21. OPEC Natural gas data https://asb.opec.org/data/ASB_Data.php
 22. Statistical Review of World Energy 2020
 23. The Largest Natural Gas Fields In The World <https://www.worldatlas.com/articles/the-largest-natural-gas-fields-in-the-world.html>
 24. U.S. Energy Information Administration, International Energy Outlook 2023 (IEO2023)

Регулирование рынка производства и цепочек поставок электромобилей в США: американская политика в отношении Китая

Хуа Дунь

аспирант, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН,
aiver_1001@hotmail.com

В настоящее время, развитие современного машиностроения является определяющим фактором устойчивости экономики и технологического потенциала той или иной страны. С развитием технологий и искусственного интеллекта появляется новая отрасль в машиностроении как электромобилестроение. Производство электромобилей приобрело колоссальную популярность в современном мире, что создало условия для экономической и политической конкуренции среди мировых держав, таких как Китай и США.

Высокий уровень цифровизации экономики Китая выделяет промышленность электромобилей как основополагающую среди традиционных автомобильных держав. Это накладывает отпечаток на развитие машиностроения на мировом уровне, и баланс производства электромобилей, где основным лидером на международной арене становится КНР. Поэтому, в данной статье рассматривается вопрос балансирования поставок и производства электромобилей среди стран остается актуальным и открытым.

В данной статье проводится анализ регулирования и балансирования производства и цепочек поставок электромобилей на макро – микроуровнях со стороны США по отношению к Китаю. В статье рассматриваются вопросы субсидий, установки тарифов, технологических и финансовых внешних ограничителей в цепочке поставки электромобилей, проводимой политикой США.

В результате таких действий происходит дифференциация мирового бизнеса электромобилей, а также на внутреннем рынке Китая и других стран. Снижается зависимость от рынка Китая и вследствие этого, геополитическая напряженность между США и Европейским союзом.

Ключевые слова: электромобиль, балансирование, цепочка поставок, США, Китай, ЕС

Введение

В настоящее время китайские производители электромобилей, безусловно, доминируют в переходе на электромобили и эффективно распределяют производство и сбыт на рынке как внутри страны, так и за ее пределами. В связи с этим, происходит перераспределение экономического влияния в данной отрасли, что приводит к мировому дисбалансу в производстве электромобилей и их комплектующих.

Таким образом, для поддержания баланса в цепочке поставок электромобилей США вводит ряд ограничений, так как это влияет на политическое и экономическое влияние в мире.

Например, как показывают оценки BloomergNEF [1], вся экономика Азии очень сильно зависит от производства аккумуляторов, то и мировые производители автомобилей зависят от своих китайских партнеров. Таким образом, 80% материалов питания во всем мире поставляется из Китая. Для того чтобы повысить уровень производства электромобилей и увеличение своих цепочек поставок, правительство США стимулирует выделение дополнительного финансирования в развитие электромобильной отрасли. Например, компания General Motors выделяет дополнительные инвестиции для производства комплектующих электромобилей и свободной торговли среди стран.

Для того чтобы понять, как создается цепочка поставок электромобилей и каким образом происходит политика балансирования со стороны США по отношению к Китаю, необходимо понять технологические характеристики электромобилей, уникальность которых влияет на развитие экономики в целом.

Во-первых, электромобили отличаются от традиционных автомобилей наличием электронных систем и батарей (аккумуляторов), которые им нужны в использовании топлива. В традиционных автомобилях используется техническая система двигателей, использующая для движения специальное топливо, а электронные системы являются лишь поддерживающим элементом. Высокий уровень циф-

ровизации позволяет использовать специальные микросхемы, которые контролируют управление электромобилем. Дальнейшее развитие цифровых технологий в дальнейшем приведет к улучшению программного обеспечения, что приведет к оптимизации электронных процессов и повышению безопасности контроля.

В этом случае, использование электромобилей значительно сокращает использование нефти, а другие материалы становятся более востребованными, так как сами комплектующие состоят из таких ключевых материалов, как литий, кобальт и никель [2].

Во-вторых, в ближайшей перспективе 30 лет доля рынка автозапчастей для автомобилей на топливе снизится с 26% до 11%, а спрос на ключевые компоненты для электромобилей повысится на 52% [3].

Благодаря широкому использованию новых технологий таких, как искусственный интеллект, передовое производство и спутниковая связь, электромобили превращаются в интеллектуальных автомобильных роботов с многофункциональным мобильным управлением, которые обладают интеллектуальным вычислительным механизмом, средством сбора данных и накопитель энергии. Иными словами, электромобили переходят от простого предоставления транспортных услуг, а к решению ряда важнейших задач развития экономики: распределение производства и добычи ресурсов, сохранение и поддержание здоровой экологии в мире.

Нельзя не отметить развитие производства электромобилей на социально-политическую жизнь стран. С одной стороны, быстрый рост выпуска электронных автомобилей ведет к созданию новых рабочих мест. С другой стороны, нехватка квалифицированных кадров, так как быстрый рост данной отрасли автомобилестроения требует быстрого перехода к цифровой грамотности. Соответственно, необходимость переобучения и подготовка специалистов в данной области требует времени и финансовых затрат.

Кроме того, мировые лидеры добычи нефти и ее использование как основного источника топлива для традиционных машин порождает конфликт и сопротивление компаний по использованию электромобилей.

Производство электромобилей влияют не только на экономическую, социальную жизнь, но и на политическую ситуацию в странах, в частности, затрагивается вопрос о государственной безопасности. 29 февраля 2024 года США опубликовали "Заявление президента

Байдена об угрозах национальной безопасности автомобильной промышленности США", где подчеркивается, что: «Китай решительно настроен, доминировать на автомобильном рынке будущего. Политика Китая может привести к тому, что его автомобили заполнят наш рынок, что представляет угрозу нашей национальной безопасности. Сегодня большинство автомобилей "подключены" — они подобны смартфонам на колесах, подключенными к телефонам, навигационными системами, ключевой инфраструктурой и компаниями-производителями. Подключенные автомобили из Китая могут собирать конфиденциальные данные о гражданах и инфраструктуре и отправлять их обратно в Китай. Эти автомобили могут быть удаленно доступны или отключены» [4].

Таким образом, производство электромобилей, как отдельная отрасль в экономике машиностроения, влияет на все сферы жизни общества: экономического развития, технологических инноваций, социальной жизни, национальной безопасности и международных отношений. Балансирование в цепочке поставок электромобилей и их комплектующих стало ключевой сферой соперничества между Китаем и США.

Основная часть

В настоящее время в современной индустрии электромобилей происходит тенденция изменений от биполярности – контроля производства электромобилей ограниченным количеством стран; к многополярности – где балансирование производства достигается с помощью свободной торговли и развитием данной отрасли в других странах, позволяющие контролировать определенную долю рынка.

На этапе цифровизации промышленной цепочки электромобилей можно выделить три сегмента: разработка, переработка и производство основных видов минерального и химического сырья. Изготовление деталей и комплектующих, аккумуляторов на среднем этапе; производство готовых автомобилей, предоставление услуг и разработка программных обеспечения на завершающем этапе. По доле рынка с 2016 по 2023 год Китай лидирует в мире по производству и продажам новых энергетических автомобилей в течение девяти лет подряд, играя ключевую роль в трансформации мировой автомобильной промышленности. Например, в 2022 году Китай занимал 64% от общемировых продаж новых электромобилей, Европа – 24%, США – 9%, а другие страны – 3% [5].

Китай демонстрирует лидерство в производстве ключевых деталей, необходимых для работы аккумулятора. Только 70% мирового производства катодов (специальные элементы, которые получают для энергии электроны), и 80% анодов – частицы, которые играют роль при освобождении энергии при расщеплении, а также солидный объем производства электролитов и сепараторов – данные детали непосредственно используются для лития-ионных аккумуляторов. Contemporary Amperex Technology Co. и BYD Co – основные компании в Китае, которые являются мировыми лидерами [6].

Китай контролирует ключевую цепочку поставок минерального сырья в переработке полезных ископаемых: например, в 2020 году Китай владеет более 70% мировых мощностей по производству графита и около 60% по переработке кобальта и лития [7].

В 2023 году в списке десятки крупнейших мировых производителей батарей входили Ningde Times, BYD, LG New Energy, Panasonic, SK On, AVIC Lithium, Samsung, Guoxuan Gaoke, Yilv Lithium и Xinwanda. За исключением трех южнокорейских компаний и одной японской, все остальные – китайские. Эти десять компаний контролируют более 90% мировых мощностей батарей, причем до 75% из них принадлежит китайским компаниям [8]. Для сравнения, на долю Соединенных Штатов приходится всего 8% мирового производства.

Итак, учитывая, что Соединенные Штаты являются основным лидером мирового производства полупроводниковых приборов [9], можно предположить, что в процессе электрификации мировая индустрия электромобилей сформировала биполярную структуру между Китаем и Соединенными Штатами. А на этапе поставок электромобилей происходит балансирование среди других стран, что характеризует тенденцию многополярности производства.

Цепочку производства новых электромобилей можно разделить на пять этапов: 1) общее производство; 2) электрификация (включая батареи, двигатели, электронные системы управления и терморегулирования); 3) цифровизации (включая датчики, системы автономного вождения и управления проводами); 4) оснащенность (включая V2X и контроллеры салона); 5) работа с кузовом, интерьером и экстерьером [10].

Необходимость балансирования цепочки поставок электромобилей очевиден, как было указано выше, Китай контролирует больше половины производства и сбыта, комплектующих по электромобилям, а также сами электронные

автомобили. Для поддержания баланса производства электромобилей, США, планирует ввести пошлины на импорт товаров для данных автомобилей из Китая. Также, для поддержания баланса цепочки ЕС вводит дополнительные ограничения по некитайскими автопроизводителям (BMW AG), которые импортирует iX3 в Европу из Китая [13].

В феврале 2021 года президент США Джо Байден подписал указ о цепочках поставок, выделив четыре ключевые области: полупроводники, высоко - ёмкие батареи, ключевые минералы и фармацевтику [13].

1 декабря 2023 года правительство США объявило о новых правилах предоставления налоговых льгот для электромобилей: электромобили, введенные в эксплуатацию после 31 декабря 2023 года, лишатся права на налоговую льготу, если хотя бы один компонент, входящий в состав батарей, был произведен или собран в FEOC (foreign entity of concern).

Для автомобилей, введенных в эксплуатацию после 31 декабря 2024 года, налоговый кредит не будет предоставляться, если любой из ключевых минералов, содержащихся в батарее, был добыт, обработан или переработан в FEOC [14]. Согласно положениям Закона о полномочиях в области национальной обороны на 2024 финансовый год, принятому 22 декабря 2023 года, с октября 2027 года Министерству обороны США будет запрещено закупать батареи у китайских компаний, таких как Ningde Times и BYD [15]. Также, автомобиль, ввозимый из Китая, облагается 10% тарифом в ЕС.

В рамках стратегии балансирования в цепочке поставок Соединенные Штаты разработали четырехстороннюю систему конкуренции с Китаем: субсидии, тарифы, технические и финансовые ограничения, а также укрепление союза в цепочке поставок электромобилей и комплектующих [16].

США используют субсидии с целью снижения себестоимости американской продукции по сравнению с китайской.

Также, США стимулировали индустрию электромобилей с помощью Закона о снижении инфляции (август 2022 года). Например, 1) автомобиль должен быть произведен в Северной Америке; 2) не менее 40% ключевых минералов, используемых в батарее, должны добываться в США или в стране, подписавшей соглашение о свободной торговле с США; 3) не менее 50% компонентов и материалов для батарей должны производиться в Северной Америке. Это требование начинает действовать с 2023 года.

Также, США вводит тарифные барьеры. В мае 2024 года США тарифы на китайские электромобили увеличились с 25% до 100%, а на литиевые батареи - с 7,5% до 25%. В 2022 году экспорт электромобилей в США снизился, несмотря на значительный рост общего китайского экспорта. [17].

Что означает, что США усилили тарифную политику, введенной Трампом в 2018 году, что установило тенденцию к экономическому разрыву между США и Китаем [17].

Чтобы лишить Китай доступа к американским технологиям и капиталу, китайские компании стали более осторожными в своих планах по инвестированию и строительству заводов в США.

В отличие от увеличения инвестиций в американскую автомобильную промышленность со стороны японских и южнокорейских компаний, таких как LG и Toyota, китайские компании, сталкиваются с многочисленными препятствиями на американском рынке. Некоторые американские политики утверждают, что тесное партнерство Tesla с Ningde Times вызывает утечку технологий, кризисы в цепочке поставок и угрожает национальной и экономической безопасности США [18].

Очень важен момент балансирование и сотрудничество цепочек поставок. В последние годы Соединенные Штаты активно сотрудничают с международными компаниями по добычи минеральных ресурсов, объединяя усилия с другими странами, которые обладают минеральными ресурсами, для того, чтобы формировать цепочки поставок минерального сырья, исключая Китай [19].

Например, в июне 2022 года США и их партнеры создали "Металлическое НАТО", известное как Партнерство по безопасности полезных ископаемых (MSP) [20]. Канада попросила три китайские компании отказаться от инвестиций в канадские предприятия по добыче лития по соображениям "национальной безопасности" [21].

Цепочка поставок представляет собой сеть, включающую производство сырья, компаний производителей, дистрибьюторов, розничных представителей и покупателей. Создавая свою цепочку поставок, Соединенные Штаты стараются доминировать со своими союзниками для балансирования силы Китая.

Заключение

Стремительное развитие автомобильной промышленности и цифровизации экономики повлияло на создание отдельной отрасли автомобилестроения, как электромобили. Также индустриальный и технологический подъем Китая

нарушили баланс в мировой автомобильной промышленности. Это побудило Соединенные Штаты принять политику балансирования в цепочке поставок в отношении Китая. Главная цель баланса сил - предотвратить монополию и монополярность бизнеса, то есть не дать одной стране в системе накопить столько сила, чтобы она могла доминировать над остальными [23].

Однако, в настоящее время, в области электромобилей Китай обладает определенной степенью лидерства. В тоже время, Европейские автопроизводители, такие как Volkswagen, BMW и Mercedes-Benz, значительно зависящие от китайского рынка, не следуют примеру США.

Так, 18 июня 2024 года шесть европейских и четыре китайских автопроизводителя провели закрытые консультации в Министерстве торговли Китая, где все они выступили против повышения тарифов Европейского союза на электромобили и другие автомобили, комплектующие из Китая. Европейские автоконцерны больше беспокоятся о том, что китайский рынок будет противостоять европейским компаниям, что нанесет им гораздо больший ущерб с точки зрения доли рынка [25]. Таким образом, ЕС может наоборот усилить китайские инвестиции в регион, для того, чтобы лучше контролировать ситуацию и требования к поставщикам, предотвращая будущие проблемы на геополитическом уровне.

Под сильным влиянием политики США мировая автомобильная промышленность всегда будет контролироваться, для того чтобы поддерживать баланс производства такой важной отрасли как электромобили.

С одной стороны, на крупнейшем едином рынке Китая, китайские автомобили продолжают вытеснять иностранные. С другой стороны, в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и на других рынках мировой экономики автомобильные компании разных стран будут сталкиваться с более острой конкуренцией из-за лидирующей позиции китайских автомобилей.

Литература

1. Синицын М.В. Влияние продвижения легковых электромобилей на потребление нефти // ЭКО. 2020. №10 (556).
2. McKinsey & Company, "Why the Automotive Future Is Electric", September 7, 2021, <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/why-the-automotive-future-is-electric/> (дата обращения: 24.06.2024)
3. Li Wei, Zou Yue, Zhu Caihua. Electric Vehicle Revolution: New Track for Industrial

Competition among Major Countries, *International Economic Review*, 2023(04), p.100 (In Chin.)

4. Statement from President Biden on Addressing National Security Risks to the U.S. Auto Industry, FEBRUARY 29, 2024, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/02/29/statement-from-president-biden-on-addressing-national-security-risks-to-the-u-s-auto-industry/> (дата обращения: 15.05.2024)

5. MSCI, The Third Energy Revolution and China's Electric Vehicle Industry, <https://www.msci.com/documents/1296102/f473761b-014b-de12-c6d7-c5fe04ad9bc3>, P.4 (дата обращения: 21.06.2024)

6. Kong Fanying. Recasting Hegemony: The Strategic Competition of the United States in China's Large-Capacity Battery Industry, *International Forum*, 2024(4), p.1-20 (In Chin.)

7. Council on Foreign Relations, "Ford-CATL Partnership Illustrates the Challenge of Decoupling EV Supply Chains," March 7, 2023, <https://www.cfr.org/blog/ford-catl-partnership-illustrates-challenge-decoupling-ev-supply-chains>. (дата обращения: 30.04.2024)

8. Statista, "Global Market Distribution of Lithium-ion Battery Makers in 2023," February 9, 2024, <https://www.statista.com/statistics/235323/lithium-batteries-top-manufacturers/#:~:text=China%2Dbased%20CATL%20was%20the,market%20share%20of%2013.6%20percent>. (дата обращения: 04.04.2024)

9. Хуа Дунь, Битва за полупроводники: политика наступательного реализма США по отношению к Китаю, Инновации и Инвестиции, с.54-58

10. CAICT *Report on the Total Factor Productivity of the New Energy Vehicle Industry Chain in the Era of Electrification, Connectivity, and Intelligence (2023)*, 02.2024. (In Chin.)

11. Mearsheimer John. *The Tragedy of Great power Politics*, Translated by Wang Yiwei and Tang Xiaosong, Shanghai People's Publishing, 2003 edition, p.480 (In Chin.)

12. Liu Feng. Structural Pressure, Hegemonic Legitimacy, and Balancing Behavior, *Quarterly Journal of Intenational Politics*, 2009(3), p.1-35-173. (In Chin.)

13. "Executive Order on America's Supply Chains", The White House, February 24, 2021, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/02/24/executive-order-on-americas-supply-chains/> (дата обращения: 07.03.2024)

14. Treasury, DOE Release Proposed Guidance to Strengthen Domestic Supply Chains for Batteries and Electric Vehicles, Ensure the U.S. Leads the Clean Vehicle Future, DECEMBER 01, 2023, <https://www.whitehouse.gov/cleanenergy/clean-energy-updates/2023/12/01/treasury-doe-release-proposed-guidance-to-strengthen-domestic-supply-chains-for-batteries-and-electric-vehicles-ensure-the-u-s-leads-the-clean-vehicle-future/> (дата обращения: 07.04.2024)

15. NATIONAL DEFENSE AUTHORIZATION ACT FOR FISCAL YEAR 2024, <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-118publ31/pdf/PLAW-118publ31.pdf> (дата обращения: 16.06.2024)

16. Greg Ip, The U.S. Finally Has a Strategy to Compete With China. Will It Work?, May 20, 2024, <https://www.wsj.com/economy/the-u-s-finally-has-a-strategy-to-compete-with-china-will-it-work-ce4ea6cf> (дата обращения: 21.06.2024)

17. Abhik M., "EV Sales in US up 54.5% YoY in 2022; Tesla Market Share at 50.5%", April 4, 2023, <https://www.counterpointresearch.com/us-ev-sales-2022/> (дата обращения: 09.06.2024)

18. Ramesh A., "The US Should Take Musk's China Entanglements Much More Seriously", October 27, 2022, <https://thehill.com/opinion/international/3707986-the-us-should-take-musks-china-entanglements-muchmore-seriously/> (дата обращения: 09.06.2024)

19. Yu Hongyuan, Guan Chenglong, Ma Zhe. Biden Administration's Critical Minerals Strategy. *Comtemporaray International Relations*. 2021(11). (In Chin.)

20. Wang Anjian, Yuan Xiaojing. Security of China's Strategic and Critical Minerals under Background of Great Power Competition. *Bulletin of Chinese Academy of Sciences*. 2022(11). (In Chin.)

21. "Canada Slams the Door on China in Critical Minerals Race", November 4, 2022, <https://www.nasdaq.com/articles/column-canada-slams-the-door-on-china-in-critical-minerals-race%3A-andy-home/> (дата обращения: 09.06.2024)

22. Utility Dive, "LG Energy Solution invests \$3B in US battery manufacturing expansion," October 10, 2023, <https://www.utilitydive.com/news/toyota-lg-energy-solution-lithium-battery-supply-deal-michiganfactory-expansion/696126/#:~:text=Finally%2C%20LG%20Energy%20Solution%20and,and%20lithium%20iron%20phosphate%20batteries>. (дата обращения: 09.06.2024)

23. Wu Zhengyu. The Dilemma of Balancing: banlace of power and World Politics in the Twenty-First Century. *Europe Studies*. 2006(02). P.69-81+158-159. (In Chin.)

24. Liu Feng. Why Balance of Power is Hard to Achieve: Explaining the Dilemma of Balancing from the Perspective of Structural Change. *World Economy and Politics*. 2006(09). P.36-42+5. (In Chin.)

25. https://www.guancha.cn/chenjing/2024_06_25_739151_s.shtml(дата обращения: 27.06.2024)

26. Chen Jing. The Global Automotive "War" Begins: What is the Current Situation? (In Chin.)

Regulating the US Electric Vehicle Manufacturing and Supply Chain: US Policy Towards China

Hua Dun

IMEMO named after E.M. Primakov

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

Currently, the development of modern mechanical engineering is a determining factor in the sustainability of the economy and technological potential of a particular country. With the development of technology and artificial intelligence, a new industry in mechanical engineering appears such as electric vehicles. The production of electric vehicles has gained enormous popularity in the modern world, which has created conditions for economic and political competition among world powers such as China and the United States.

The high level of digitalization of the Chinese economy distinguishes the electric vehicle industry as fundamental among traditional automobile powers. This leaves its mark on the development of mechanical engineering at the global level, and the balance of electric vehicle production, where China is becoming the main leader in the international arena. Therefore, this article considers the issue of balancing the supply and production of electric vehicles among countries remains relevant and open. This article analyzes the regulation and balancing of production and supply chains of electric vehicles at the macro - micro levels from the United States in relation to China. The article considers the issues of subsidies, tariffs, technological and financial external constraints in the supply chain of electric vehicles pursued by US policy. As a result of such actions, differentiation occurs in the global electric vehicle business, as well as in the domestic market of China and other countries. Dependence on the Chinese market is reduced, and as a result, geopolitical tensions between the United States and the European Union.

Keywords: Electric vehicle, Balancing, Supply chain, USA, China, EU

References

1. Sinitsyn M.V. The Impact of the Promotion of Light-duty Electric Vehicles on Oil Consumption // ECO. 2020. No. 10 (556).
2. McKinsey & Company, "Why the Automotive Future Is Electric", September 7, 2021, <https://www.mckinsey.com/industries/automotive-and-assembly/our-insights/why-the-automotive-future-is-electric#/> (accessed: 24.06.2024)
3. Li Wei, Zou Yue, Zhu Caihua. Electric Vehicle Revolution: New Track for Industrial Competition among Major Countries, *International Economic Review*, 2023(04), p.100 (In China.)

4. Statement from President Biden on Addressing National Security Risks to the U.S. Auto Industry, FEBRUARY 29, 2024, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/02/29/statement-from-president-biden-on-addressing-national-security-risks-to-the-u-s-auto-industry/> (accessed 05.15.2024)
5. MSCI, The Third Energy Revolution and China's Electric Vehicle Industry, <https://www.msci.com/documents/1296102/f473761b-014b-de12-c6d7-c5fe04ad9bc3>, P.4 (accessed June 21, 2024)
6. Kong Fanying. Recasting Hegemony: The Strategic Competition of the United States in China's Large-Capacity Battery Industry, *International Forum*, 2024(4), p.1-20 (In Chin.)
7. Council on Foreign Relations, "Ford-CATL Partnership Illustrates the Challenge of Decoupling EV Supply Chains," March 7, 2023, <https://www.cfr.org/blog/ford-catl-partnership-illustrates-challenge-decoupling-ev-supply-chains>. (date accessed: 04/30/2024)
8. Statista, "Global Market Distribution of Lithium-ion Battery Makers in 2023," February 9, 2024, <https://www.statista.com/statistics/235323/lithium-batteries-top-manufacturers#:~:text=China%2D%20CATL%20was%20the%20share%20of%2013.6%20percent>. (Accessed: 04.04.2024)
9. Hua Dun, The Battle for Semiconductors: US Offensive Realism Policy Towards China, *Innovation and Investment*, pp.54-58
10. CAICT Report on the Total Factor Productivity of the New Energy Vehicle Industry Chain in the Era of Electrification, Connectivity, and Intelligence (2023), 02.2024. (In China)
11. Mearsheimer John. The Tragedy of Great power Politics, Translated by Wang Yiwei and Tang Xiaosong, Shanghai People's Publishing, 2003 edition, p.480 (In China)
12. Liu Feng. Structural Pressure, Hegemonic Legitimacy, and Balancing Behavior, *Quarterly Journal of International Politics*, 2009(3), p.1-35-173. (In Chin.)
13. "Executive Order on America's Supply Chains," The White House, February 24, 2021, <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/02/24/executive-order-on-americas-supply-chains/> (accessed 03/07/2024)
14. Treasury, DOE Release Proposed Guidance to Strengthen Domestic Supply Chains for Batteries and Electric Vehicles, Ensure the U.S. Leads the Clean Vehicle Future, DECEMBER 01, 2023, <https://www.whitehouse.gov/cleanenergy/clean-energy-updates/2023/12/01/treasury-doe-release-proposed-guidance-to-strengthen-domestic-supply-chains-for-batteries-and-electric-vehicles-ensure-the-u-s-leads-the-clean-vehicle-future/> (accessed: 07.04.2024)
15. NATIONAL DEFENSE AUTHORIZATION ACT FOR FISCAL YEAR 2024, <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-118publ31/pdf/PLAW-118publ31.pdf> (accessed: 16.06.2024)
16. Greg IP, The U.S. Finally Has a Strategy to Compete With China. Will It Work?, May 20, 2024, <https://www.wsj.com/economy/the-u-s-finally-has-a-strategy-to-compete-with-china-will-it-work-ce4ea6cf> (accessed: 06/21/2024)
17. Abhik M., "EV Sales in US up 54.5% YoY in 2022; Tesla Market Share at 50.5%", April 4, 2023, <https://www.counterpointresearch.com/us-ev-sales-2022/> (date of access: 06/09/2024)
18. Ramesh A., "The US Should Take Musk's Chinese Entanglements Much More Seriously", October 27, 2022, <https://thehill.com/opinion/international/370798-the-us-should-take-musks-china-entanglements-muchmore-seriously/> (accessed: 06/09/2024)

19. Yu Hongyuan, Guan Chenglong, Ma Zhe. Biden Administration's Critical Minerals Strategy. Comtemporaray International Relations. 2021(11). (In Chin.)
20. Wang Anjian, Yuan Xiaojing. Security of China's Strategic and Critical Min-erals under Background of Great Power Competition. Bulletin of Chinese Academy of Sciences. 2022(11). (In Chin.)
21. "Canada Slams the Door on China in Critical Minerals Race," November 4, 2022, <https://www.nasdaq.com/articles/column-canada-slams-the-door-on-china-in-critical-minerals-race%3A-andy-home/> (accessed 06/09/2024)
22. Utility Dive, "LG Energy So lution invests \$3B in US battery manufacturing expansion," October 10, 2023, <https://www.utilitydive.com/news/toyota-lg-energy-solution-lithium-battery-supply-deal-michiganfactory-expansion/696126/#:~:text=Finally%2C%20LG%20Energy%20Solution%20and, and%20lithium%20iron%20phosphate%20batteries.> (date of access: 06/09/2024)
23. Wu Zhengyu. The Dilemma of Balancing: banlace of power and World Politics in the Twenty-First Century. Europe Studies. 2006(02). P.69-81+158-159. (In Chin.)
24. Liu Feng. Why Balance of Power is Hard to Achieve: Explaining the Dilemma of Balancing from the Perspective of Structural Change. World Economy and Politics. 2006(09). P.36-42+5. (In Chin.)
25. https://www.guancha.cn/chenjing/2024_06_25_739151_s.shtml(date of access: 06/27/2024)
26. Chen Jing. The Global Automotive 'War' Begins: What is the Current Situation? (In Chin.)

Оценка эффективности деятельности региональных организаций-членов Федерации регби России

Асланов Эмиль Асиф оглы

заместитель директора по региональному развитию, Федерация регби России, aslanove@gmail.com

В статье рассматриваются методологические подходы и инструменты для оценки деятельности региональных групп, Членов Федерации регби России, по продвижению регби в стране. Основная цель – рассмотрение потенциальных методов оценки эффективности деятельности региональных организаций, Членов Федерации регби России, выделив как теоретические методы, так и практические особенности реализации. В ходе исследования был проведен сбор и анализ информации о методах, которые применяются при разработке систем показателей эффективности спортивных организаций. Кроме того, на основании Положения об оценке эффективности деятельности региональных организаций по регби 2024 года были выявлены особенности и проведены расчеты в качестве примера работы данной системы оценки эффективности рассматриваемых организаций. В статье отмечаются характерные черты подходов при выборе критериев оценивания, а также некоторые особенности применения системы оценивания, предложенной в Положении.

Ключевые слова: регби, критерии оценивания, KPI, оценка эффективности, спортивные организации

Федерация регби России через сеть региональных организаций-членов федерации активно развивает регби как вид спорта на территории страны. Для дальнейшего роста крайне важно оценивать эффективность работы по данному направлению в каждом регионе, чтобы улучшить управление структурами и шире популяризовать данный вид спорта в России.

Спорт – это не только зрелищное шоу и физическая активность, но и социокультурный феномен, который способствует социальному сплочению и прогрессу общества. Регби имеет уникальное прошлое и множество традиций, ФРР занимается развитием данного вида спорта на уровне страны, однако необходим более глубокий анализ для понимания того, насколько успешны инициативы региональных групп по развитию регби.

Цель данной статьи – рассмотреть возможные методы оценки эффективности деятельности региональных организаций, Членов Федерации регби России, с позиции теории и практической реализации методов. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. рассмотрение теоретических подходов к оценке эффективности деятельности спортивных организаций;
2. изучение введенных методов оценки эффективности деятельности спортивных организаций (на примере Положения об оценке эффективности деятельности региональных организаций по регби 2024 года);
3. анализ результатов.

В рамках данного исследования была собрана и проанализирована информация о методах, применяемых при разработке систем показателей эффективности спортивных организаций, а также рассмотрены наиболее существенные особенности предложенных методов.

На практике существуют разные подходы к оценке эффективности деятельности спортивных организаций. Можно оценивать спортивные учреждения с позиции организаций, предлагающих услуги спортивного характера. Разработка системы ключевых показателей эффективности (KPI) обсуждается в статье Е. А. Беляковича и А. С. Денисенко «Система Key Performance Indicator для спортивных организаций».

В этом контексте крайне необходимо определить конкретные факторы, влияющие на деятельность спортивной организации. Тренерский состав несет ответственность за обеспечение качества обслуживания, и их работа становится решающей в определении его эффективности [1].

Авторы подчеркивают, что для создания системы ключевых показателей эффективности нужно определить каждый отдельный показатель и классифицировать его по категориям эффективности. Они подчеркивают важность этого шага, поскольку он помогает обеспечить эффективность системы. В частности было предложено выделить следующие показатели эффективности:

- KPI производительности;
- KPI результата;
- KPI эффективности;
- KPI функционирования [1].

Первый набор показателей основан на общем количестве участников. Второй основан на спортивных достижениях и подготовке элитных спортсменов. Третий основан на продажах абонементов или, точнее, на финансовой эффективности, а четвертый – на посещаемости.

Существуют альтернативные методы оценки эффективности спортивных организаций. А.М. Казиахмедов, М.Р. Мусаханян и А.С. Назарова обсуждают эти методы в своей статье «Эффективность деятельности спортивных организаций». Авторы учитывают как социальные, так и спортивные достижения команд, а также финансовый успех организации. Они оценивают эффективность спортивных организаций, прежде всего, на основе показателей, отражающих спортивные достижения, таких как завоеванные медали, установленные рекорды и участие в международных соревнованиях. Они также учитывают такие факторы, как влияние на местное сообщество, включая улучшение здоровья и благосостояния, повышение производительности труда и снижение уровня преступности. Авторы также включают оценку общей эффективности развития спорта на региональном уровне [2].

В случае, когда необходимо разработать те или иные критерии для оценивания деятельности организаций, занимающихся спортивной деятельностью, следует учитывать такие моменты, как:

- тщательная проработка критериев с максимальным описанием деталей;
- обозначая цель, необходимо помнить о ее достижимости;

- между целью работы организации и критериями оценивания должна существовать крепкая связь [3].

Подобные мысли прослеживаются в статье «Концептуальный подход и алгоритм педагогического проектирования физкультурно-оздоровительных занятий» (автор – О.Н. Степанова). В частности, указывается, что разрабатывая критерии оценивания для спортивных организаций, нужно придерживаться определенных принципов:

- цель должна быть достижима;
- критерии должны быть взаимодополняемы в зависимости от обстоятельств;
- при разработке критериев необходимо нацеливаться на прогнозируемость зависимостей;
- критерии должны иметь определенность и быть конкретными [4].

Статья «Подходы к оценке конкурентоспособности спортивно-оздоровительного комплекса» (авторами выступили А.С. Колмогорова и Л.А. Скороходова) обращают на такие критерии оценивания спортивных организаций, как:

- местоположение учреждения;
- сегмент, занимаемый учреждением;
- разнообразие предлагаемых спортивных услуг;
- наличие или отсутствие дополнительных услуг;
- ценовой диапазон услуг;
- квалификация персонала (в частности тренеров);
- график работы;
- наличие интернет-страницы (в том числе страницы в социальных сетях) учреждения [5].

Во многом в данной работе спортивные учреждения рассматриваются как коммерческие организации, что сказалось на выборе критериев, однако экономический аспект деятельности спортивных организаций также следует учитывать при оценке определенных аспектов.

Таким образом, очевидно, что для оценки эффективности деятельности региональных организаций, входящих в Федерацию регби России, необходимо уделять особое внимание анализу ключевых показателей, таких как количество зарегистрированных игроков, сыгранных матчей и финансовых показателей (бюджет, спонсорские средства и т.д.). Сравнивая показатели с результатами других местных регбийных организаций, которые придерживаются лучших практик и стандартов, можно определить сильные и слабые стороны.

В настоящее время подготовлено Положение об оценке эффективности деятельности региональных организаций, членов Общероссийской общественной организации «Спортивная федерация (союз) регби России», на основе ключевых показателей эффективности (KPI) для региональных организаций, членов Общероссийской общественной организации «Спортивная федерация (союз) регби России» (в дальнейшем – Положение). Данный документ служит основой для создания рейтинговой системы, которая поможет оценить эффективность деятельности региональных организаций, участвующих в развитии регби в России.

Положение также закладывает основу для системы ключевых показателей эффективности (KPI), определяет критерии и процесс оценки эффективности деятельности региональных организаций. В документе перечислены показатели и критерии, которые будут использоваться для оценки деятельности этих организаций за отчетный период (1 год) [6].

Система указанных ключевых показателей обеспечивает структурированный подход к оценке эффективности деятельности региональных организаций и предлагает подробный анализ их деятельности за отчетный период. Он основан на целях и задачах ФРР и региональных организаций, с целью регулярного планирования и мониторинга реализации целей, определенных в программе развития.

Система позволяет собирать актуальную информацию о деятельности региональных организаций благодаря сбору статистических данных. Используя эту стратегию, можно определить цели и задачи региональных организаций с помощью конкретных показателей, оценить их текущий уровень достижений и создать основу для принятия управленческих решений [6].

Для оценки эффективности деятельности региональной организации используются три уровня развития.

Уровень 1 включает региональные федерации, которые имеют статус «базовый вид спорта» или которые выразили намерение стать частью уровня 1, когда их деятельность будет оценена на предмет эффективности.

Уровень 2 состоит из региональных федераций, которые не имеют статуса «базовый вид спорта» и участвуют в соревнованиях, перечисленных Министерством спорта Российской Федерации в Едином календарном плане (ЕКП) за отчетный период.

Наконец, уровень 3 включает в себя другие региональные федерации [6].

Все необходимые данные предоставляются уполномоченной организации в порядке, указанном в Положении.

На основе информации, формируемой из данных, предоставленных ответственными организациями (список указан в Положении), производится оценка KPI. Данная оценка может быть рассчитана при перемножении баллов и веса KPI для каждого приоритета.

Вес KPI – это показатель, который указывает на важность параметра в рамках развития регби в Российской Федерации. Баллы – это единица измерения, используемая для оценки эффективности показателя, и они присваиваются каждому показателю отдельно [6].

В Положении показатели, используемые в этом процессе, разделены на 9 приоритетных направлений, внутри которых могут быть выделены отдельные показатели:

1. Детско-юношеские соревнования;
 - 2.1 Количество отделений по регби в регионе;
 - 2.2 Численность занимающихся регби по программам спортивной подготовки в регионе;
 - 2.3 Организация спортивных и физкультурных мероприятий, проводимых в регионе;
- 3.1 Проведение регбийной школьной лиги в регионе;
- 3.2 Общая численность занимающихся регби в регионе;
4. Выполнение спортивного норматива;
 - 5.1 Тренерский состав;
 - 5.2 Спортивные судьи;
 - 6.1 Спортсмены региона в составе в составе сборных команд Академий регби (для региональных федераций 2 и 3 группы);
 - 6.2 Обучение по направлению «регби»;
 - 6.3 Турниры, проводимые Автономной некоммерческой организацией по развитию и популяризации регби «Центр проведения соревнований» (для региональных федераций 2 и 3 группы);
 - 7.1 Соревнования, проводимые Ассоциацией «Студенческая регбийная лига»;
 - 7.2 Соревнования, проводимые Фондом ФРР по развитию регби в Вооруженных Силах и силовых структурах;
 - 8.1 Базовый вид спорта;
 - 8.2 Соглашение о сотрудничестве;
 - 8.3 Наличие государственной аккредитации;
 - 9.1 Взаимодействие с Общероссийской общественной организации «Всероссийская федерация спорта лиц с поражением опорно-двигательного аппарата»;
 - 9.2 Борьба с допингом;

9.3 Турниры по регби пляжное и регби на снегу (для региональных федераций 2 и 3 группы).

Количество баллов и вес КРІ устанавливаются для каждого приоритета и показателя (если они указаны отдельно). Все эти данные необходимы для оценки КРІ, что в дальнейшем может использоваться для оценки эффективности региональных спортивных организаций, занимающихся регби [6].

Для примера можно провести расчеты для двух разновозрастных групп в разных регионах, чтобы проиллюстрировать особенности ведения и составления подобной информации.

Для каждого региона представлены данные об учреждениях, занимающихся развитием регби в регионе (при необходимости указаны данные о командах в старшей и младшей возрастной группе).

Команда младшего состава региона Х принимала участие во Всероссийских соревнованиях, входящих в ЕКП Минспорта России, в категории до 16 лет и заняла 5 место, а аналогичная команда региона Y – в Межрегиональных соревнованиях СФО и ДВФО (также входит в ЕКП Минспорта России) и заняла 2 место в категории до 15 лет.

В регионе Х имеется 5 отделений (за отчетный период новых открыто не было), в регионе Y – 3 отделения (открыто 1 отделение за отчетный период), при этом в регионе Y увеличение количества занимающихся по программам спортивной подготовки в регионе за отчетный период составляет 25%, в то время, как регионе Х – 14%. В этот период в обоих регионах было проведено по 5 спортивных мероприятий.

В регионе Х в регбийной школьной лиге региона за отчетный период принимает участие 3 организации, в регионе Y – 2 организации. В регионе Х общее количество занимающихся регби в возрастной группе 7-20 лет увеличилось на 9%, а в возрастной группе 20 лет и старше – на 5%. В регионе Y эти показатели составляют 29% и 18% соответственно.

В регионе Х в командах насчитывается 1 заслуженный мастер спорта (насчитывается 4 балла), 1 мастер спорта (1 балл) и 3 кандидата в мастера спорта (по 0,3 балла). В регионе Y – 2 мастера спорта и 4 кандидата в мастера спорта (по 1 и по 0,3 балла соответственно).

В регионе Х насчитывается 9 тренеров и 4 спортивных судьи (увеличение за отчетный период составило 2 и 1 соответственно), в регионе Y – 6 и 2 указанных представителя (увеличение за отчетный период – 1 и 0).

В регионе Х имеется 12 спортсменов, выступающих в составе сборных команд Академии

регби, в регионе Y таких нет, при этом в регионе Y в спортивном вузе была открыта дисциплина для обучения по направлению «регби», о чем размещена информация на сайте вуза. Аналогичная дисциплина была также открыта в регионе Х, однако в отчетный период информация об этом не была размещена на сайте вуза, поэтому данный показатель не может учитываться. Также одна команда региона Y принимала участие в турнире Высшей лиги регби, организованной Автономной некоммерческой организацией по развитию и популяризации регби «Центр проведения соревнований», где заняла 3 место. Команды региона Х в турнирах, проводимых данной организацией, в течение отчетного периода участия не принимали.

В течение отчетного периода команда региона Х принимала участие в соревнованиях, проводимых Ассоциацией «Студенческая регбийная лига» (регби пляжное), где заняло 1 место, а команда региона Y принимала участие во Всероссийских соревнованиях, где заняла 4 место. В то же время ни одна из команд рассматриваемых регионов не участвовала в соревнованиях, организованных Фондом ФРП по развитию регби в Вооруженных Силах и силовых структурах.

По данным Министерства спорта Российской Федерации, в обоих регионах данный вид спорта считается базовым, но только спортивной федерацией региона Y были предоставлены соглашения о сотрудничестве. Данные о наличии государственной аккредитации указаны Министерством спорта Российской Федерации также только для региона Y.

Оба региона не указаны в данных о взаимодействии с Общероссийской общественной организацией «Всероссийская федерация спорта лиц с поражением опорно-двигательного аппарата», а сертификат РУСАДА о прохождении курса по борьбе с допингом для специалистов региональных спортивных федераций был предоставлен только в отчете региона Х. Регионы в течение отчетного периода были представлены командами в турнирах по пляжному регби, где команда от региона Y заняла второе место в чемпионате России по регби-пляжному, а команда региона Х – третье место.

Каждый показатель оценивается в определенное количество баллов, после чего полученный результат для каждого приоритета/пункта внутри приоритета умножается на вес КРІ. Общий результат для оценки эффективности получается в результате суммирования всех получившихся результатов перемножения. Ниже представлена таблица на основе

указанных ранее данных с результатами расчетов.

Таблица 1

Пример распределения баллов и оценки эффективности деятельности региональных организаций, занимающихся регби на основе критериев, представленных в Положении. Младший состав отмечен звездочкой (*), старший 0 двумя звездочками (**); в остальных случаях деления по возрастным категориям отсутствует.

Приоритет	Регион X (команды мл.* и ст.** состава)				Регион Y (команды мл.* и ст.** состава)			
	Данные по показателю	Балл	KPI	Промеж. итог	Данные по показателю	Балл	KPI	Промеж. итог
1*	+	3 (3+0)	-	3	+	4 (2+2)	-	4
2.1	0	0	0,9	0	1	5 (1*5)	0,9	4,5
2.2	14%	1	0,9	0,9	25%	2	0,9	1,8
2.3	5	0,4	0,9	0,36	5	0,4	0,9	0,36
3.1	3	0,2	0,8	0,16	2	0,2	0,8	0,16
3.2*	9%	1	0,8	0,8	29%	2	0,8	1,6
3.2**	5%	1	0,8	0,8	18%	1	0,8	0,8
4	1 ЗМС, 1 МС, 3 КМС	5,9 (4+1+0,3*3)	0,7	4,13	2 МС, 4 КМС	3,2 (1*2+0,3*4)	0,7	2,24
5.1	2	0,3	0,6	0,18	1	0,3	0,6	0,18
5.2	1	0,3	0,6	0,18	0	0	0,6	0
6.1	12	0,2	0,5	0,1	-	0	0,5	0
6.2	-	0	0,5	0	+	3	0,5	1,5
6.3	-	0	0,5	0	Высшая лига регби, 3 м	6 (4+2)	0,5	3
7.1	Регби пляжное, 1 м	1 (0,5+0,5)	0,4	0,4	Всероссийские соревнования, 4 м	2 (2+0)	0,4	0,8
7.2	-	0	0,4	0	-	0	0,4	0
8.1	+	2	0,3	0,6	+	2	0,3	0,6
8.2	-	0	0,3	0	+	2	0,3	0,6
8.3	-	0	0,3	0	+	2	0,3	0,6
9.1	-	0	0,2	0	-	0	0,2	0
9.2	+	2	0,2	0,4	-	0	0,2	0

9.3	Чемпионат России по регби-пляжному, 3 м	0,2	0,2	0,04	Чемпионат России по регби-пляжному, 2 м	0,5	0,2	0,1
Итого:		12,05			22,84			

На примере данных расчетов можно увидеть, что итоговый балл во многом зависит не от количества команд и организаций в регионе (что, однако, не означает незначительность этого показателя), а от активности в участии в соревнованиях и результативности команд, от развития спорта в регионе (в том числе привлечения новых участников, выполнения нормативов спортсменами и иных показателей), а также от эффективного проведения работы с регламентами и подготовки и составления требуемых материалов в течение отчетного периода.

Подводя итоги, стоит отметить важность для всей ФРР оценки деятельности местных организаций, занимающихся регби. Используя эту оценку, можно выявлять проблемные ситуации, предлагать эффективные методы и составлять планы для дальнейшего развития.

Можно сделать вывод о том, что при оценке эффективности деятельности региональных организаций возможно применение различных подходов. В данной статье помимо прочих был рассмотрен подход, предлагаемый в Положении об оценке эффективности деятельности региональных организаций, членов Общероссийской общественной организации «Спортивная федерация (союз) регби России», на основе ключевых показателей эффективности (KPI) для региональных организаций, членов Общероссийской общественной организации «Спортивная федерация (союз) регби России».

Федерация регби России разработала Положение как документ для определения эффективности деятельности региональных организаций с целью продвижения и популяризации регби. Этот документ служит инструментом для оценки деятельности региональных организаций и понимания того, какой вклад они вносят в развитие регби в своем регионе.

На основании Положения по предложенным данным были проведены расчеты для иллюстрации оценки и сравнения эффективности организаций в регионах. Конечный результат зависит как от количества команд и организаций в регионе (при этом данный показатель не является основополагающим для итогового балла), а также от активности и результативности деятельности команд и иных факторов, как

то от привлечения новых участников, выполнения нормативов спортсменами и прочих показателей.

Литература

1. Белякович, Е. А. Система Key Performance Indicator для спортивных организаций // Национальная экономика Республики Беларусь: проблемы и перспективы развития : материалы XII Международной научно-практической конференции студентов, Минск, 3-11 апреля 2019 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т ; [редкол.: А.А. Быков (пред.) и др.]. – Минск : БГЭУ, 2019. – С. 94-95.

2. Казиахмедов, А. М., Мусаханян, М. Р., Назарова, А. С. Эффективность деятельности спортивных организаций // Теория и практика современной науки. – 2023. – №6 (96).

3. Сафронова, А. В. Особенности формирования и оценки системы ключевых показателей КРІ деятельности фитнес-клуба // Вестник науки и творчества. – 2016. – №5 (5).

4. Степанова, О. Н. Концептуальный подход и алгоритм педагогического проектирования физкультурно-оздоровительных занятий // Теория и практика физической культуры. – 2015. – № 2. – С. 60-62.

5. Колмогорова А. С. Подходы к оценке конкурентоспособности спортивно-оздоровительного комплекса // Здоровьесбережение как инновационный аспект современного образования : материалы III Международной научно-практической заочной студенческой конференции, 22 марта 2017 г., [г. Екатеринбург] / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург : РГППУ, 2017. – С. 181-186.

6. Об оценке эффективности деятельности региональных организаций, членов Общероссийской общественной организации «Спортивная федерация (союз) регби России», на основе ключевых показателей эффективности (КРІ) для региональных организаций, членов Общероссийской общественной организации «Спортивная федерация (союз) регби России» : Положение Общероссийской общественной организации «Спортивная федерация (союз) регби России» // утверждено на основании протокола №22 от 31.05.2024. – 14 С.

Evaluation of the effectiveness of regional organizations, Members of the Russian Rugby Federation

Aslanov E.A.

Russian Rugby Federation

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The article discusses methodological approaches and tools for evaluating the activities of local groups, members of the Russian Rugby Federation, to promote rugby in the country. The main goal is to consider potential methods for evaluating the effectiveness of regional organizations of the Members of the Russian Rugby Federation, highlighting both theoretical methods and practical implementation features. In the course of the study, information was collected and analyzed on the methods used in the development of performance indicators systems for sports organizations. In addition, based on the Regulation on Evaluating the Effectiveness of Regional Rugby organizations in 2024, the features were identified and calculations were carried out as an example of the work of this system for evaluating the effectiveness of the organizations in question. The article highlights the characteristic features of approaches to the selection of evaluation criteria, as well as some features of the application of the evaluation system proposed in the Regulation.

Keywords: rugby, evaluation criteria, KPI, performance assessment, sports organizations

References

1. Belyakovich, E. A. Key Performance Indicator system for sports organizations // National Economy of the Republic of Belarus: problems and prospects of development : materials of the XII International Scientific and Practical Conference of Students, Minsk, April 3-11, 2019 / Ministry of Education of the Republic of Belarus. Belarus, Belarus. state economy. Univ.; [editorial board: A.A. Bykov (pred.) and others]. – Minsk : BSEU, 2019. – С. 94-95.
2. Kaziakhmedov, A.M., Musakhanyan, M. R., Nazarova, A. S. The effectiveness of sports organizations // Theory and practice of modern science. – 2023. – №6 (96).
3. Safronova, A.V. Features of the formation and evaluation of the system of key KPIs of the fitness club // Bulletin of Science and Creativity. – 2016. – №5 (5).
4. Stepanova, O. N. Conceptual approach and algorithm of pedagogical design of physical education and recreation classes // Theory and practice of physical culture. – 2015. – No. 2. – pp. 60-62.
5. Kolmogorova A. S. Approaches to assessing the competitiveness of a sports and recreation complex // Health saving as an innovative aspect of modern education : materials of the III International Scientific and practical correspondence student Conference, March 22, 2017, [Yekaterinburg] / Russian State Prof. un-T. – Yekaterinburg : RGPPU, 2017. – pp. 181-186.
6. On evaluating the effectiveness of the activities of regional organizations, members of the All-Russian public organization "Sports Federation (Union) of Rugby of Russia", based on key performance indicators (KPIs) for regional organizations, members of the All-Russian public organization "Sports Federation (Union) of Rugby of Russia": The position of the All-Russian public organization "Sports Federation (Union) of Rugby of Russia" // approved on the basis of Protocol No. 22 dated 05/31/2024. – 14 p.

Трансформация факторов конкурентоспособности девелоперской организации в условиях цифровой экономики

Колесников Антон Александрович

аспирант, Базовая кафедра "Управление проектами и программами Capital Group", РЭУ им. Г.В. Плеханова, anton505@mail.ru

Исследование фокусируется на эволюции детерминант конкурентоспособности девелоперских организаций в контексте цифровой трансформации экономики. На основе анализа академической литературы, статистических данных и бизнес-аналитики предложена концептуальная матрица систематизации факторов их конкурентного потенциала. Выявлено, что переход к цифровой экономике влечет переосмысление традиционных источников конкурентных преимуществ девелоперских организаций, акцентируя внимание на адаптивности стратегий, персонализации клиентских коммуникаций и развитии инновационного потенциала. Отмечена многоаспектность и нелинейность цифровой трансформации рынка недвижимости, обусловленная технологическим прогрессом и макроэкономической конъюнктурой. Подчеркивается значимость развития цифровых компетенций как ключевых императивов долгосрочной конкурентоспособности девелоперских организаций. Установлено, что дальнейшее развитие отрасли будет определяться внедрением платформенных решений, персонализацией продуктовых предложений и клиентских коммуникаций, а также формированием стратегических альянсов девелоперских компаний с ProTech-стартапами и цифровыми экосистемами смежных отраслей.

Ключевые слова: девелоперские организации, конкурентоспособность, факторы, цифровая зрелость, цифровая трансформация, цифровая экономика, стратегическое развитие.

Введение. В условиях новой экономики информационного типа, характеризующейся фундаментальным сдвигом от индустриальной парадигмы к цифровой, конкурентоспособность предприятий приобретает новые измерения. Этот переход знаменует собой не просто ускорение экономических процессов, но и качественное изменение самой природы экономических отношений. Цифровая экономика, в отличие от индустриальной, базируется на информационных технологиях, больших данных и сетевых эффектах, что коренным образом меняет условия функционирования и развития бизнеса, в том числе, в сфере девелопмента.

В этом контексте конкуренция выступает не только как имманентное свойство экономико-производственной среды, но и как движущая сила цифровой трансформации. Рыночные механизмы в новых условиях стимулируют хозяйствующие субъекты не просто к повышению эффективности, но к радикальному переосмыслению бизнес-моделей и стратегий в соответствии с логикой цифровой экономики.

Сфера девелопмента, подразумевающая предпринимательское взаимодействие с недвижимостью, исторически отличается высокой степенью конкуренции.

Проблематикой факторов конкурентоспособности занимались многие ученые. В частности, Бабанов А.Б. и Шаваев Р.Х. исследовали факторы повышения конкурентоспособности предприятия в условиях цифровой трансформации [2], Борщева А.В. и Ильченко С.В. анализировали общие факторы конкурентоспособности предприятия [3]. Буткова Д.А. в своих работах уделила особое внимание специфике оценки конкурентоспособности девелопера [4]. Кроме того, теоретические основы и научно-методический подход к оценке и обеспечению конкурентоспособности компаний в современных условиях нашли свое отражение в работах таких исследователей, как В.В. Криворотов, А.В. Калина, С.Е. Ерыпалов, Т.А. Трушков, Л.А. Буланов, Е.А. Дулов, Сафиуллин Н.З., Сафиуллин Л.Н., С.В. Шкиотов, С.Н. Растворцева.

Еще в трудах классиков экономической мысли (А. Смит, Д. Рикардо) [13] подчеркивалась особая роль конкуренции в развитии рынка недвижимости, где ограниченность и неэластичность предложения земли и объектов недвижимости обуславливают интенсивную борьбу за наиболее выгодные условия реализации собственных проектов. В этой связи для девелоперских организаций вопрос наращивания собственной конкурентоспособности в условиях новой экономики информационного типа приобретает первостепенное значение.

Конкурентоспособность девелоперской организации представляет собой комплексную характеристику, отражающую ее способность эффективно осуществлять свою деятельность в условиях конкурентного рынка, удовлетворяя потребности потребителей и обеспечивая устойчивое развитие в долгосрочной перспективе [4]. Она формируется под влиянием множества факторов, как внутренних (ресурсный потенциал, организационно-управленческие аспекты, инновационная активность) [3; 4], так и внешних (состояние рынка недвижимости, институциональная среда, макроэкономические тенденции) [8]. Однако в условиях цифровой экономики происходит существенная трансформация этих факторов, а также возникновение новых детерминант конкурентоспособности девелоперского предприятия [6; 15; 12; 9]:

1. Технологическая трансформация – переход от традиционных методов проектирования и строительства к внедрению технологий информационного моделирования, цифровых двойников и автоматизации процессов;

2. Изменение маркетинговых стратегий – переход от стандартизированных подходов к персонализированному маркетингу на основе анализа больших данных и предиктивной аналитики;

3. Информационная интеграция – эволюция от локальных информационных систем к интегрированным цифровым экосистемам и платформенным решениям;

4. Клиентоориентированность – развитие от ограниченного взаимодействия с клиентами к омниканальной коммуникации и предоставлению комплексных цифровых сервисов.

5. Цифровая зрелость – формирование нового фактора конкурентоспособности, отражающего способность организации динамично адаптироваться к изменяющимся внешним условиям за счёт эффективного использования цифровых технологий;

6. Инновационный потенциал – усиление роли инвестиций в собственные IT-разработки и обеспечение технологического суверенитета

как ключевого конкурентного преимущества.

7. Человеческий капитал – возрастание значимости цифровых компетенций персонала и формирования цифровой корпоративной культуры.

Несмотря на объективную необходимость повышения конкурентоспособности в условиях цифровой трансформации экономики, в практике функционирования девелоперских организаций сохраняется ряд проблем, препятствующих полноценной реализации их конкурентного потенциала.

К числу наиболее существенных из них относятся: недостаточная технологическая оснащенность и цифровизация бизнес-процессов; дефицит квалифицированных кадров, обладающих компетенциями в вопросах формирования цифровой зрелости девелопмента, фрагментированность информационного пространства их бизнес-процессов и слабая интегрированность в цифровые экосистемы [2; 4; 8].

Примечательно, что большинство указанных проблем в той или иной степени связаны с процессом перехода от постиндустриальной к цифровой экономике. Формирование цифровой экономики, базирующейся на широком применении информационно-коммуникационных технологий, анализе больших данных, автоматизации и роботизации, влечет за собой кардинальную трансформацию традиционных бизнес-моделей и способов организации экономической деятельности [10]. В этих условиях конкурентоспособность девелоперских организаций все в большей мере определяется их готовностью к цифровой трансформации, способностью внедрять передовые технологические решения и формировать собственные цифровые экосистемы.

Девелоперские организации, которые не адаптируются к цифровой парадигме, рискуют потерять свои позиции на рынке, уступив место более гибким и технологически продвинутым конкурентам. Более того, цифровая трансформация открывает новые возможности для оптимизации затрат, повышения качества услуг и создания дополнительной ценности для клиентов, что в конечном итоге определяет долгосрочную устойчивость и конкурентоспособность компании в цифровую эпоху.

Адаптация конкурентных стратегий девелоперских организаций к реалиям цифровой экономики предполагает смещение акцентов в сторону накопления и реализации инновационного потенциала. Речь идет не только о применении цифровых инструментов в отдельных аспектах девелоперской деятельности, но и о

комплексном переосмыслении бизнес-процессов, создании интегрированной цифровой инфраструктуры, обеспечивающей эффективное взаимодействие всех стейкхолдеров на протяжении жизненного цикла девелоперских проектов. Инновационный потенциал девелоперской организации, таким образом, выступает в качестве ключевого фактора ее конкурентоспособности, позволяя создавать уникальные конкурентные преимущества за счет внедрения прорывных технологий и бизнес-моделей. Существенно, что цифровизация девелоперского бизнеса трансформирует само понимание конкурентного преимущества. В новых условиях основное конкурентное преимущество заключается в способности организации оперативно реагировать на любые изменения рыночной конъюнктуры. Цифровые технологии предоставляют инструменты для быстрого сбора и анализа данных о рынке, потребительских предпочтениях и конкурентной среде, что позволяет девелоперским компаниям принимать обоснованные и своевременные решения.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что трансформация факторов конкурентоспособности девелоперской организации в условиях цифровой экономики является объективной необходимостью, продиктованной логикой технологического прогресса и изменением рыночной конъюнктуры. Ориентация на накопление инновационного потенциала и формирование собственной цифровой экосистемы становится императивом стратегического развития девелоперских организаций, стремящихся сохранить и укрепить свои конкурентные позиции в долгосрочной перспективе. Всестороннее исследование данной проблематики представляется актуальной и значимой научной задачей, решение которой будет способствовать повышению эффективности и конкурентоспособности девелоперского бизнеса в условиях цифровой трансформации экономики. В связи с этим, цель текущей статьи – выявление и систематизация ключевых факторов конкурентоспособности девелоперских организаций в условиях цифровой экономики, а также разработка концептуальной модели их эволюционной динамики, необходимой для прогнозирования тенденций развития отрасли и формирования адаптивных стратегий повышения конкурентоспособности девелоперских компаний в условиях цифровой трансформации рыночных структур.

Материалы исследования. Методологическую основу работы составляет системный

подход, позволяющий рассмотреть конкурентоспособность девелоперских организаций как комплексное явление, формирующееся под влиянием множества взаимосвязанных внутренних факторов и внешних условий цифровой экономики.

В качестве информационной базы использовались научные публикации отечественных и зарубежных авторов по проблематике конкурентоспособности и цифровизации строительной отрасли, аналитические отчеты консалтинговых компаний, статистические данные и результаты эмпирических исследований рынка недвижимости.

В ходе исследования применялись методы системного и сравнительного анализа, синтеза, статистической обработки данных и графической визуализации результатов. Для систематизации факторов конкурентоспособности была разработана матрица эволюционной динамики, отражающая трансформацию традиционных конкурентных преимуществ под влиянием цифровизации. Матрица включает пять основных категорий факторов: качество, цена, реклама и маркетинг, исследования и развитие, обслуживание. Для каждой категории были выделены подкатегории, описаны их характеристики в индустриальной и цифровой экономике, а также оценено влияние трансформации на конкурентоспособность.

Результаты и обсуждение. С целью выявления и систематизации ключевых факторов конкурентоспособности девелоперской организации в условиях цифровой экономики, была проведена комплексная аналитическая работа, базирующаяся на изучении релевантной академической литературы [2; 4; 5; 8; 14], анализе специфических особенностей цифровой экономической среды, а также оценке актуальных вызовов и тенденций развития российского рынка недвижимости. К последним относятся: усиление макроэкономической нестабильности, обусловленное геополитическими факторами и санкционным давлением [7]; изменение потребительских предпочтений в сторону более функциональных и технологичных объектов недвижимости [6]; растущая роль экологических факторов и принципов устойчивого развития в девелопменте [15]; растущее количество квадратных метров вводимого жилья на фоне уменьшающихся возможностей земельного фонда.

Одновременно наблюдается ускорение цифровизации отрасли, что проявляется в широком внедрении технологий информацион-

ного моделирования, развитии ProTech-решений и формировании цифровых экосистем в сфере недвижимости [12]. На основе синтеза полученных данных, была разработана матрица эволюционной динамики факторов конкурентоспособности девелоперской организации, отражающая их трансформацию под влиянием процессов цифровизации (Таблица 1).

Таблица 1
Матрица эволюционной динамики факторов конкурентоспособности девелоперской организации в условиях цифровой экономики

Классические факторы конкурентоспособности	Характеристики в индустриальной экономике	Трансформация в цифровой экономике	Влияние на конкурентоспособность
1. Качество			
1.1 Качество проектирования	Традиционные методы проектирования, основанные на 2D-чертежах и физических макетах	Внедрение технологий информационного моделирования (ТИМ), позволяющих создавать цифровые двойники объектов. Это обеспечивает более точное проектирование, снижение ошибок, улучшение координации между участниками проекта и оптимизацию ресурсов на всех этапах жизненного цикла объекта	Значительное усиление (+++)
1.2 Качество строительства	Стандартные методы контроля, основанные на периодических проверках и отчетности	Интеграция интернета вещей (IoT) и умных систем управления в процесс строительства. Это позволяет осуществлять непрерывный мониторинг качества в реальном времени, предиктивное обслуживание оборудования, автоматизированный контроль соблюдения строительных норм и стандартов	Существенное усиление (++)
2. Цена			
2.1 Ценообразование	Фиксированное ценообразование, основанное на затратном методе и исторических данных	Внедрение систем динамического ценообразования, использующих алгоритмы машинного обучения и анализ больших данных, что дает возможность учета множества факторов в режиме реального времени (рыночные тренды, поведение конкурентов, сезонность, и индивидуальные предпочтения клиентов)	Существенное усиление (++)
2.2 Оптимизация затрат	Традиционные методы оптимизации, основанные на сокращении прямых расходов и экономии на масштабе	Применение облачных решений и систем искусственного интеллекта для комплексной оптимизации бизнес-процессов (автоматизация рутинных операций, оптимизацию логистических цепочек, предиктивное техобслуживание оборудования)	Умеренное усиление (+)
3. Реклама и маркетинг			
3.1 Информационное	Ограниченное присутствие	Создание цифрового присутствия через корпора-	Значительное

присутствие	через печатные каталоги, брошюры и физические офисы продаж	тивные веб-сайты, мобильные приложения и социальные медиа. Это обеспечивает круглосуточный доступ к исчерпывающей информации о проектах, виртуальные туры по объектам, интерактивные планировки и персонализированные предложения	усиление (+++)
3.2 Рекламные кампании	Массовые рекламные кампании в традиционных медиа (ТВ, радио, печатные издания)	Переход к таргетированным цифровым рекламным кампаниям с использованием многоканального подхода (контекстная реклама, ремаркетинг, персонализированные email-рассылки, контент-маркетинг в социальных сетях)	Существенное усиление (++)
3.3 Репутационный менеджмент	Реактивное управление репутацией через традиционные PR-методы и работу со СМИ	Внедрение систем проактивного управления репутацией с использованием технологий мониторинга социальных медиа и анализа тональности упоминаний	Существенное усиление (++)
4. Исследования и развитие			
4.1 Анализ рынка	Периодические маркетинговые исследования и анализ конкурентов на основе ограниченных данных	Внедрение систем непрерывного анализа рынка с использованием технологий больших данных (Big Data) и искусственного интеллекта, позволяющая получать актуальные данные о поведении потребителей, прогнозировать рыночные тренды и принимать более обоснованные стратегические решения	Значительное усиление (+++)
4.2 Инновационные разработки	Централизованные R&D отделы с длительными циклами разработки и внедрения инноваций	Создание гибких инновационных экосистем, включающих внутренние стартап-инкубаторы, партнерства с технологическими компаниями и открытые инновационные платформы.	Существенное усиление (++)
5. Обслуживание			
5.1 Клиентский сервис	Реактивное обслуживание клиентов через физические офисы и колл-центры	Внедрение омниканальных платформ обслуживания клиентов, включающих чат-боты, мобильные приложения, системы самообслуживания и предиктивной аналитики	Значительное усиление (+++)
5.2 Постпродажное обслуживание	Плановое техническое обслуживание объектов недвижимости	Внедрение систем умного дома и предиктивного обслуживания на основе IoT и аналитики больших данных. Это позволяет оптимизировать эксплуатационные расходы, повысить энергоэффективность объектов и продлить срок их службы	Существенное усиление (++)

Источник: составлено автором

Как видно из представленной матрицы, традиционные факторы конкурентоспособности девелоперской организации (качество, цена, реклама и маркетинг, исследования и развитие, обслуживание) в условиях цифровой экономики претерпевают существенную трансформацию. Качество проектирования и строительства выходит на новый уровень за счет

внедрения технологий информационного моделирования и автоматизации управления процессами.

Ценообразование становится более динамичным и персонализированным благодаря применению алгоритмов машинного обучения и анализа больших данных. Информационное присутствие и рекламные кампании девелоперов смещаются в цифровую среду, охватывая множество каналов коммуникации с клиентами. Анализ рынка и инновационные разработки выходят на качественно новый уровень за счет технологий больших данных, искусственного интеллекта и создания гибких инновационных экосистем. Обслуживание клиентов трансформируется в направлении омниканальности, предоставления цифровых сервисов и проактивного управления взаимоотношениями на базе предиктивной аналитики.

Формирование конкурентной стратегии девелоперской организации в условиях цифровой экономики предполагает селективный подход к выбору и комбинированию факторов из представленной матрицы эволюционной динамики. Этот выбор должен осуществляться на основе тщательного анализа внутренних ресурсов и компетенций компании, ее рыночного положения, а также специфики целевых сегментов и проектов. Так, одни девелоперы могут сделать ставку на лидерство в области качества проектирования и строительства за счет инвестиций в ТИМ и цифровые двойники, в то время? как

другие сфокусируются на оптимизации ценообразования и затрат через внедрение динамических моделей на базе машинного обучения. Третьи могут пойти по пути дифференциации через уникальные маркетинговые стратегии и многоканальные коммуникации с клиентами. Ключевым императивом в любом случае остается обеспечение стратегической адаптивности и формирование интегрированной цифровой экосистемы, позволяющей гибко комбинировать различные факторы конкурентоспособности в зависимости от изменений рыночной конъюнктуры и запросов потребителей.

Говоря подробнее о качестве как о трансформированном факторе конкурентоспособности, нужно отметить, что в условиях цифровой экономики оно приобретает новые измерения. Традиционное понимание качества в девелопменте, основанное на соответствии строительным нормам и стандартам, дополняется цифровыми аспектами.

Большинство компаний трансформируют свою конкурентоспособность, внедряя наиболее популярные цифровые технологии. Согласно статистическим данным, 89% девелоперских и строительных организаций в той или иной степени используют электронный документооборот на всех этапах реализации проектов, 75% применяют облачные решения в процессе строительства, а 69% задействуют системы динамического ценообразования (рис. 1) [12].

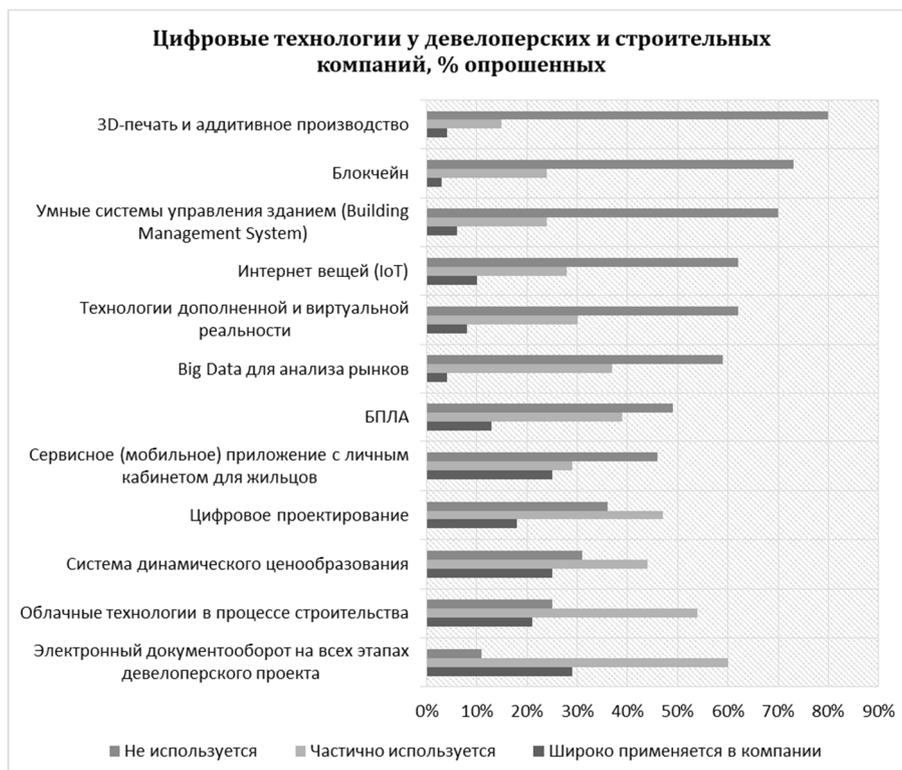

Рисунок 1 – Цифровые технологии у девелоперских и строительных компаний, % опрошенных
Источник: составлено автором

Особое место занимает вопрос ведения цифрового проектирования, поскольку внедрение технологий информационного моделирования позволяет значительно повысить точность проектирования и снизить количество ошибок на всех этапах строительства. Согласно статистическим данным, применение ТИМ обеспечивает сокращение сроков проектирования на 20-50% и снижение затрат на строительство и эксплуатацию на 10-30%, а также позволяет сократить время на согласование реализации проекта практически в 2 раза в сравнении с традиционными методами [17]. Однако, несмотря на очевидные преимущества, уровень проникновения этих технологий в российской девелоперской отрасли остается относительно низким. По данным исследования, проведенного в период с 1 января по 1 февраля 2022 года, лишь в 11% проектов действительно предусматривалось применение технологий информационного моделирования, в то время как 82% проектов были заключены без их использования (Таблица 2) [15]. В 2023 году, как показывает статистика, технологии информационного моделирования нашли широкое применение только в 16% компаний в выборке из 230 анализируемых, больше половины девелоперов использует их фрагментарно, треть застройщиков не применяет данные технологии, предпочитая традиционные методы проектирования (табл. 2) [12].

Таблица 2
Статистика применения технологий информационного моделирования в девелоперских организациях в 2023 году

Применение ТИМ в девелоперских проектах	Доля проектов
Широко применяется	16%
Используется частично	52%
Не применяется	33%

Источник: составлено автором

В условиях ускоряющейся на фоне цифровизации экономики "дромократии" (власти скорости) технологических изменений, характерной для цифровой эпохи, истинным фактором конкурентоспособности становится способность компаний не просто внедрять общедоступные решения, но и разрабатывать уникальные, прорывные инновации, создающие новые рынки и бизнес-модели.

Вместе с тем, уровень проникновения более продвинутых и инновационных технологий остается относительно невысоким. Так, лишь 41% опрошенных компаний внедряют инструменты Big Data для анализа рынков, 38% экспериментируют с решениями дополненной и виртуальной реальности, а 38% осваивают возможности интернета вещей (IoT) (рис. 1) [12].

Еще менее распространенными являются такие передовые технологии, как умные системы управления зданиями (30%), блокчейн (27%) и аддитивное производство (19%).

В этих условиях безусловным фактором конкурентоспособности девелоперских компаний становится их способность активного инвестирования в собственные исследования и разработки в области цифровых инноваций. Характерным примером такого подхода является решение группы "Самолет" направить в 2023 году порядка 10 миллиардов рублей на развитие внутренних ИТ-компетенций и создание импортонезависимых цифровых платформ для управления жизненным циклом объектов недвижимости [15]. Согласно данным компании, реализуемая с 2022 года HR-платформа Team by Samolet экономит до 450 млн руб. в год за счет оптимизации расходов благодаря автоматизации HR-процессов; общие инвестиции в создание платформы с мая 2022 г. по август 2024 г. превысили отметку в 1 млрд руб. [16]. Аналогичные инициативы реализуют и другие крупные игроки рынка – ПИК, ЛСР, Эталон, активно наращивающие собственные центры разработки программного обеспечения и формирующие партнерские экосистемы с российскими ИТ-компаниями и стартапами.

Тем не менее, данная тенденция носит преимущественно ограниченный характер – подобный уровень инновационной активности демонстрируют лишь отдельные девелоперские компании-гиганты, обладающие необходимыми финансовыми, интеллектуальными и организационными ресурсами для систематической разработки и внедрения передовых цифровых решений – они активно внедряют технологии информационного моделирования, искусственного интеллекта, интернета вещей и блокчейна на всех этапах жизненного цикла объектов недвижимости - от проектирования и строительства до эксплуатации и утилизации.

Большинство застройщиков, не являющихся гигантами на рынке девелопмента, вынуждены пассивно адаптироваться к меняющимся условиям, ограничиваясь точечной цифровизацией отдельных бизнес-процессов, не переходя к комплексной трансформации своих операционных моделей.

Данные результаты свидетельствуют о том, что цифровая трансформация девелоперской отрасли находится лишь на начальной стадии и в значительной степени обусловлена необходимостью адаптации к базовым требованиям цифровой экономики, нежели стремлением к подлинным инновациям. Статистика наглядно

демонстрирует, что строительная отрасль является одной из отстающих по уровню цифровизации среди основных секторов экономики (рис. 2) [1]. В 2021 году доля внутренних затрат на цифровые технологии в строительстве составила лишь 2,8% от общего объема, что значительно ниже показателей лидирующих отраслей. Для сравнения, сектор информации и связи инвестировал 29,4% в цифровые технологии, что более чем в 10 раз превышает показатель строительной отрасли. Даже по сравнению с производственными секторами, такими как обрабатывающая промышленность (8,7%), строительство отстает почти в 3 раза.

Немаловажным фактором конкурентоспособности девелоперской организации в цифровую эпоху становится формирование цифровой корпоративной культуры и развитие цифровых компетенций персонала. Внедрение гибких методологий управления проектами (Agile и Scrum) обеспечивает необходимую адаптивность и скорость реакции на изменения рыночной конъюнктуры и запросы потребителей [9].

Несмотря на относительно низкий уровень цифровизации строительной отрасли в целом, передовые девелоперские компании активно трансформируют свои подходы к рекламе и маркетингу, адаптируясь к реалиям цифровой экономики. Этот фактор конкурентоспособности претерпевает особенно заметные изменения, поскольку напрямую связан с взаимодействием с потребителями, чьи ожидания и поведение существенно эволюционировали под влиянием цифровых технологий. Традиционные методы продвижения, основанные на массовой рекламе в офлайн-медиа, уступают место более таргетированным и персонализированным цифровым стратегиям. Анализ цифрового присутствия ведущих девелоперских компаний России показывает, что лидеры рынка активно инвестируют в развитие онлайн-каналов коммуникации и внедрение инновационных маркетинговых инструментов, что позволяет им значительно повысить эффективность привлечения и удержания клиентов.

Так, подавляющее большинство ведущих застройщиков и управляющих компаний Российской Федерации (77 из 100), согласно данным Digital Developer, размещают исчерпывающую информацию о своих жилых комплексах непосредственно на корпоративном сайте, в то время как 16 застройщиков предпочитают создавать отдельные сайты для каждого проекта [6]. Лишь 7 компаний ограничиваются предоставлением минимальной информации о своих объектах на сайте (рис. 3).

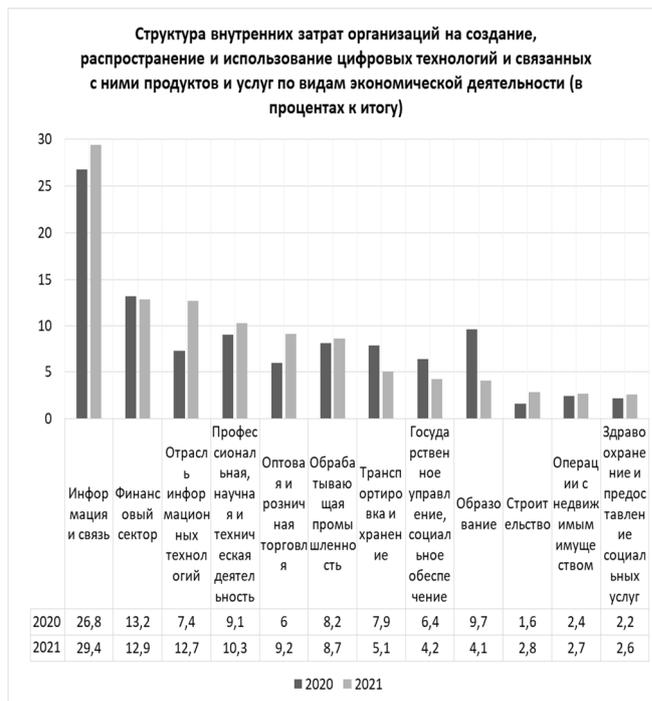

Рисунок 2 - Структура внутренних затрат организаций на создание, распространение и использование цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг по видам экономической деятельности (в процентах к итогу) (2020-2021)
Источник: составлено автором

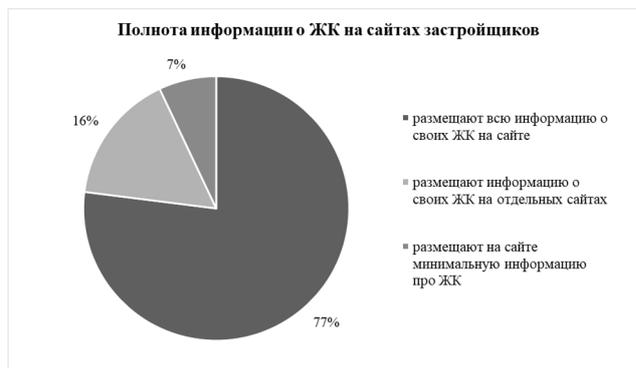

Рисунок 3 – Полнота информации о ЖК на сайтах застройщиков
Источник: составлено автором

Данное распределение свидетельствует о растущем понимании девелоперами важности цифрового присутствия и стремлении обеспечить потенциальным клиентам удобный доступ к релевантной информации.

Анализ пользовательского опыта (UX) на сайтах застройщиков также показывает вариативность в уровне удобства навигации и доступности ключевых функций. Так, у 41 компании удобство UX сайта составляет 65%, у 29 застройщиков этот показатель достигает 80%, и лишь 9 участников рынка могут похвастаться стопроцентным удобством пользовательского интерфейса (рис. 4) [6, с. 21]. При этом, как видно, более 20% ведущих организаций все еще слабо адаптированы к специфике онлайн-

среды, что свидетельствует о низком уровне их конкурентоспособности в условиях цифровых тенденций.

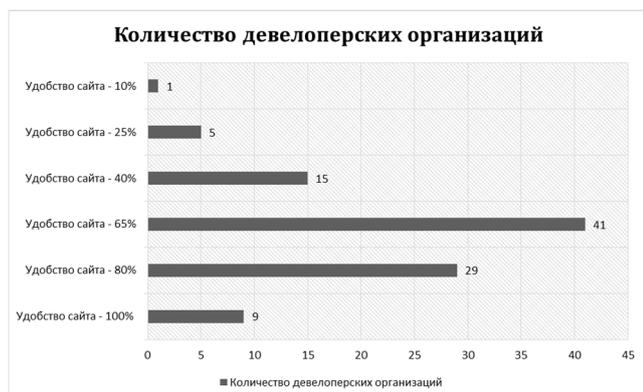

Рисунок 4 – Удобство пользовательского интерфейса сайтов
Источник: составлено автором

В связи с этим исследование трафика и рекламных кампаний застройщиков выявило значительный разброс в показателях посещаемости сайтов. Более половины компаний (58 из 100) имеют среднемесячную аудиторию до 50 тысяч уникальных посетителей, в то время как абсолютными лидерами по трафику являются ПИК (3,4 млн визитов в месяц) и ФСК (1,7 млн визитов в месяц) [6]. Подавляющее большинство застройщиков (91 из 100) ведут активные рекламные кампании в интернете, используя различные источники привлечения трафика [6]. В среднем компании задействуют 4-5 каналов продвижения, среди которых лидируют контекстная реклама, органический поисковый трафик, прямые заходы на сайт, ремаркетинг и таргетированная реклама в социальных сетях. При этом наибольший вклад в совокупный трафик вносят рекламные переходы из социальных сетей и мессенджеров (16,34% от общего числа визитов на сайты застройщиков), email-рассылки (11,32%) и реферальные ссылки с других ресурсов (4,37%) [6]. Данные цифры свидетельствуют о растущей роли performance-маркетинга и омниканальных коммуникаций в продвижении девелоперских проектов. Примечательно, что уровень конкурентоспособности в данном случае можно оценивать посредством введенного системой управления репутацией мониторинга СМИ и соцмедиа SCAN индексом заметности – цифровым индексом, основными критериями которого являются влияние источника, в котором привлекает трафик застройщик, и роль компании в новости [11]. Так, если лидеры рейтинга, такие как ПИК, Галс-Девелопмент и Эталон, демонстрируют высокие значения индекса заметности, превышающие 250 000 пунктов, то компании второго

эшелона, например, Инград, Дон-Строй и Брусника, характеризуются более скромными показателями на уровне 100 000 - 110 000 пунктов, на их фоне такие застройщики как Страна девелопмент, Кортрос Холдинг, РГ-девелопмент с показателем до 60 000 смотрятся еще более неуверенно в контексте рыночной конкуренции (Рис.5). Данный факт свидетельствует о неравномерной динамике адаптации девелоперских организаций к реалиям цифровой экономики и необходимости активизации усилий по наращиванию присутствия в медиа-пространстве и онлайн-среде.

Среди наиболее проблемных зон у девелоперских организаций с низкой конкурентоспособностью, не адаптированной к цифровому ландшафту, выделяются отсутствие поисковой строки (встречается только у 22 компаний из 100 исследуемых) и функционала личного кабинета (присутствует у 28 застройщиков из 100 исследуемых) [6]. Устранение данных недостатков представляется важным направлением повышения клиентоориентированности цифровых платформ девелоперов.

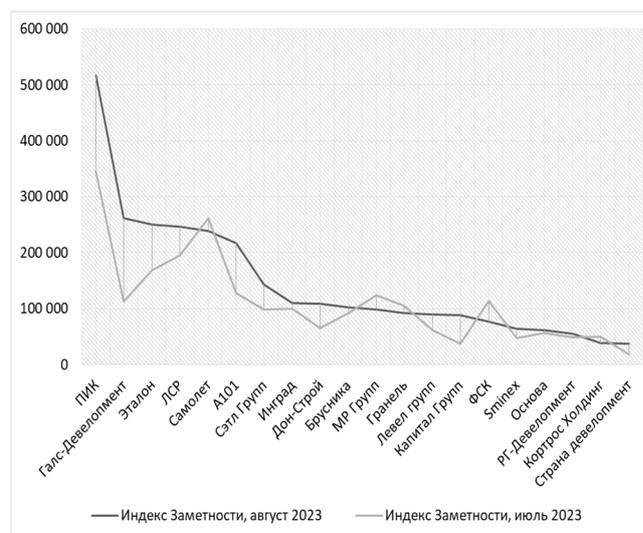

Рисунок 5 – Динамика индекса заметности ведущих девелоперских компаний России в июле-августе 2023 года
Источник: составлено автором

Параллельно с изменениями в сфере рекламы и маркетинга, существенной трансформации подвергся и фактор конкурентоспособности, связанный с обслуживанием клиентов. В условиях цифровой экономики качество и эффективность клиентского сервиса становятся ключевыми дифференциаторами на рынке недвижимости. Традиционная модель обслуживания, основанная на личном взаимодействии в офисах продаж, дополняется, а в некоторых случаях и замещается цифровыми каналами коммуникации. Лидеры рынка активно внедряют омниканальные платформы привлечения,

обслуживания и удержания клиентов, обеспечивающие бесшовный пользовательский опыт на всех этапах взаимодействия. Как явствует из статистических данных, наиболее распространенными способами коммуникации являются традиционные телефонные звонки (присутствуют у 99 компаний), заявки через форму на сайте (86 компаний) и возможность посещения офлайн-офиса (100 компаний). При этом более половины застройщиков (54 из 100) используют 4 и более каналов связи, а 24 компании предлагают все 6 анализируемых способов коммуникации. Среди онлайн-инструментов лидируют форма обратной связи (у 86 застройщиков), чат-виджет (у 53 компаний) и личный кабинет клиента (у 28 компаний) [6]. Многоканальность коммуникаций позволяет потенциальным покупателям выбирать наиболее удобный для них способ получения консультации и повышает уровень доверия к застройщику.

Наличие дополнительных цифровых сервисов, расширяющих возможности выбора и покупки объектов недвижимости, становится важным конкурентным преимуществом девелоперских компаний. Исследование выявило, что 88 из 100 застройщиков предлагают своим клиентам от одного до семи дополнительных сервисов, таких как возможность виртуального обустройства квартиры мебелью, добавление объектов в избранное, поддержка 3D-туров, интерактивные карты жилых комплексов и прочее (рис. 6) [6]. Лидерами по количеству и разнообразию подобных решений являются такие компании, как ПИК, Самолет, Брусника, А101, MR Group, DARS Development, Glorax, Строительный Трест.

Тем не менее, лишь отдельные девелоперы, такие как Glorax, MR Group и Неометрия, практикуют клиентоориентированный подход к описанию объектов, указывая тип бизнеса, для которого подходит помещение, и детально раскрывая преимущества локации для конкретных видов коммерческой деятельности. Данная информация имеет принципиальное значение для потенциальных арендаторов и покупателей коммерческих площадей, позволяя им принимать более взвешенные и обоснованные решения.

Резюмируя результаты исследования, можно констатировать, что цифровая трансформация рынка недвижимости носит комплексный и многоаспектный характер, затрагивая все ключевые бизнес-процессы девелоперских компаний - от проектирования и строительства объектов до их продвижения, реализации и последующей эксплуатации. Уровень цифровой зрелости застройщика становится

одним из важнейших факторов его конкурентоспособности, определяя способность оперативно адаптироваться к меняющимся запросам рынка, обеспечивать бесшовный клиентский опыт и формировать долгосрочные партнерские отношения с покупателями жилья.

Рисунок 6 – Спектр цифровых предложений девелоперских организаций

Источник: составлено автором

Выводы. Проведенный анализ позволяет констатировать, что цифровая трансформация экономики влечет за собой кардинальное переосмысление традиционных факторов конкурентоспособности девелоперской организации. Ориентация на внедрение цифровых технологий, формирование интегрированных экосистем, персонализацию взаимодействия с потребителями и расширение спектра цифровых сервисов становится императивом стратегического развития девелоперского бизнеса в условиях четвертой промышленной революции. Разработанная матрица эволюционной динамики факторов конкурентоспособности девелоперской организации может служить концептуальной основой для дальнейших исследований в данной области и выработки практических рекомендаций по адаптации конкурентных стратегий девелоперских компаний к вызовам цифровой экономики. Дальнейшее развитие отрасли будет определяться внедрением платформенных решений, обеспечивающих интеграцию данных и сервисов на всех этапах жизненного цикла объектов, персонализацией продуктовых предложений и клиентских коммуникаций с использованием технологий больших данных и искусственного интеллекта, а также формированием стратегических альянсов девелоперских компаний с ProTech-стартапами и цифровыми экосистемами смежных отраслей. Успех в этом многогранном процессе трансформации потребует от игроков рынка недвижимости непрерывного развития технологи-

ческих компетенций, клиентоцентричного мышления и стратегической гибкости в разработке и адаптации бизнес-моделей.

Литература

1. Абдрахманова Г. И. и др. Цифровая экономика: 2023: краткий статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с.

2. Бабанов А. Б., Шаваев Р. Х. Факторы повышения конкурентоспособности предприятия в условиях цифровой трансформации // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 427-430.

3. Борщева А. В., Ильченко С. В. Факторы конкурентоспособности предприятия // Бизнес и дизайн ревю. – 2018. – № 1(9). – С. 6-16.

4. Буткова Д. А. Особенности оценки конкурентоспособности девелопера // Московский экономический журнал. – 2019. – № 1. – С. 365-376.

5. Валяев А. Д., Трегубов В. Н. Факторы конкурентоспособности предприятия // Актуальные проблемы развития социально-экономических систем в условиях цифровизации: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. – Саратов: Амирит, 2020. – С. 8-12.

6. Девелоперы и управляющие компании 2023 // Digital Developer. – URL: https://digitaldeveloper.ru/issledovanie_developer_s_2023 (дата обращения: 06.09.2024).

7. Карта ушедших компаний из РФ. Статистика по странам и отраслям // #ВСЕЗАПОМНИМ.РФ. – URL: <https://всезапомним.рф/stats/> (дата обращения: 22.08.2024).

8. Левицкий Т. Ю. Повышение конкурентоспособности строительных организаций в условиях инновационного развития отрасли: автореф. ... дис. канд. эк. наук. – Махачкала, 2018. – 26 с.

9. Мартин Р. К., Ньюкирк Д. В., Косс Р. С. Быстрая разработка программ. Принципы, примеры, практика. – М.: Вильямс, 2004. – 752 с.

10. Мартынов Л. М. Актуализация формирования теории цифрового менеджмента: монография. – М.: Научно-издательский центр Инфра-М, 2023. – 83 с.

11. Медиарейтинг девелоперов. Август 2023 // SCAN. – URL: <https://scan-interfax.ru/ratings/mediareiting-developerov-avgust-2023/> (дата обращения: 06.09.2024).

12. Приоритеты цифровизации российских девелоперских и строительных компаний // Strategy Partners. – URL: https://strategy.ru/media/uploads/2023/06/Приоритеты_цифровизации_российских_девелоперских_и_строительных_компаний_ХаМКWJc.pdf (дата обращения:

06.09.2024).

13. Прокопьев В. Н. Экономическое значение частной собственности в теории Адама Смита // Историко-экономические исследования. – 2011. – Т. 12. – № 3. – С. 16-30.

14. Силбигер С. MBA за 10 дней: Самое важное из программ ведущих бизнес-школ мира / пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 390 с.

15. Сказка о PropTech на Руси. Итоги года // Digital Developer. – URL: <https://digitaldeveloper.ru/final2023> (дата обращения: 06.09.2024).

16. Стрелец Ю. Девелопер "Самолет" стал ИТ-вендором, чтобы заместить платформу для автоматизации HR-процессов SAP SF // COMNEWS. – URL: https://www.comnews.ru/content/235130/2024-09-11/2024-w37/1007/developer-samolet-stal-it-vendorom-chtoby-zamestit-platformu-dlya-avtomatizacii-hr-processov-sap-sf??utm_source=telegram&utm_medium=general&utm_campaign=general (дата обращения: 06.09.2024)

17. Что такое BIM и зачем новые технологии нужны девелоперам и госструктурам // РБК. – URL:

<https://realty.rbc.ru/news/5ca1ceff9a794758d0568b37?ysclid=m0xhue47gh920942583&from=copy> (дата обращения: 06.09.2024).

Transformation of the Competitiveness Factors of a Developer in the Digital Economy **Kolesnikov A.A.**

Plekhanov Russian University of Economics
JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

The research focuses on the evolution of the determinants of the competitiveness of development organizations in the context of the digital transformation of the economy. Based on the analysis of academic literature, statistical data and business analytics, a conceptual matrix of systematization of factors of their competitive potential is proposed. It is revealed that the transition to the digital economy entails a rethinking of traditional sources of competitive advantages of development organizations, focusing on the adaptability of strategies, personalization of client communications and the development of innovative potential. The multidimensional and non-linear nature of the digital transformation of the real estate market, due to technological progress and macroeconomic conditions, is noted. The importance of the development of digital competencies as key imperatives of the long-term competitiveness of development organizations is emphasized. It is concluded that the further development of the industry will be determined by the introduction of platform solutions, the personalization of product offerings and customer communications, as well as the formation of strategic alliances of development companies with PropTech startups and digital ecosystems of related industries.

Keywords: development organizations, competitiveness, factors, digital maturity, digital transformation, digital economy, strategic development.

References

1. Abdrakhmanova G. I. et al. Digital economy: 2023: a short statistical collection. – M.: HSE, 2023. – 120 p.
2. Babanov A. B., Shavaev R. H. Factors of increasing the competitiveness of an enterprise in the context of digital transformation // *Young Scientist*. – 2021. – No. 50 (392). – P. 427-430.
3. Borshcheva A.V., Ilchenko S. V. Factors of enterprise competitiveness // *Business and design review*. – 2018. – No. 1(9). – P. 6-16.
4. Butkova D. A. Features of assessing the competitiveness of a developer // *Moscow Economic Journal*. – 2019. – No. 1. – P. 365-376.
5. Valyaev A.D., Tregubov V. N. Factors of enterprise competitiveness // Actual problems of the development of socio-economic systems in the context of digitalization: A collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical conference. – Saratov: Amirit, 2020. – P. 8-12.
6. Developers and management companies 2023 // *Digital Developer*. – URL: https://digitaldeveloper.ru/issledovanie_developers_2023 (accessed: 06.09.2024).
7. The card of the companies departed from the Russian Federation. Statistics by country and industry // #VSEZAPOMNIM.RF. – URL: <https://всезапомним.рф/stats/> (accessed: 22.08.2024).
8. Levitsky T. Y. Improving the competitiveness of construction organizations in the context of innovative development of the industry: autoabstract ... dis. cand. ec. sciences. – Makhachkala, 2018. – 26 p.
9. Martin R. K., Newkirk D. V., Koss R. S. Agile software development. Principles, Patterns, and Practices. – M.: Williams, 2004. – 752 p.
10. Martynov L. M. Actualization of the formation of the theory of digital management: monograph. – M.: Scientific Publishing Center Infra-M, 2023. – 83 p.
11. Media rating of developers. August 2023 // *SCAN*. – URL: <https://scan-interfax.ru/ratings/mediareiting-developerov-avgust-2023/> (accessed: 06.09.2024).
12. Priorities of digitalization of Russian development and construction companies // *Strategy Partners*. – URL: https://strategy.ru/media/uploads/2023/06/Приоритеты_цифровизации_российских_девелоперских_и_строительных_компаний_ХаМКWJc.pdf (accessed: 06.09.2024).
13. Prokopyev V. N. The economic significance of private property in Adam Smith's theory // *Historical and economic research*. – 2011. – Vol. 12. – No. 3. – P. 16-30.
14. Silbiger S. The Ten-Day MBA. A Step-by-Step Guide to Mastering the Skills Taught In America's Top Business Schools. – M.: Alpina Publisher, 2014. – 390 p.
15. The tale of Proptech in Russia. Results of the year // *Digital Developer*. – URL: <https://digitaldeveloper.ru/final2023> (accessed: 06.09.2024).
16. Strelec Yu. The developer "Airplane" became an IT vendor to replace the SAP SF HR process automation platform // *COMNEWS*. – URL: https://www.comnews.ru/content/235130/2024-09-11/2024-w37/1007/developer-samolet-stal-it-vendorom-chtoby-zamestit-platformu-dlya-avtomatizacii-hr-processov-sap-sf?utm_source=telegram&utm_medium=general&utm_campaign=general (accessed: 06.09.2024)
17. What is BIM and why do developers and government agencies need new technologies // *RBC*. – URL: <https://realty.rbc.ru/news/5ca1ceff9a794758d0568b37?yclid=m0xhue47gh920942583&from=copy> (accessed: 06.09.2024).

Роль языка в развитии двусторонних экономических отношений между Китаем и Россией

Ма Цзя

доцент, Шэньянский политехнический университет,
majia19802003@163.com

В данной статье рассматривается роль языка как важнейшего инструмента в развитии двусторонних экономических отношений между Россией и Китаем. Исследование акцентирует внимание на языковых и культурных барьерах, которые могут затруднять коммуникацию между сторонами, а также на возможностях преодоления этих барьеров через качественное лингвистическое сопровождение и языковую подготовку специалистов. Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу взаимосвязи между языком, культурой и экономическим взаимодействием, что позволяет лучше понять влияние межкультурной коммуникации на эффективность экономических процессов. Автор подчеркивает важность программ обучения русскому языку в Китае и китайскому языку в России, а также рассматривает перспективы развития этих программ в контексте укрепления двусторонних торговых и инвестиционных связей.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, межкультурная коммуникация, языковые барьеры, лингвистическое сопровождение, экономическое сотрудничество, языковая подготовка

Введение

В условиях современной глобализации экономические отношения между государствами играют ключевую роль в их развитии и стабильности. Взаимодействие между Россией и Китаем, двумя крупнейшими мировыми экономиками, приобретает стратегическое значение как на региональном, так и на глобальном уровне. Постоянно укрепляющиеся торговые и инвестиционные связи между этими странами служат ярким примером того, как сотрудничество может быть взаимовыгодным для всех участников. Однако, несмотря на внимание, уделяемое экономическим и политическим аспектам взаимодействия, культурные факторы, особенно роль языка в деловой коммуникации, часто остаются в тени исследований. Этот пробел в изучении требует особого внимания, поскольку язык является не только средством передачи информации, но и важнейшим элементом межкультурного диалога, способствующего взаимопониманию и эффективному взаимодействию.

Недооценка языковых и культурных факторов может негативно сказаться на развитии экономических отношений. Языковые барьеры могут привести к недопониманию, задержкам в переговорах и даже к провалу сделок, что в конечном итоге влияет на эффективность и скорость экономического сотрудничества.[1] Взаимодействие между Россией и Китаем строится на глубоком культурном контексте, который требует внимательного подхода и учета особенностей каждой страны. Соответственно, актуальность исследования влияния языка на экономические отношения между этими государствами обусловлена необходимостью более глубокого анализа тех вызовов и возможностей, которые возникают в процессе межкультурного взаимодействия.

Цель данного исследования заключается в выявлении того, каким образом язык и культурные различия влияют на развитие двусторонних экономических отношений между Россией и Китаем. Необходимо исследовать, как знание языка, качество перевода и лингвистическое посредничество способствуют или препятствуют успешным переговорам, заключению договоров и реализации крупных экономиче-

ских проектов. Одновременно важно рассмотреть роль языковой подготовки специалистов, которая влияет на успешность коммуникации и определяет конечный результат сотрудничества.

Методология данного исследования основывается на комплексном подходе к анализу как экономической, так и культурной литературы. Использование теоретических источников и эмпирических данных позволит глубже понять, как языковые аспекты формируют деловую среду и каким образом можно минимизировать их негативное влияние на процесс взаимодействия.

Язык как инструмент межкультурной коммуникации в экономических отношениях

В рамках российско-китайского экономического сотрудничества язык играет ключевую роль как средство межкультурной коммуникации, обеспечивая взаимопонимание и достижение стратегических экономических целей. Согласно теории межкультурной коммуникации, предложенной Эдвардом Т. Холлом, каждая культура имеет свои уникальные характеристики коммуникации, которые определяют восприятие информации и поведение в деловых ситуациях.[2] Эти культурные различия требуют особого внимания к языку, который становится инструментом не только для передачи данных, но и для налаживания доверительных отношений между сторонами. Применительно к российско-китайским отношениям, это особенно важно, поскольку языковые и культурные различия между двумя странами могут значительно влиять на динамику переговоров.

Знание китайского языка в контексте российско-китайских деловых переговоров имеет особое значение. Китайский рынок и деловая культура, опирающиеся на иерархию, уважение к старшим и осторожное отношение к прямому общению, требуют глубокого понимания нюансов языка и правил ведения дел. Согласно исследованиям Льюиса, которые он изложил в своей работе "When Cultures Collide", понимание культурных особенностей и владение языком страны-партнера значительно повышают шансы на успешное заключение сделки.[3] Российским предпринимателям, работающим с Китаем, важно осознавать, что китайский язык не просто средство коммуникации, но и отражение культурных ценностей, таких как гармония, коллективизм и уважение к иерархии. Например, отсутствие понимания этих тонкостей может привести к тому, что китайская сторона воспримет прямые и резкие высказывания как агрессивные

или неуважительные, что существенно осложнит переговорный процесс.

С другой стороны, китайские бизнесмены, выходящие на российский рынок, сталкиваются с необходимостью изучения русского языка, что также требует внимания. Важность русского языка в деловой среде Китая растет по мере увеличения количества сделок между странами. Адаптация китайских партнеров к российской деловой культуре требует не только знания языка, но и понимания культурных норм, таких как более прямая и открытая манера общения, нежели в китайской культуре. В этом контексте теория Гофстеде о культурных измерениях может быть полезной для объяснения различий в восприятии русских и китайских партнеров.[4] Например, российская культура, обладая более высоким уровнем индивидуализма, предполагает иную структуру коммуникации, что может вызвать трудности для китайских бизнесменов, привыкших к коллективистской модели.

Тем не менее, даже при наличии хорошей языковой подготовки, языковые барьеры остаются серьезной проблемой в российско-китайских деловых отношениях. Как отмечает Латыпова Э Р, Саребу В П, в своей статье о лингвистических и культурных барьерах в межкультурной коммуникации, ошибки в переводе и недостаточное знание специфики делового языка часто становятся причиной недопонимания и приводят к затяжным переговорам или провальным сделкам.[5] Это особенно заметно в юридической сфере, где малейшая неточность в переводе может вызвать существенные последствия для обеих сторон, вплоть до юридических претензий или разрыва контрактов. Примером тому может служить неудачная сделка между одной из российских компаний и китайским поставщиком, когда из-за ошибки в переводе технических условий договора оборудование было поставлено с отклонениями от первоначально оговоренных характеристик, что привело к финансовым потерям и репутационным издержкам.

Теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа, согласно которой язык не только отражает, но и формирует мышление и восприятие реальности, также находит применение в контексте российско-китайских отношений.[6] Язык, являясь инструментом передачи не только фактической информации, но и культурных норм, формирует ожидания партнеров друг от друга и влияет на процесс принятия решений. Например, китайские бизнесмены могут по-разному интерпретировать те же фразы на русском языке, исходя из своего культурного

контекста, что приводит к необходимости более глубокого понимания культурных различий в деловой среде.

Таким образом, можно сделать вывод, что язык играет неотъемлемую роль в развитии двусторонних экономических отношений между Россией и Китаем. Недостаточное внимание к языковой подготовке специалистов и культурным различиям может серьезно осложнить процесс переговоров и заключения сделок, что требует более глубокого понимания и учета лингвистических и культурных факторов в международной экономической деятельности.

Перевод и интерпретация как мост между культурами в экономической сфере

Перевод и интерпретация в экономической сфере являются важнейшими инструментами, обеспечивающими успешное взаимодействие между странами с различными культурными и языковыми традициями.[7] Особенно это актуально в отношениях между Россией и Китаем, где языковые барьеры могут существенно усложнить переговорные процессы и заключение контрактов. В условиях международного сотрудничества перевод становится не просто техническим процессом передачи информации, а важным посредником, который способен либо облегчить, либо усложнить понимание между сторонами. Значение качественного перевода заключается в том, что он обеспечивает точную передачу не только фактов, но и контекстов, нюансов и даже эмоциональных оттенков, что играет особую роль при обсуждении сложных юридических и экономических аспектов сделок.

Синхронный перевод, как инструмент обеспечения бесперебойного взаимодействия во время переговоров, позволяет сторонам активно и оперативно обмениваться мнениями и выстраивать диалог в реальном времени. Это особенно важно в ситуациях, когда обсуждаются многокомпонентные соглашения, требующие четкой и немедленной реакции партнеров. Тем не менее, успешный синхронный перевод требует высокого уровня профессионализма переводчиков, поскольку малейшие ошибки могут привести к серьезным искажениям в интерпретации экономических условий. Именно поэтому высококвалифицированные специалисты с глубокими знаниями в специфической области крайне важны для обеспечения адекватного понимания между сторонами.

Качество перевода напрямую связано с эффективностью заключаемых соглашений. Ошибки в переводе, особенно в экономических контрактах, могут привести к неправильно

оформленным условиям и даже финансовым потерям. К примеру, Например, в сделке между российской "Газпромом" и китайской CNPC по строительству газопровода "Сила Сибири" также возникали сложности, связанные с переводом технической документации. В ходе переговоров, проводившихся в 2014 году, переводчики должны были учитывать множество нюансов, связанных с технологическими и экологическими аспектами проекта. Любая ошибка в переводе могла бы привести к неверному пониманию условий строительства или эксплуатации газопровода, что могло бы замедлить реализацию проекта и вызвать юридические проблемы.

Кроме того, качественное лингвистическое сопровождение способно позитивно влиять на уровень доверия между участниками переговоров. Профессиональный переводчик не только обеспечивает точную передачу информации, но и способствует созданию благоприятной атмосферы для диалога, учитывая культурные особенности сторон. Перевод не должен сводиться к дословной передаче текста; важно понимать контекст и намерения сторон, что позволяет выстроить более продуктивное и гармоничное взаимодействие. В этом смысле качественный перевод выступает связующим звеном, позволяющим сторонам лучше понять не только язык, но и менталитет и деловые подходы друг друга.

Наконец, стоит отметить, что успешные экономические сделки часто подкрепляются качественной лингвистической поддержкой на всех этапах переговорного процесса. Грамотные переводы позволяют избежать двусмысленностей и гарантируют юридическую чистоту соглашений, что создает условия для долгосрочного и успешного сотрудничества.

Влияние языковой политики на развитие двусторонних экономических отношений

Языковая политика в рамках российско-китайских экономических отношений играет существенную роль, поскольку оказывает комплексное влияние на динамику взаимодействия между двумя странами. Взаимопроникновение культур и необходимость грамотного ведения переговоров на языках партнеров создают условия, в которых языковая подготовка становится важным фактором не только для улучшения коммуникации, но и для повышения эффективности экономических процессов.[8]

Программы обучения русскому языку в Китае и китайскому языку в России представляют собой ключевой элемент подготовки квалифи-

цированных специалистов, способных преодолеть языковые барьеры в деловом общении. Для Китая русский язык открывает доступ к российским рынкам, что критически важно для компаний, работающих в области энергетики, транспорта и сельского хозяйства. Понимание российского делового ландшафта через язык и культуру позволяет китайским предпринимателям действовать более уверенно и эффективно, минимизируя риски, которые могут возникать из-за недостаточного знания тонкостей законодательства и коммерческих норм.

С другой стороны, для России китайский язык является важным инструментом доступа к одному из крупнейших мировых рынков. В условиях, когда китайская экономика демонстрирует устойчивый рост, способность вести переговоры на китайском языке предоставляет российским компаниям неоспоримые конкурентные преимущества. Языковая подготовка специалистов позволяет значительно улучшить понимание структуры и особенностей китайского бизнеса, что, в свою очередь, приводит к более быстрому заключению сделок и минимизации затрат на переводческие услуги. В этом контексте, программы обучения китайскому языку играют важную роль в обеспечении доступа российских предприятий к широкому кругу бизнес-возможностей в Китае.

Значительную роль в данном процессе играют государственные инициативы. Россия и Китай активно поддерживают развитие языкового обмена, что способствует укреплению двусторонних экономических связей.[9] Государственные программы, направленные на продвижение изучения языков, служат важной платформой для создания и укрепления профессиональных контактов, которые в дальнейшем способствуют развитию торговли и инвестиций. Так, правительственные инициативы, такие как российско-китайские языковые и культурные обмены, создают благоприятную основу для формирования прочных деловых связей между странами.

Частные компании также понимают важность владения языком партнёров для успешного ведения бизнеса. Инвестирование в обучение сотрудников языкам страны-партнёра становится важным аспектом корпоративной стратегии. Корпорации, такие как «Роснефть» и китайская CNPC, успешно реализуют программы языковой подготовки для своих сотрудников, что позволяет оптимизировать внутренние процессы и наладить эффективные коммуникационные каналы с зарубежными коллегами.[10] Это, в свою очередь, способствует бо-

лее быстрому разрешению вопросов, связанных с разработкой и внедрением совместных проектов, что существенно снижает транзакционные издержки.

Здесь важную роль также играют университеты, предоставляющие образовательные программы, которые сочетают языковую подготовку с изучением экономики и бизнеса. Благодаря таким программам, выпускники становятся более востребованными на рынке труда, поскольку они могут не только эффективно взаимодействовать с партнёрами на их родном языке, но и предлагать глубокое понимание экономических процессов в обеих странах. Это приводит к тому, что компании предпочитают нанимать специалистов с подобным образованием для управления своими международными проектами, что в конечном итоге укрепляет экономические связи между Россией и Китаем.

Не менее важен аспект языковой политики с точки зрения снижения языковых барьеров, которые могут оказывать негативное влияние на скорость и качество ведения бизнеса. В контексте международных проектов языковая поддержка становится ключевым элементом в обеспечении стабильности и предсказуемости экономических операций. Чем лучше стороны понимают друг друга, тем меньше вероятность возникновения недоразумений, которые могут привести к задержкам или ухудшению условий сделки. В этом отношении качественная языковая подготовка специалистов непосредственно влияет на устойчивость двусторонних экономических отношений, минимизируя возможные риски.

Таким образом, языковая политика в российско-китайских экономических отношениях является многогранным инструментом, который воздействует на различные аспекты взаимодействия между странами. Поддержка программ обучения языкам, как на государственном, так и на частном уровне, способствует созданию прочной базы для дальнейшего развития двусторонних экономических связей. В условиях глобализации знание языка страны-партнёра становится неотъемлемой частью успешного международного бизнеса, и от того, насколько эффективно будет реализована языковая политика, зависит будущее экономического сотрудничества между Россией и Китаем.

Заключение

В ходе исследования было выявлено, что язык является важнейшим фактором в развитии двусторонних экономических отношений между Китаем и Россией. В условиях современ-

ного глобализованного мира языковая и культурная коммуникация определяет не только качество взаимодействия, но и успешность реализации экономических проектов. Недооценка роли языка может привести к задержкам в переговорах, юридическим проблемам и финансовым потерям. Напротив, высококачественное лингвистическое сопровождение и глубокое понимание культурных особенностей партнера обеспечивают успешное заключение сделок, улучшение взаимопонимания и повышение доверия между сторонами.

Перспективы дальнейшего развития языковых и культурных программ в российско-китайских отношениях выглядят многообещающе. Обучение русскому языку в Китае и китайскому языку в России продолжает расширяться, что открывает новые возможности для подготовки специалистов, способных эффективно взаимодействовать в международной торговле и инвестициях. Сотрудничество в этой сфере способствует созданию прочных основ для долгосрочных экономических связей. Государственные и частные инициативы, направленные на поддержание и развитие межкультурного диалога, играют ключевую роль в укреплении двусторонних отношений, предоставляя новые инструменты для взаимовыгодного сотрудничества.

Для повышения качества взаимодействия между странами и успешного решения текущих задач международной торговли и инвестиций, необходимо обратить внимание на улучшение языковой подготовки специалистов. Важно разрабатывать программы, которые будут не только обучать языку, но и учитывать культурные и деловые особенности обеих стран. Особое внимание следует уделять обучению деловому языку, переводческим навыкам и межкультурной коммуникации, что позволит снизить языковые барьеры и усилить эффективность делового общения. Эти меры позволят не только ускорить процессы взаимодействия, но и повысить конкурентоспособность на международном уровне, что, в конечном итоге, будет способствовать дальнейшему росту экономических связей между Россией и Китаем.

Литература

1. Мусина, Л. М. Проблема кросс-культурной коммуникации в многонациональном коллективе // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог. – 2019. – С. 278-281.
2. Горина, В. А. Актуализация теории межкультурной коммуникации в системе языкового образования // Вестник Московского государ-

ственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 5 (744). – С. 213-223.

3. Lewis, R. When cultures collide: Leading across cultures. – Nicholas Brealey International, 2010.

4. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Beverly Hills, CA: SAGE Publications, 1980.

5. Латыпова, Э. Р., Саребу, В. П. Преодоление барьера в межкультурной коммуникации // Заметки ученого. – 2020. – № 10. – С. 311-314.

6. Войтенко, Ю. В., Шацких, В. В. Теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа // Актуальные проблемы романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка. – 2018. – С. 28-31.

7. Халимова, М. С. Теоретическая и методическая значимость межкультурной коммуникации в контексте проблем перевода // Вестник института языков. – 2019. – № 2. – С. 34-41.

8. Мокеев, К. В. Обучение навыкам межкультурной коммуникации с представителями восточных культур (на примере Китая): магистерская диссертация. – б. и., 2022.

9. Го, К. Китайско-российские культурные обмены в рамках инициативы «Один пояс-один путь»: состояние и перспективы // Историческая социология и современное социальное развитие в России и Китае. – 2022. – С. 418-424.

10. Короткина, Е. С. Ценностные концепты «Лидерство» и «Гармония» в российской и китайской нефтегазовой корпоративной лингвокультуре (на материале текстов сайтов «Роснефть» и «CNPC») // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. – 2020. – С. 22.

The role of language in the development of bilateral economic relations between China and Russia

Ma Jia

Shenyang Ligong University

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

This article examines the role of language as a key instrument in the development of bilateral economic relations between Russia and China. The research focuses on language and cultural barriers that may hinder communication between the two sides, as well as on the possibilities of overcoming these barriers through high-quality linguistic support and language training for specialists. The scientific novelty of the research lies in its comprehensive approach to analyzing the interconnection between language, culture, and economic interaction, providing a better understanding of how intercultural communication affects the efficiency of economic processes. The author highlights the importance of Russian language training programs in China and Chinese language training programs in Russia, and explores the prospects for the development of these programs in the

context of strengthening bilateral trade and investment relations.

Keywords: Sino-Russian relations, intercultural communication, language barriers, linguistic support, economic cooperation, language training

References

1. Musina, L. M. The problem of cross-cultural communication in a multinational team // Professional worldview: cross-cultural dialogue. – 2019. – P. 278-281.
2. Gorina, V. A. Actualization of the theory of intercultural communication in the language education system // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. – 2016. – № 5 (744). – P. 213-223.
3. Lewis, R. When cultures collide: Leading across cultures. – Nicholas Brealey International, 2010.
4. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Beverly Hills, CA: SAGE Publications, 1980.
5. Latypova, E. R., Sarebu, V. P. Overcoming the barrier in intercultural communication // Scholar's Notes. – 2020. – № 10. – P. 311-314.
6. Voytenko, Y. V., Shatskikh, V. V. The Sapir-Whorf theory of linguistic relativity // Topical issues of Romance-Germanic philology and methods of teaching foreign languages. – 2018. – P. 28-31.
7. Khalimova, M. S. Theoretical and methodological significance of intercultural communication in the context of translation problems // Bulletin of the Institute of Languages. – 2019. – № 2. – P. 34-41.
8. Mokeev, K. V. Teaching skills of intercultural communication with representatives of Eastern cultures (on the example of China): Master's thesis. – b. i., 2022.
9. Guo, K. Sino-Russian cultural exchanges under the "One Belt, One Road" initiative: status and prospects // Historical sociology and modern social development in Russia and China. – 2022. – P. 418-424.
10. Korotkina, E. S. Value concepts "Leadership" and "Harmony" in the Russian and Chinese oil and gas corporate linguocultures (based on the texts of the websites "Rosneft" and "CNPC") // Actual problems of linguistics and literary studies. – 2020. – P. 22.

Кластеризация регионов Российской Федерации по типу научной специализации

Валинурова Лилия Сабиховна

д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой инновационной экономики Института экономики, управления и бизнеса, Уфимский университет науки и технологий, valinurovailia@mail.ru

Казакова Оксана Борисовна

д-р экон. наук, профессор кафедры инновационной экономики Института экономики, управления и бизнеса, Уфимский университет науки и технологий, kazakovaohana@mail.ru

Балгазин Искандер Ильсурович

аспирант кафедры инновационной экономики Института экономики, управления и бизнеса, Уфимский университет науки и технологий, ibalgazin@yandex.ru

В статье предложен подход к определению типа научной специализации региона на основе индекса концентрации исследований и представлены результаты кластеризации регионов по типу научной специализации. Исследование базируется на данных Росстата, сайта Elibrary, по данным за 5 лет с 2018 по 2022 год, а так же по данным проекта Russian Index of the Research Organizations (RIRO). В качестве методов исследования использовались сравнительный, корреляционный и кластерный анализы. В ходе исследования выделены три кластера: регионы с узкой научной специализацией, с умеренной научной специализацией, с широкой научной специализацией. Анализ особенностей развития инновационных процессов, особенно в части ресурсного обеспечения и результатов реализации первых этапов, связанных с научными исследованиями, показал наличие ярко выраженной дихотомии между мононаучными и полинаучными регионами. Выявлена взаимосвязь между научной и технологической специализациями регионов, подтвержден факт слабого межрегионального взаимодействия. Это позволило обосновать целесообразность разработки и принятия специальных мер для каждого типа регионов, учитывающих тип их научной специализации при распределении ресурсов и конкретизации инструментов поддержки.

Ключевые слова: научная специализация, регионы, государственное регулирование, научно-исследовательские работы, разработки, научная кооперация.

Введение

При принятии решений на региональном уровне в качестве одного из ключевых факторов социально-экономического развития рассматривается специализация, базирующаяся на принципах разделения труда и ориентированная на повышение эффективности функционирования конкретного региона с учетом различного рода межрегиональных взаимодействий. Определенная специализация прослеживается и в научно-исследовательских работах отдельных ученых, научных коллективов, организаций, кластеров и т.п. В рамках исследования особенностей развития инновационных процессов проблематика научной специализации пространственных систем становится одним из направлений определения мест размещения соответствующих научных лабораторий, научно-производственных комплексов, центров кооперации и т.п., источников финансирования, кадрового обеспечения и др.

Согласно зарубежным исследованиям [2-7], особенно в области научной специализации, перспективным является подход, в котором наиболее важно инвестирование в ключевые отрасли, способные обеспечить наибольший экономический эффект. На данный момент в европейском союзе разрабатывается теория «умной» специализации, которая делает акцент на распределении инвестиций и инноваций на основе особенностей регионов. Так, инструменты визуализации приоритетов государственных инвестиций в инновации по всей Европе, предложенные в рамках этой концепции [1], позволяют государственным менеджерам и заинтересованным сторонам позиционировать свою территорию по сравнению с другими территориями и находить потенциальных партнеров для сотрудничества. Внутри ЕС приоритеты связаны с использованием Европейских региональных фондов и фондов развития (ERDF) и основаны на информации, содержащейся в стратегиях интеллектуальной специализации и связанных с ними стратегических структурах. За пределами ЕС они отражают приоритеты в области НИОКР, указанные в различных правительственных стратегических документах [1].

Отечественные исследователи [8-9] также подчеркивают важность выявления сильных и слабых сторон регионов для определения ключевых отраслей с целью рационального распределения инвестиций. Вопросы специализации регионов в экономической науке занимают важное место в академических исследованиях и практических приложениях, что подтверждает большое количество работ как отечественных авторов [16-20], так и зарубежных [21-25]. При этом можно отметить, что отдельные работы строятся на формировании системы диагностических показателей, используемых в процессе анализа и при моделировании перспектив развития территорий, в то время как значительный пласт исследований посвящается проблематике влияния специализации на показатели социально-экономического развития регионов, на межрегиональное и международное сотрудничество.

Несмотря на акцентировании внимания ученых на специализации регионов, научная специализация регионов в исследовательской повестке учитывается фрагментарно.

Рассмотрение вопроса развития отраслей и науки в регионах, позволяет увидеть, значительные различия в использовании научных и технологических возможностей. Эти различия влияют на распределение инвестиций, результативность государственной политики в области НИОКР и патентования, возможности укрепления технологического суверенитета и перспективы индустриального развития. Игнорирование научной специализации при стратегировании ведет к тому, что на практике полинаучные регионы могут оказаться менее эффективными в плане государственной поддержки, поскольку выдают значительное количество патентов за счет неосновных секторов, не достигая прорыва в ключевых. Учитывая это, в рамках настоящего исследования проанализировано влияние научной специализации регионов на результативность государственной политики.

Методы исследования.

В рамках настоящего исследования под научной специализацией понималось сосредоточение регионов на проведении исследований в отдельных областях, о чем можно судить по показателям публикационной активности. Отмечая, что объем цитирования не является абсолютно корректным индикатором, но он лучше отражает ценность региона с научной точки зрения, нежели простое количество опубликованных статей, поскольку статьи могут быть неактуальными. Именно поэтому цитируемость в

рамках настоящего исследования рассматривалась как основной индикатор, отражающий научную специализацию региона.

Преобладание конкретной научной области в исследовательских работах предлагается определять на основе индекса Херфиндаля-Хиршмана, поскольку он позволяет оценить степень концентрации рынка при оценке монопольной власти. В этом случае при расчетах целесообразно использовать не доли рынка конкретной фирмы, а долю цитирований публикаций в соответствующей научной области.

В рамках исследования выделение научных областей осуществлялось укрупненно. В этой связи были выделены такие области как естественные науки; технические науки; медицинские науки; сельскохозяйственные науки; общественные науки; гуманитарные науки.

При проведении настоящего исследования полнота полученных результатов была ограничена функциональностью используемых баз данных [11] и российского информационно-аналитического портала Elibrary, а также некоторой ограниченной функциональностью используемых при проведении анализа показателей.

Ключевыми методами исследования стали сравнительный и кластерный анализы. Распределение на кластеры было осуществлено с помощью программы, написанной на языке Python (версия 3.9) с применением подключаемых библиотек Pandal, Skleram, Matplotlib, Numpy. Исходными данными стали данные официальной статистики 85 регионов России, включающие объемы ВРП, количество исследователей. Научную специализацию регионов предлагается определять по индексу Херфиндаля-Хиршмана, где в качестве доли рынка конкретной фирмы учитывалась доля публикаций в соответствующей области исследования. Идентификацию типа региона представляется целесообразным осуществлять следующим образом:

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{ННИ} \geq 5000 - \text{регион с узкой научной специализацией,} \\ \text{мононаучный регион} \\ 5000 > \text{ННИ} \geq 3500 - \text{регион с умеренной научной специализацией} \\ \text{ННИ} < 3500 - \text{регион с широкой научной специализацией,} \\ \text{полинаучный регион} \end{array} \right.$$

где ННИ – индекс Херфиндаля-Хиршмана, определенный на основе публикационной активности.

Этапность инновационного процесса, необходимость тесного взаимодействия науки и производства определяют потребность в рассмотрении технологической специализации регионов, которую в рамках настоящего исследования предлагается определять на основе индекса Херфиндаля-Хиршмана на основе долей отраслей экономики в ВРП.

Результаты и их интерпретация

Для подтверждения тезиса, о существовании научной специализации регионов, была проанализирована публикационная активность 6400 организаций Российской Федерации, имеющих публикационную активность, данные по которым есть на Elibrary. Поскольку исследуется региональная научная специализация, полученные данные по организациям были объединены исходя из их территориального расположения. Полученные результаты были объединены с данными проекта Russian Index of the Research Organizations (RIRO) [11], некоторые регионы не были указаны в силу отсутствия данных.

Кластеризация регионов по научной специализации осуществлялась по индексу Херфиндаля-Хиршмана (НИИ) и отношению максимальной доли от общего количества цитирований региона к следующему после максимального.

В таблице 1 приведены полученные результаты совместно с данными проекта RIRO[11]. Мононаучные регионы представлены в кластере 3, в кластере 2 – регионы с умеренной научной специализацией (преобладает несколько научных специализаций), в кластере 1 полинаучные (регионы без преобладания одного научного направления). Распределение регионов РФ по кластерам представлено на рис.1.

Таблица 1
Результаты кластеризации регионов по научной специализации

№	Регион	Индекс Херфиндаля-Хиршмана (результаты расчетов округлены до целых)	Кластер (К)	Сумм.доля научных работ с соседними регионами, %
1	Ленинградская область	8795	3	56,2
2	Чукотский автономный округ	8025	3	0,0
3	Камчатский край	6556	3	0,0
4	Сахалинская область	6268	3	0,0
5	Московская область	5723	3	80,4
6	Томская область	5225	3	33,9
7	Магаданская область	5168	3	5,9
8	Новосибирская область	5125	3	28,4
9	Республика Ингушетия	4707	2	11,1
10	Ульяновская область	4525	2	10,0
11	Карачаево-Черкесская Республика	4444	2	0,0
12	Еврейская автономная область	4227	2	32,0
13	Приморский край	4153	2	7,8
14	Мурманская область	4090	2	8,6

15	Смоленская область	3819	2	4,2
16	Калужская область	3818	2	84,2
17	Республика Коми	3690	2	29,0
18	Свердловская область	3625	2	27,4
19	Ивановская область	3607	2	11,3
20	Республика Карелия	3334	1	12,2
21	Курганская область	3263	1	69,0
22	Республика Калмыкия	3236	1	27,3
23	Вологодская область	3194	1	18,0
24	Нижегородская область	3163	1	4,8
25	Архангельская область	3109	1	17,8
26	Республика Адыгея	3089	1	30,2
27	Калининградская область	3067	1	0,0
28	Чеченская Республика	3063	1	11,4
29	Курская область	3057	1	23,9
30	Орловская область	3046	1	22,1
31	г. Санкт-Петербург	3002	1	1,7
32	Красноярский край	2913	1	19,0
33	Псковская область	2857	1	0,0
34	Волгоградская область	2851	1	16,9
35	Иркутская область	2836	1	20,2
36	Республика Татарстан	2830	1	15,1
37	Забайкальский край	2816	1	18,4
38	в т.ч. Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	2798	1	29,4
39	г. Москва	2763	1	18,0
40	Республика Башкортостан	2715	1	27,4
41	Саратовская область	2695	1	12,7
42	Липецкая область	2685	1	39,0
43	Брянская область	2684	1	4,5
44	Ярославская область	2683	1	9,4
45	Краснодарский край	2680	1	32,7
46	Кемеровская область-Кузбасс	2645	1	53,8
47	Костромская область	2640	1	20,0
48	Рязанская область	2613	1	7,9
49	Республика Бурятия	2612	1	30,8
50	Тамбовская область	2590	1	15,3
51	Ямало-Ненецкий автономный округ	2549	1	0,0
52	Владимирская область	2543	1	6,8
53	Хабаровский край	2532	1	26,6
54	Республика Мордовия	2516	1	13,6
55	Республика Алтай	2504	1	65,0
56	Республика Дагестан	2408	1	4,0
57	Республика Тыва	2388	1	60,0
58	Кабардино-Балкарская Республика	2383	1	6,3
59	Республика Марий Эл	2378	1	38,5
60	Пермский край	2365	1	25,1
61	Ростовская область	2363	1	24,9
62	Челябинская область	2359	1	30,0

63	Белгородская область	2358	1	13,7
64	Республика Саха (Якутия)	2354	1	11,6
65	Самарская область	2351	1	9,3
66	Тульская область	2289	1	14,8
67	Республика Хакасия	2289	1	61,5
68	Ставропольский край	2266	1	32,9
69	Кировская область	2257	1	44,5
70	Тюменская область	2234	1	25,3
71	Тверская область	2232	1	5,5
72	Новгородская область	2230	1	3,3
73	Амурская область	2216	1	2,7
74	Оренбургская область	2209	1	34,5
75	Алтайский край	2137	1	32,0
76	Пензенская область	2121	1	11,4
77	Омская область	2056	1	38,0
78	Астраханская область	2018	1	9,2
79	Удмуртская Республика	1987	1	27,2
80	Чувашская Республика	1956	1	22,8
81	Воронежская область	1951	1	20,7
82	Республика Северная Осетия-Алания	1922	1	13,3

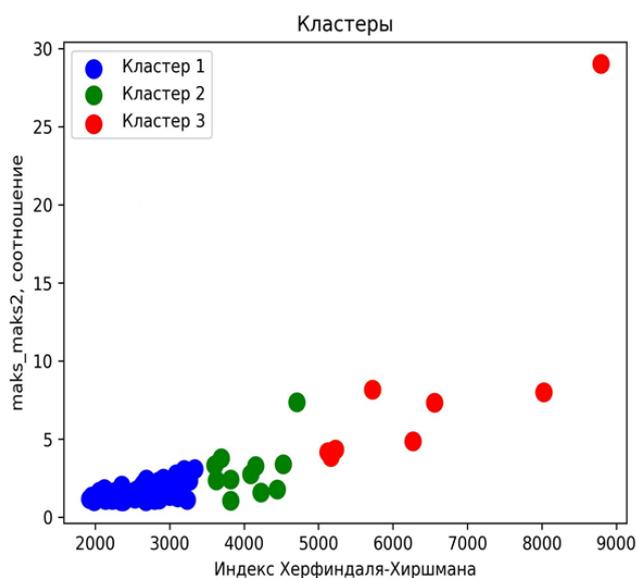

Рис. 1. Распределение регионов Российской Федерации по кластерам.
[разработано авторами]

Полученные результаты показали, что 77 % обследуемых регионов можно отнести к полинаучным и только 10 % – к мононаучным регионам, при этом следует отметить, что, несмотря на широкую научную специализацию, лишь 9 регионов РФ ведут активные межрегиональные исследования.

Хотя на данный момент государством озвучивается необходимость межрегионального сотрудничества, предпринимаются попытки создать межрегиональные НОЦ, платформы, однако фактически каких-то значимых результатов в этом направлении не достигнуто. Научное взаимодействие регионов друг с другом минимально, регионы стараются опираться только на свои силы.

Национальные приоритеты, определяемые государством, позволяют всем регионам одинаково участвовать в распределении средств, при этом следует учитывать фактор научной специализации регионов, ориентируясь не только на развитие приоритетных направлений, но и на межрегиональное научное сотрудничество.

Основываясь на полученных данных, можно сделать ряд следующих предположений:

- научная специализация влияет на внутренние затраты на НИОКР и патентную активность близких по уровню ВРП регионов;
- научная специализация влияет на межрегиональное научное сотрудничество;
- научная специализация региона не имеет связи с технологической специализацией региона;
- научная специализация региона влияет на научные ресурсы региона.

Вопросы взаимосвязи между показателями инноваций, экономическим ростом, инвестициями, патентованием исследованы в работах [9, 10, 12, 13, 26-28], вместе с тем взаимосвязь с научной специализацией регионов при этом не исследовалась.

Исходя из вышеуказанных зависимостей, для определения наличия влияния научной специализации региона на внутренние затраты на НИОКР и патентную активность, выборочно были рассмотрены наиболее близкие по уровню ВРП и численности исследователей регионы, табл. 2.

Было выделено 2 группы регионов, которые отвечали критерию близости значений ВРП и численности исследователей, и при этом разные по степени научной специализации, выделение большего количества групп, как и включение других регионов в выборку не является корректным, поскольку они не удовлетворяли выделенным критериям.

Таблица 2

Выборка регионов для исследования взаимосвязи научной специализации с показателями инновационной деятельности

Характеристика региона	Группа 1	Группа 2
Мононаучный	Магаданская область	Томская область
Средний	Ивановская область	Приморский край
Полинаучный	Республика Марий Эл	Республика Дагестан

Анализ динамики внутренних затрат на НИОКР и патентной активности по сравниваемым регионам показал следующее:

– Полинаучные регионы, по сравнению с аналогичными по экономическим (ВРП) и интеллектуальным (количество патентов) ресурсам регионами, имеют меньшие внутренние затраты на НИОКР.

– Дифференциация регионов различной научной специализации по патентной активности усиливается с увеличением ВРП. При этом может быть сделан вывод, что дифференциация регионов различной научной специализации по ВРП усиливается в зависимости от патентной активности в них. Данные утверждения взаимосвязаны, т.к. рассматриваемые показатели патентной активности и ВРП учитывались без временного лага, а сущностная их характеристика может рассматривать патенты как источник создания добавленной стоимости и увеличения ВРП, с одной стороны, а ВРП как источник стимулирования патентной активности, с другой.

Учитывая малое количество сравниваемых регионов в выборке, однозначно утверждать о характере влияния научной специализации региона на какие-либо показатели нельзя, поэтому в дальнейшем планируется исследовать этот вопрос детальнее, расширив выборку и набор рассматриваемых показателей. Однако, полученные результаты даже по столь ограниченной выборке свидетельствуют, о наличии связи между научной специализацией и показателями регионального развития.

Для рассмотрения взаимосвязи научной специализации с кадровой обеспеченностью исследований и разработок был проведен корреляционный анализ связи НИ научной специализации региона с общим изменением численности ученых со степенями в регионе за 5 лет, а также с общим изменением численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, по категориям и субъектам.

В целом можно отметить, что связь между научной специализацией региона и численностью занятых очень слабая, незначительная, коэффициент корреляции не превышает 0,2. При этом следует отметить близкие значения

коэффициента корреляции по регионам различных кластеров в рамках одной группы научной специализации.

В регионах с умеренной научной специализацией ($5000 > \text{НИ} \geq 3500$) наблюдается слабая отрицательная корреляция между НИ и общим изменением за 5 лет численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками. Связано это может быть с тем, что в таких регионах всего несколько развитых научных направлений, и перемещение персонала между научными направлениями крайне затруднительно. В полинаучных регионах ($\text{НИ} < 3500$) отмечается слабая положительная корреляция между НИ и общим изменением за 5 лет численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками. В таких регионах перемещение исследователей между научными коллективами относительно свободно в связи с развитием широкого поля смежных и междисциплинарных исследований.

Низкий уровень взаимосвязи между индексом научной специализации и изменением численности занятых в исследованиях и разработках может быть объяснен активным развитием, с одной стороны, инструментов удаленного участия в научно-исследовательской деятельности, обеспечивая вовлеченность не только специалистов из других регионов РФ, но и из других стран в решение поставленных задач, во-вторых, кооперация науки и производственного сектора способствует активному вовлечению в решение прикладных исследовательских задач персонала промышленных предприятий, что не учитывается в системе статистического наблюдения.

Для исследования взаимосвязи научной и технологической специализации регионов рамках настоящего исследования были использованы индекс научной специализации и индекс технологической специализации, рассчитанные по показателям публикационной активности и долям отраслей экономики в ВРП.

Для проведения корреляционного анализа были сгруппированы данные по вкладу отраслей в ВРП в разрезе регионов, определен индекс технологической специализации. При проведении анализа рассмотрены несколько вариантов группировок отраслей экономики для определения индекса технологической специализации. Один вариант базировался на данных статистического учета в разрезе видов деятельности, второй предполагал укрупнение исходной информации и выделение таких направлений как добывающие производства,

обрабатывающие, инфраструктурное обеспечение, аграрный сектор, медико-социальный, административный и финансово-экономический. В рамках третьего вся информация была укрупнена до выделения 4 групп, в рамках 4-ого до 3 групп. объединение исходной информации осуществлялось с учетом существующих подходов к определению специализации регионов [18].

Во всех четырех вариантах коэффициент корреляции между индексами научной и технологической специализации регионов не превышает 0,09 и стремится к нулю при укрупнении групп технологической специализации. Полученные результаты позволяют сделать вывод об отсутствии прямой связи между индексами научной и технологической специализации, что может рассматриваться как доказательство слабого взаимодействия между наукой и производством в рамках реализации концепции тройной спирали.

Вместе с тем можно предположить, что регионы тесно взаимодействуют друг с другом и, обмениваясь результатами научных исследований, обеспечивают многопрофильное технологическое развитие. Выстроенная таким образом кооперация в научном секторе расширяет ресурсные возможности производственного. Однако, сделанное уточнение можно рассматривать лишь в отношении 9 регионов, которые по данным таблицы 1 характеризуются наличием активных межрегиональных исследований.

Рассматривая научную специализацию федеральных округов, можно отметить, что большая часть регионов РФ являются полинаучными, только Дальневосточный федеральный округ имеет преобладающее количество мононаучных регионов.

Таблица 3
Преобладающий тип научной специализации по федеральным округам РФ

Название федерального округа	Преобладающий тип научной специализации	Средний уровень межрегиональных научных контактов
Центральный, ЦФО	1	22,32
Приволжский, ПФО	1	21,21
Северо-Кавказский, СКФО	1	11,29
Северо-Западный, СЗФО	1	14,68
Южный, ЮФО	1	23,53
Сибирский, СФО	1	43,51
Уральский, УФО	1	30,18
Дальневосточный, ДФО	3	13,00

Корреляционный анализ, проведенный на уровне федеральных округов, показал, что между индексом научной специализации и

уровнем межрегиональных контрактов связь слабая, близкая к нулю. При этом разрыв между областями научной специализации (отношение максимальной доли от общего количества цитирований региона к следующему после максимального), отражающий глубину, выраженность концентрации исследований в конкретной области, демонстрирует наличие слабой положительной связи, коэффициент корреляции 0,16.

Вместе с тем четко прослеживается связь индекса научной специализации и индекса технологической специализации (независимо от вариантов группировки видов экономической деятельности), табл. 4.

Так, по Дальневосточному федеральному округу отмечается средняя положительная связь между индексами научной и технологической специализацией. Высокая отрицательная связь наблюдается в Уральском и Южном федеральных округах.

Таблица 4
Результаты корреляционного анализа взаимосвязи научной и технологической специализации в разрезе федеральных округов

	ДФО	ПФО	СЗФО	СКФО	СФО	УФО	ЦФО	ЮФО
Вариант 1	0,414	-0,223	-0,030	0,263	-0,492	-0,515	0,087	-0,507
Вариант 2	0,369	0,205	-0,155	-0,011	-0,174	-0,387	0,353	-0,303
Вариант 3	0,382	-0,410	-0,204	0,548	-0,068	-0,541	0,120	-0,771
Вариант 4	0,340	-0,317	0,325	0,250	-0,056	-0,571	-0,179	-0,830

Показатели по другим округам также свидетельствуют о наличии связи между специализациями, при этом неоднородный характер связи подтверждает факт значительной дифференциации округов и входящих в них регионов.

Выводы.

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов о целесообразности определения типа и глубины научной специализации при формировании государственной политики в области НИОКР.

Исследование показало наличие ярко выраженной дихотомии между мононаучными регионами, где одна отрасль получает всестороннее развитие, и полинаучными, где несколько отраслей конкурируют за ресурсы и внимание.

Мононаучные регионы, благодаря своей специализированной научной базе, могут эффективно концентрировать финансирование и интеллектуальные ресурсы на одной приоритетной технологии или отрасли. Это ведет к более глубокому проникновению в конкретную область знаний, способствует углублению экспертизы и ускорению инновационного процесса в этой сфере. По полученным данным, было вы-

явлено, что регионы с ярко выраженной научной специализацией имеют большие внутренние затраты на НИОКР.

Полинаучные регионы, напротив, сталкиваются с проблемой распыления усилий. Даже в условиях выделения государственных субсидий для определенной ведущей отрасли другие сектора также требуют поддержки, что создает внутреннюю конкуренцию за ресурсы. В таких условиях приоритетное направление не всегда может развиваться с должной эффективностью, так как вложения в него могут быть недостаточными. Кроме того, специалисты других сфер, владеющие определенным набором компетенций и ориентированные на конкретные технологии, не всегда могут или хотят перестроиться на работу в приоритетной отрасли.

Когда речь идет о научной специализации и распределении научных ресурсов, важно учитывать динамику изменения этих ресурсов в различных регионах. Сгруппированные по кластерам регионы на основе научной специализации можно также классифицировать, исходя из наличия научных ресурсов.

Первый тип регионов, который предлагается выделить, – это регионы с отрицательной динамикой изменения научных ресурсов. Эти регионы нуждаются в пристальном внимании, анализе и поддержке со стороны государства.

Второй тип – стабильные регионы, которые сохраняют относительную стабильность научных ресурсов. Эти регионы могут быть ключевыми партнерами в обмене знаниями и опытом, а также выступать в качестве платформы для развития коллабораций и совместных исследовательских проектов.

Третий тип – регионы с положительной динамикой изменения научных ресурсов. Эти регионы могут быть важными центрами научных инноваций и развития. Инвестирование в такие регионы может способствовать увеличению научного потенциала, развитию высокотехнологических отраслей и формированию инновационной экосистемы.

Такой подход будет способствовать повышению качества регулирования и результативности использования выделяемых средств.

Учитывая особенности современного этапа развития, нельзя не согласиться с мнением, что государственную политику в области НИОКР следует формировать с учетом соответствия научной специализации государственным приоритетам. Это подразумевает целенаправленное финансирование перспективных направлений в тех регионах, где уже сформирована определенная отраслевая база. В то же время полинаучные регионы требуют более

сбалансированного подхода, предполагающего равномерное распределение средств между всеми отраслями, что поможет избежать искажения в распределении инвестиций и повысит общую эффективность использования ресурсов.

Таким образом, для каждого типа регионов предполагается принятие специальных мер, направленных на развитие научной инфраструктуры и привлечение квалифицированных специалистов, при этом существующие меры поддержки и оценки государства не оценивающие как научную специализацию, так и динамику изменения научных ресурсов необходимо пересмотреть.

В этой связи учет научной специализации при формировании государственной политики в области НИОКР может стать одним из инструментов гармонизации развития различных отраслей и укрепления технологического суверенитета РФ.

Литература

1. Smart specialisation platform. [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/map> (дата обращения: 15.01.2024).
2. Balland P. A. et al. Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification //Regional studies. – 2018.
3. Radosevic S. Assessing EU smart specialization policy in a comparative perspective //Advances in the theory and practice of smart specialization. – Academic Press, 2017. – С. 1-36.
4. Piirainen K. A., Tanner A. N., Alkærsig L. Regional foresight and dynamics of smart specialization: A typology of regional diversification patterns //Technological Forecasting and Social Change. – 2017. – Т. 115. – С. 289-300.
5. Foray D. Smart specialization strategies as a case of mission-oriented policy—a case study on the emergence of new policy practices //Industrial and Corporate Change. – 2018. – Т. 27. – №. 5. – С. 817-832.
6. Hassink R., Gong H. Six critical questions about smart specialization //Rethinking Clusters. – Routledge, 2021. – С. 171-187.
7. Höglund L., Linton G. Smart specialization in regional innovation systems: a quadruple helix perspective //R&D Management. – 2018. – Т. 48. – №. 1. – С. 60-72.
8. Мерзликина, Г. С. Концепция "умной специализации" регионов: уточнение принципов / Г. С. Мерзликина // Вопросы инновационной экономики. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 997-1014.

– DOI 10.18334/vines.11.3.113227. – EDN FIAFQA.

9. Шерстнева, О. М. Стратегия "умной специализации" регионов: теоретические аспекты и европейский опыт / О. М. Шерстнева, Г. А. Яшева // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2022. – № 1(42). – С. 214-228. – DOI 10.24412/2079-7958-2022-1-214-228. – EDN LZHSME.

10. Bilbao-Osorio B., Rodríguez-Pose A. From R&D to innovation and economic growth in the EU //Growth and Change. – 2004. – Т. 35. – №. 4. – С. 434-455.

11. RIRO (2021, Aug. 23). Russian Index of Research Organizations: Использование массива RIRO для изучения регионального сотрудничества в Scopus и SciVal. Retrieved from <https://openriro.github.io/posts/regional-collaboration/>

12. Othmani A., Ben Yedder N., Bakari S. The Cointegration Relationship between Patent, Domestic Investment and Economic Growth in United States of America. – 2023.

13. Danguy J., De Rassenfosse G., van Pottelsberghe de la Potterie B. The R&D-patent relationship: An industry perspective. – 2010.

13. Электронная научная библиотека eLibrary [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.09.2024) <https://www.elibrary.ru/>.

14. Терещенко, Д. С. Статистический анализ дифференциации российских регионов по уровню публикационной активности / Д. С. Терещенко, В. С. Щербаков // ЭКО. – 2019. – № 9(543). – С. 132-154. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2019-9-132-154. – EDN PCZHTK.

15. Терещенко, Д. С. Эмпирический анализ публикационной активности: конвергенция российских регионов? / Д. С. Терещенко // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16, № 3. – С. 109-138. – DOI 10.14530/se.2020.3.109-138. – EDN VHVNRV.

16. Яковлева, С. И. Устойчивость отраслевой структуры и специализации экономики регионов Центрального федерального округа России / С. И. Яковлева // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2019. – № 3(59). – С. 18. – EDN BDFSLD.

17. Тарасова, О. Б. Оценка продовольственной безопасности регионов России с позиции сельскохозяйственной специализации / О. Б. Тарасова // Менеджмент в АПК. – 2022. – № 3. – С. 27-34. – DOI 10.35244/2782-3776-2022-2-3-27-34. – EDN LQICPD.

18. Бриллиантова, В. В. Технологическое разнообразие и самообеспеченность производства передовыми производственными техноло-

гиями в российских регионах / В. В. Бриллиантова, В. В. Власова, К. С. Фурсов // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 4. – С. 1224-1238. – DOI 10.17059/ekon.reg.2020-4-15. – EDN GFVOYC.

19. Волкова, Н. Н. Уровень развития инновационной системы и специализация регионов России / Н. Н. Волкова, Э. И. Романюк // Вопросы статистики. – 2011. – № 9. – С. 38-47. – EDN NYJIAF.

20. Баликоев, В. З. Специализация регионов России в области финансового рынка / В. З. Баликоев, Ю. П. Каленова // Вестник науки. – 2023. – Т. 4, № 6(63). – С. 43-63. – EDN WWMGYF.

21. Ezcurra R., Pascual P., Rapún M. Regional specialization in the European Union //Regional Studies. – 2006. – Т. 40. – №. 6. – С. 601-616.

22. Traistaru I., Nijkamp P., Longhi S. Regional specialization and concentration of industrial activity in accession countries. – ZEI Working Paper, 2002. – №. B 16-2002.

23. Lu Z., Deng X. Regional specialization: A measure method and trends in China. – 2011.

24. Goschin Z. et al. Regional specialization and geographic concentration of industries in Romania //South-Eastern Europe Journal of Economics. – 2009. – Т. 7. – №. 1.

25. Ortiz-Bobea A., Knippenberg E., Chambers R. G. Growing climatic sensitivity of US agriculture linked to technological change and regional specialization //Science advances. – 2018. – Т. 4. – №. 12. – С. eaat4343.

26. Голиченко Олег Георгиевич, Балычева Юлия Евгеньевна Взаимосвязь патентной и инновационной деятельности компаний в регионах РФ // Инновации. 2013. №3 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-patentnoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti-kompaniy-v-regionah-rf> (дата обращения: 19.09.2024).

27. Дробышевская Л. Н. Система взаимосвязи инноваций и инвестиций в процессе экономического роста // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-vzaimosvyazi-innovatsiy-i-investitsiy-v-protssesse-ekonomicheskogo-rosta> (дата обращения: 19.09.2024).

28. Малыгина И. О. Исследование взаимосвязи и взаимозависимости инновационной и инвестиционной деятельности / И. О. Малыгина // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. — 2019. — Том 18. — № 6. — С. 854-873.

Clustering of regions of the Russian Federation by type of scientific specialization

Valinurova L.S., Kazakova O.B., Balgazin I.I.

Ufa science and technology University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article proposes an approach to determining the type of scientific specialization of a region based on the research concentration index and presents the results of clustering regions by type of scientific specialization. The study is based on data from Rosstat, the Elibrary website, according to data for 5 years from 2018 to 2022, as well as according to the Russian Index of the Research Organizations (RIRO) project. Comparative, correlation and cluster analyses were used as research methods. In the course of the study, three clusters were identified: regions with narrow scientific specialization, with moderate scientific specialization, and with broad scientific specialization. The analysis of the features of the development of innovative processes, especially in terms of resource provision and the results of the implementation of the first stages related to scientific research, showed the presence of a pronounced dichotomy between monoscientific and polyscientific regions. The interrelation between the scientific and technological specializations of the regions was revealed, the fact of weak interregional interaction was confirmed, which made it possible to justify the expediency of developing and taking special measures for each type of region, taking into account the type of their scientific specialization when allocating resources and specifying support tools.

Keywords: scientific specialization, regions, state regulation, scientific research, developments, scientific cooperation.

References

1. Smart specialization platform. [Electronic resource]. – 2023. - URL: <https://s3platform.jrc.ec.europa.eu/map> (access date: 01/15/2024).
2. Balland P. A. et al. Smart specialization policy in the European Union: relatedness, knowledge complexity and regional diversification // *Regional studies*. – 2018. 3. Radosevic S. Assessing EU smart specialization policy in a comparative perspective // *Advances in the theory and practice of smart specialization*. – Academic Press, 2017. – pp. 1-36.
4. Piirainen K. A., Tanner A. N., Alkærsig L. Regional foresight and dynamics of smart specialization: A typology of regional diversification patterns // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2017. – T. 115. – P. 289-300.
5. Foray D. Smart specialization strategies as a case of mission-oriented policy—a case study on the emergence of new policy practices // *Industrial and Corporate Change*. – 2018. – T. 27. – No. 5. – pp. 817-832.
6. Hassink R., Gong H. Six critical questions about smart specialization // *Rethinking Clusters*. – Routledge, 2021. – pp. 171-187.
7. Höglund L., Linton G. Smart specialization in regional innovation systems: a quadruple helix perspective // *R&D Management*. – 2018. – T. 48. – No. 1. – pp. 60-72.
8. Merzlikina, G. S. The concept of "smart specialization" of regions: clarification of principles / G. S. Merzlikina // *Issues of innovative economics*. - 2021. - Vol. 11, No. 3. - P. 997-1014. - DOI 10.18334 /vinec.11.3.113227. – EDN FIAFQA.
9. Sherstneva, O. M. Strategy of "smart specialization" of regions: theoretical aspects and European experience / O. M. Sherstneva, G. A. Yasheva // *Bulletin of the Vitebsk State Technological University*. – 2022. – No. 1(42). – P. 214-228. – DOI 10.24412/2079-7958-2022-1-214-228. – EDN LZHSME.
10. Bilbao-Osorio B., Rodríguez-Pose A. From R&D to innovation and economic growth in the EU // *Growth and Change*. – 2004. – T. 35. – No. 4. – pp. 434-455.
11. RIRO (2021, Aug. 23). Russian Index of Research Organizations: Using the RIRO array to study regional cooperation in Scopus and SciVal. Retrieved from <https://openriro.github.io/posts/regional-collaboration/>
12. Othmani A., Ben Yedder N., Bakari S. The Cointegration Relationship between Patent, Domestic Investment and Economic Growth in the United States of America. – 2023.
13. Danguy J., De Rassenfosse G., van Pottelsberghe de la Potterie B. The R&D-patent relationship: An industry perspective. – 2010.
13. Electronic scientific library elibrary [Electronic resource] (date of access: 20.09. 2024) <https://www.elibrary.ru/>.
14. Tereshchenko, D. S. Statistical analysis of differentiation of Russian regions by the level of publication activity / D. S. Tereshchenko, V. S. Shcherbakov // *ECO*. - 2019. - № 9(543). – P. 132-154. – DOI 10.30680/ECO0131-7652-2019-9-132-154. – EDN PCZHTK.
15. Tereshchenko, D. S. Empirical analysis of publication activity: convergence of Russian regions? / D. S. Tereshchenko // *Spatial Economics*. - 2020. - Vol. 16, No. 3. - P. 109-138. - DOI 10.14530/ se.2020.3.109-138. – EDN VHVNRV.
16. Yakovleva, S. I. Sustainability of the sectoral structure and specialization of the economy of the regions of the Central Federal District of Russia / S. I. Yakovleva // *Regional Economics and Management: electronic scientific journal*. – 2019. – No. 3(59). – P. 18. – EDN BDFSLD.
17. Tarasova, O. B. Assessment of food security of Russian regions from the standpoint of agricultural specialization / O. B. Tarasova // *Management in the agro-industrial complex*. – 2022. – No. 3. – P. 27-34. – DOI 10.35244/2782-3776-2022-2-3-27-34. – EDN LQICPD.
18. Brilliantova, V. V. Technological diversity and self-sufficiency of production with advanced production technologies in Russian regions / V. V. Brilliantova, V. V. Vlasova, K. S. Fursov // *Regional Economy*. - 2020. - Vol. 16, No. 4. - Pp. 1224-1238. - DOI 10.17059/ekon.reg.2020-4-15. – EDN GFVOYC.
19. Volkova, N. N. The level of development of the innovation system and specialization of regions of Russia / N. N. Volkova, E. I. Romanyuk // *Questions of Statistics*. - 2011. - No. 9. - P. 38-47. - EDN NYJIAF .
20. Balikoev, V. Z. Specialization of Russian regions in the field of financial market / V. Z. Balikoev, Yu. R. Kalenova // *Bulletin of Science*. - 2023. - Vol. 4, No. 6 (63). - P. 43-63. – EDN WWMGYF.
21. Ezcurra R., Pascual P., Rapún M. Regional specialization in the European Union // *Regional Studies*. – 2006. – T. 40. – No. 6. – P. 601- 616.
22. Traistaru I., Nijkamp P., Longhi S. Regional specialization and concentration of industrial activity in accession countries. – ZEI Working Paper, 2002. – no. B 16-2002.
23. Lu Z., Deng X. Regional specialization: A measure method and trends in China. – 2011. 24. Goschin Z. et al. Regional specialization and geographic concentration of industries in Romania // *South-Eastern Europe Journal of Economics*. – 2009. – T. 7. – No. 1. 25. Ortiz-Bobea A., Knippenberg E., Chambers R. G. Growing climatic sensitivity of US agriculture linked to technological change and regional specialization // *Science advances*. – 2018. – T. 4. – No. 12. – S. eaat4343.
26. Golichenko Oleg GeOrgievich, Balycheva Yulia Evgenievna The relationship between patent and innovation activities of companies in the regions of the Russian Federation // *Innovations*. 2013. No. 3 (173). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz>

patentnoy-i-innovatsionnoy-deyatelnosti-kompaniy-v-regionah-*rf* (date of access: 19.09.2024). 27. Drobyshevskaya L. N. The system of the relationship between innovations and investments in the process of economic growth // Bulletin of SFedU. Technical sciences. 2005. No. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-vzaimosvyazi-innovatsiy-i-investitsiy-v-protssesse-ekonomicheskogo-rosta> (date of access: 19.09.2024).

28. Malykhina I. O. Study of the relationship and interdependence of innovation and investment activities / I. O. Malykhina // Bulletin of UrFU. Series: Economics and Management. - 2019. - Vol. 18. - No. 6. - P. 854-873.

Раскрытие экологической составляющей в управлении устойчивым развитием предприятий Донецкого региона

Ардатьева Татьяна Ивановна

канд. экон. наук., доцент, доцент кафедры «Учёт и аудит», Донецкая академия управления и государственной службы, ardatieva.tatiana.work@mail.ru

Мащенко Екатерина Станиславовна

канд. экон. наук., доцент, доцент кафедры «Финансы и бухгалтерский учёт», Донецкий национальный технический университет, 23mashchenko@mail.ru

Ардатьев Виктор Николаевич

старший преподаватель, кафедры «Маркетинг и логистика», Донецкая академия управления и государственной службы, viktor_ardatiev@mail.ru

В статье рассматривается экологическая составляющая механизма управления устойчивым развитием предприятий Донецкого региона в реалиях военного времени. Она охватывает вопросы экологического характера, которые требуют решения не только на методическом, но и на методологическом уровнях, в том числе образовательной экосистемы. Изучено наследие учёных в соответствующем направлении. Аргументировано доказано, что на сегодняшний день экологический учёт, как значимая функция управления, выступает драйвером цифровизации. В рамках этого, определено место экологического учёта в системе управления предприятием. Обоснована объективность детализации центров ответственности в разрезе направлений природоохранной деятельности, которые накапливают информацию о расходах на охрану атмосферного воздуха, водных и земельных ресурсов, а также утилизацию отходов, с целью обеспечения контроля таких расходов и является основой для их достоверного оценивания. Это положительно влияет на экономическое положение организаций в целом, а также их «зелёного» имиджа в частности.

Ключевые слова: управление, экологическая составляющая, устойчивое развитие предприятий, учёт расходов на природоохранную деятельность, центры ответственности.

Введение

Условием жизнеспособности организации и базой его развития в современных реалиях экономики является её стабильность. На долгосрочную перспективу организации и её устойчивость оказывают влияние разные факторы (внутренние и внешние).

Политическое признание Россией в 2022 году Донецкой Народной Республики как независимого государства, заключение договоров о сотрудничестве и взаимной помощи в различных сферах, положительно повлияло на промышленный и научный потенциал региона.

Однако, остались риски для всех отраслей промышленности Донбасса, связанные с обстоятельствами непреодолимой силы, в том числе специальной военной операцией, что безусловно оказывает непосредственное влияние на механизм управления устойчивым развитием предприятий [1, с. 5].

Учёные и практики в Донецкой Народной Республике уделяют внимание вопросам разработки «методологии оценки экологического ущерба в связи с военным конфликтом» [1, с. 201]. В результате боевых действий происходит нарушение флоры, фауны, водных ресурсов, атмосферного воздуха и т.п. Согласно выводам, к которым пришли участники Круглого стола, такой ущерб сложно подсчитать в цифрах, потому что есть эффект накопления и некоторые негативные моменты можно зафиксировать ни на следующий год, а, например, через пять лет [2]. Для контроля над исполнением природоохранных мероприятий создан «государственный информационный реестр по учету объектов юридических и физических лиц-предпринимателей, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду» [3].

Вышеизложенные особенности ведения деятельности экономических субъектов на территории Республики подтверждают актуальность выбранной темы исследования и значительную роль экологической составляющей в управлении устойчивым развитием предприятий Донецкого региона.

Обзор литературы

В современных реалиях коммерциализации значительное внимание специалистов уделя-

ется поиску способов роста эффективности регулирования устойчивостью. В частности, финансовой и платежеспособностью. Данным вопросом занимаются учёные: И.С. Колобова [4], Н.О. Лалетин, О.В. Федорова [5], С.Ю. Муслимова [6], Р.Р. Гизатуллин [7], Ю.О. Шаврина, Д.А. Попов, Д.В. Трещев [8] и др. И. С. Колобова конкретизирует факторы, которые оказывают непосредственное влияние на финансовую устойчивость организации [4]. Н.О. Лалетин и О.В. Федорова в публикациях систематизировали изучаемый объект, отображали его место и роль в целом механизме управления [5]. С.Ю. Муслимова [6], Р.Р. Гизатуллин [7], Ю.О. Шаврина, Д.А. Попов и Д.В. Трещев [8] в ряде публикаций изучают особенности финансовой безопасности организации и пути её повышения.

Содержание и сущность устойчивого развития организации раскрыли в своих трудах О. Ю. Агафоненко [9] и И. А. Сичкар [10-11], а также авторы исследования [12]. И. А. Сичкар рассматривает вопросы финансовой безопасности предприятий на уровне Республики, как одного из блоков механизма управления устойчивым развитием [11].

Основные аспекты становления «образовательной экосистемы» Донбасса представлены в работе А. В. Вериги и Е. В. Пономаренко [13].

Значительный вклад в решение вопросов, связанных с организацией экологического учёта, внесли известные учёные-экономисты: О. Ф. Балацкий [14], И. В. Замула [15], М. Д. Иванова [16], Т. Г. Шешукова, Е. Р. Мухина [17], Н.В. Рассулова [18], В.А. Шевчук [19] и др. Следует отметить работу О.Ф. Балацкого «Анталогия экономики чистой среды» [14]. Учёный руководил научной школой с целью «экологизации производства» [14]. Также необходимо уделить внимание публикации И. В. Замулы [15], которая содержит организационные и методические аспекты экологической деятельности предприятий. В Российской Федерации, не первый год, М.Д. Иванова публикует труды о ведении бухгалтерского учёта «природоохранных затрат» [16].

Структурно-логические особенности учётной политики предприятия, где ударение ставится на экологической составляющей, раскрыты в работах Т. Г. Шешукова и Е. Р. Мухина [17]. В Донецком регионе, научными исследованиями в данной сфере занимается Н. В. Рассулова [18]. Кроме того, В. А. Шевчук в своих трудах раскрывает объекты не только экологического учёта, но анализа и аудита [19]. Наследие учёных в изучаемом направлении представляет

собой весомый и ценный вклад в науку – важную опору государства. Отечественная наука совершенствует технологии производства и открывает новые пути к достижению поставленных целей устойчивого развития, а также экологической составляющей. Однако, на сегодняшний день, остаются нерешёнными вопросы, связанные с ведением экологического учёта, который обеспечивает внутренних и внешних пользователей, достоверной и своевременной информацией относительно изучаемых расходов.

Цель данной статьи заключается в изучении экологической составляющей механизма управления устойчивым развитием предприятий в части детализации центров ответственности расходов на природоохранную деятельность.

Данные и методы

Для проведения исследования научно-методических подходов к формированию эффективного механизма управления устойчивым развитием предприятий на территории Республики использовались: нормативно-правовые акты России, регулирующие деятельность экономических субъектов; труды учёных по соответствующей проблематике; официальные материалы Института экономических исследований Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

С целью решения поставленных задач использовались специальные методы: анализ и синтез (для обоснования актуальности экологической составляющей механизма управления устойчивостью предприятия); графический метод (для визуализации роли экологического учёта в системе управления предприятием); формирования научно-обоснованных принципов (для детализации центров ответственности угледобывающих предприятий).

Результаты исследования

Понятия «устойчивость» и «устойчивое развитие» представлены в публикациях, монографиях, где прослеживается вариативность исследуемой терминологии. Базовой причиной является иностранное происхождение термина «устойчивое развитие» (перевод с английского языка) [12].

Исследуемый понятийный аппарат содержит общие составляющие блоки: социальный, экономический и экологический. Место экологического учёта в системе управления предприятием представлено на рисунке 1.

Рисунок 1 — Место экологического учёта в системе управления предприятием

Экологический учёт, как основной инструмент информационного обеспечения, должен найти отображение в общей системе управления с целью интегрирования вопросов охраны окружающей среды с финансовыми аспектами деятельности предприятия.

Необходимость совершенствования управленческого учёта расходов на природоохранную деятельность (далее – РПД) обусловлена углублением и обострением проблем, связанных с неконтролируемым загрязнением окружающей среды, а именно: воды, воздуха, почвы, постоянного роста объёма не утилизируемых отходов.

Согласно проведенным исследованиям для закрепления ответственности за менеджерами разных уровней управления предложено решение вопроса классификации расходов на природоохранную деятельность по центрам их возникновения.

В дискурсе современного теоретического знания аргументировано, что центр ответственности (структурное подразделение) содержит центры возникновения расходов. Например, производственная техническая служба является структурным подразделением предприятия, а котельная – центром возникновения расходов на природоохранную деятельность (склад горючих материалов, породный отвал).

В работе предложена организационная структура предприятия по уровням влияния на принятие управленческих решений, которая содержит десять уровней и отражает информационные взаимосвязи между структурными подразделениями. На начальных уровнях расположен линейный, подземный персонал, персонал на поверхности, а также работники социальных секторов. Подземный и поверхностный линейный персонал относится к конкретным участкам: участки по добыче угля, подготовительных работ, шахтного транспорта, вентиляции и техники безопасности. На таких участках возникают расходы, связанные с добычей угля.

Например, расходы природоохранного назначения: заработная плата соответствующего производственного персонала; расходы на вспомогательные материалы (лесные материалы, взрывчатые вещества, спецодежда, запасные части, малоценные предметы, материалы длительного пользования, услуги производственного характера); расходы на электроэнергию (тыс. кВт); расходы топлива на производственно-технические потребности (собственное и привозное).

На второй ступеньке пирамидальной структуры аппарата управления находится начальник вышеперечисленных участков. Он несёт ответственность перед центрами расходов на природоохранную деятельность за качество выполненной работы и своевременность предоставленной информации.

Центры расходов угольных шахт распределены на технологические (может быть установлена прямая взаимосвязь между добычей угля и результатами деятельности шахты) и дискреционные (невозможно установить данную взаимосвязь).

Центрами технологических расходов на природоохранную деятельность являются подразделения основного и вспомогательного производства. К ним относятся следующие службы: производственная технологическая, технологическая, маркшейдерско-геологическая и энергомеханическая.

Центрами дискреционных расходов являются: сектор материально-технической поставки; отдел кадров; юридический отдел; отдел экономики, планирования и ценообразования (далее – ОЭПиЦ); автоматизированная служба управления технологическим процессом (далее – АСУТП); служба охраны труда, а также бухгалтерская служба шахты.

Начальники производственных и административных структурных подразделений угольной шахты занимают третий уровень аппарата управления. На вершине центров ответственности шахты находится директор (пятый уровень). Угольные шахты выполняют передовые функции и занимают среднее звено управления, так как подчиняются государственному унитарному предприятию (далее – ГУП).

Организационная структура угледобывающего предприятия Донецкого региона систематизирована на рисунке 2 с целью визуализации.

Согласно рисунку 2, центры ответственности угольной шахты подчиняются соответствующим структурным подразделениям предприятия угольной промышленности: контрольно-ревизионный отдел; отдел информационно-ана-

литического обеспечения управления и приватизации; отдел специальной работы; юридический и компьютерный отделы; бухгалтерская служба; ремонтно-хозяйственный цех (шестой уровень).

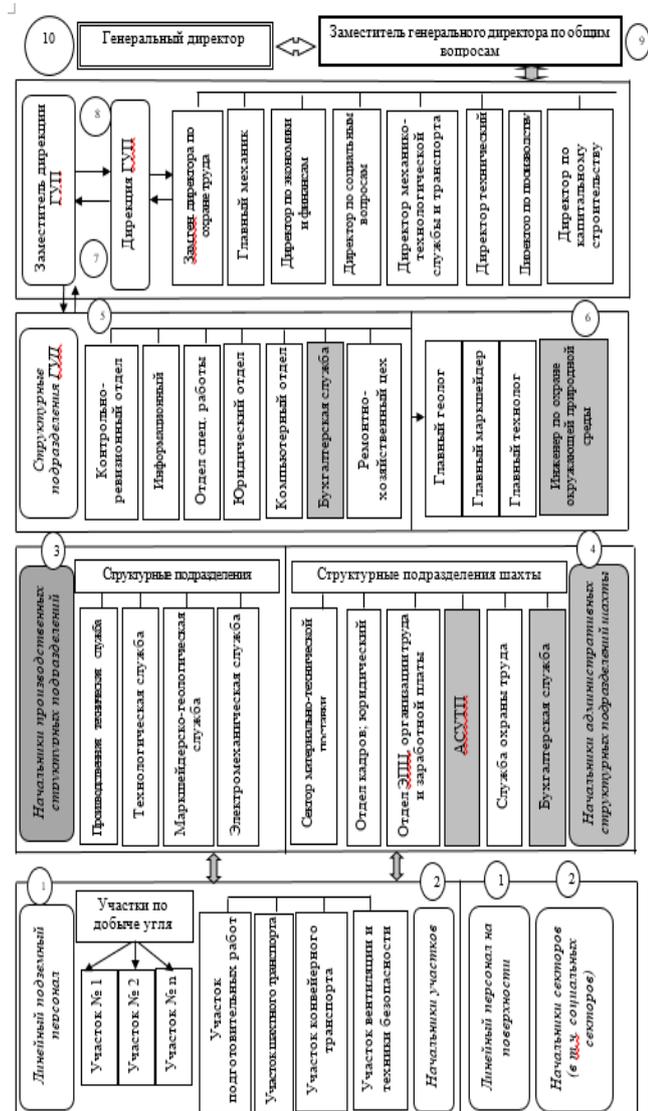

Рисунок 2 — Организационная структура угледобывающего предприятия Донецкого региона

К седьмому уровню относятся заместители дирекции предприятия конкретных отделов: заместитель генерального директора по охране труда; главный механик; директор по экономике и финансам; директор по социальным вопросам; директор механико-технологической службы и транспорта (МТСиТ); технический директор и директор по капитальному строительству. Например, у технического директора в подчинении: заместитель технического и механического производства, заместитель по перспективному развитию, главный геолог и инженер.

Дирекция угледобывающего предприятия занимает восьмой уровень и подчиняется заместителю генерального директора по общим вопросам (девятый уровень). Вершиной центров ответственности является генеральный директор предприятия. Он принимает окончательное решение, качество которого зависит от достоверности информационного обеспечения субъектами других уровней.

При совершенствовании функции управления значительную часть удельного веса занимает учётная информация, составляющая около половины от общего объёма экономической информации.

Следовательно, на вершине иерархической структуры находятся центры ответственности, на второй ступеньке – центры затрат и места их возникновения. Такая пирамида позволяет создать соответствующие условия, при которых руководители структурных подразделений предприятия несут ответственность за выполнение поставленных задач, как в функциональных службах, так и в первичных производственных подразделениях.

По нашему мнению, целесообразно выделить центры ответственности по направлениям природоохранной деятельности с учётом степени механической и энергетической безопасности для окружающей среды. Детализация центров возникновения расходов по направлениям природоохранной деятельности представлена в таблице 1 (на примере угледобывающего предприятия).

Таблица 1
Детализация центров возникновения расходов предприятия по направлениям природоохранной деятельности*

№ п/п	Центры возникновения РПД	Коды НПД'	Опасность для окружающей природной среды	
			механическая	энергетическая
1	2	3	4	5
1.	Административный бытовой комплекс	01 03	Загрязнение моющими средствами, создание твёрдых бытовых отходов (далее – ТБО)	Световое излучение от электро-механического оборудования
2.	Административный бытовой комплекс обогатительной фабрики	01 03	Загрязнение моющими средствами, образование твёрдых бытовых отходов	Световое излучение от электро-механического оборудования
3.	Обогатительная фабрика главное здание	01 02	Загрязнение воды взвешенными веществами воздуха угольной пылью	Выделение теплоты, шумы
4.	Котельная	01 02	Загрязнение воздуха твёрдыми и газообразными веществами, образования бытовых отходов.	Выделение теплоты

5.	Гараж	01 02 03	Загрязнение горюче-смазочными маслами, образование ветоши	Тепловые выбросы, шумы
6.	Мастерские участка внутришахтного транспорта, кузница, механический цех	02 04	Загрязнение почвы горюче-смазочными маслами (далее – ГСМ)	Тепловые выбросы, шум, вибрация, световое излучение
7.	Строительный цех	01 02	Образование отходов деревообработки	Тепловые выбросы, шум, вибрация
8.	Электроподстанция	01	Образование твёрдых бытовых отходов	Шум, вибрация, наличие электро-магнитного поля
9.	Перегрузочно-разгрузочный участок	02	Загрязнение воздуха твёрдыми веществами	Шум, вибрация
10.	Склад горючих и смазочных материалов	04	Загрязнение почвы ГСМ, образование ветоши	Шум, вибрация
11.	Склад оборудования	04	Загрязнение почвы ГСМ, образование ветоши	Шум, вибрация
12.	Лесной склад	01 02	Создание отходов, деревообработка	Шум, вибрация
1	2	3	4	5
13.	Насосный участок стационарного оборудования	01	Загрязнения воды	Шум, вибрация
14.	Учебный комбинат	01	Создание ТБО	Шум, вибрация
15.	Теплица	01	Перенасыщения удобрениями	Световое излучение
16.	Здание клетевого подъёма	02	Загрязнение воздуха твёрдыми веществами	Шум, вибрация
17.	Здание клетевого подъёма	02	Загрязнение воздуха твёрдыми веществами	Шум, вибрация
18.	Здание клетевого подъёма	02	Загрязнение воздуха твёрдыми веществами	Шум, вибрация
19.	Здание вентилятора	02	Загрязнение воздуха газообразными веществами	Шум, вибрация
20.	Здание главного ствола	02	Загрязнение воздуха твёрдыми веществами	Шум, вибрация
21.	Здание вспомогательного ствола	02	Загрязнение воздуха твёрдыми веществами	Шум, вибрация
22.	Здание столовой	01	Создание ТБО	Световое излучение

* Направления природоохранной деятельности:

01 – расходы на обезвреживание или утилизацию отходов;

02 – расходы на охрану атмосферного воздуха;

03 – расходы на охрану водных ресурсов;

04 – расходы на охрану земельных ресурсов.

Согласно таблице 1, центрами возникновения расходов на природоохранную деятельность являются:

котельная – выделение тепла и загрязнение воздуха (твёрдыми и газообразными веществами, образование бытовых отходов);

гараж – загрязнение горюче-смазочными маслами и образование ветоши (куски ткани, используемые для чистки и сбора излишков смазочных материалов);

строительный цех – образование отходов деревообработки и так далее.

Промышленные площадки шахты содержат места возникновения загрязнителей: породный отвал; шурфы; ковальный горн; узел загрузки;

склад угля; котлы; сварочный пост; ёмкость для сохранения масел; двигатели внутреннего сгорания; станок продольного распиливания; место покраски и так далее. Они взаимосвязаны с определёнными технологическими процессами: складирование породы; вентиляция; сжигание угля; пересыпание; складирование угля; сварочные работы; сохранение масел; сжигание топлива; деревообработка.

Наибольшую механическую и энергетическую безопасность для окружающей природной среды составляют: породный отвал (на сегодняшний день в Донецком регионе не практикуют пневмозакладку или гидрозакладку); котельная угольной шахты; шурфы; автотранспорт. Например, котельная угольной шахты является источником получения тепла и загрязняет атмосферный воздух газообразными (двуокись азота, ангидрид сернистый, окись углерода) и твёрдыми веществами (пыль неорганического содержания SiO₂).

Соответствующими очистными сооружениями оснащены котельная и лесной склад. Котельная снабжена батарейным циклоном (БЦ-4) с целью уменьшения выбросов твёрдых и газообразных веществ в воздух. Лесной склад оснащён бункером-накопителем, предназначенным для сбора и временного хранения пыли древесины и опилок. На каждую установку разработан паспорт.

Организация управленческого учёта предусматривает ответственность за его ведение в центрах возникновения расходов, что должно быть зафиксировано в должностных инструкциях работников. Это обеспечивает укрепление контрольных функций в отношении таких расходов по каждому центру и их достоверную оценку.

Усовершенствование документооборота по учёту расходов на природоохранную деятельность представлено автором в публикации [20].

Следовательно, правильно организованный управленческий учёт обеспечивает ведение аналитического учёта РПД по центрам ответственности, что способствует дальнейшему качественному принятию управленческих решений по вопросам, связанным с природоохранной деятельностью предприятия.

Выводы и дальнейшая дискуссия

Обобщая всё вышеизложенное, можно отметить, что устойчивое развитие организации представляет ориентировочную модель, которая зависит не только от состояния ресурсов и стабильного производства, но и от толкования общества, его экологического образования.

Методологические аспекты эффективного механизма управления устойчивым развитием предприятий Донецкого региона содержат конкретные научно-методические подходы к его формированию, что является ключевым фактором повышения уровня конкурентоспособности предприятий Республики.

В результате проведенного исследования, выделены центры ответственности по направлениям природоохранной деятельности. Воплощение в практическую реализацию организации учёта расходов на охрану окружающей среды по центрам ответственности обеспечивает своевременное получение данных о таких расходах менеджерами различных уровней с целью проведения более глубокого анализа каждого составляющего элемента и принятия качественного управленческого решения. При этом данные решения должны учитывать интересы организации и населения, которое терпит ущерб для своего здоровья от его деятельности.

По нашему мнению, для регламентного обеспечения целесообразно разработать положение о центрах ответственности, что позволит определить особенности, виды расходов и их первичный учёт (направление дальнейшего исследования).

Литература

1. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / коллектив авторов ГБУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. А.В. Половяна, Р.Н. Лепы, Н.В. Шемякиной; ГБУ «Институт экономических исследований». Донецк, 2022. 296 с.

2. В Донецке приступили к выработке методики оценки экологического ущерба от агрессии Киева [Электронный ресурс] // Донецкое агентство новостей. URL: <https://dan-news.info/obschestvo/v-donecke-pristupili-k-vyrobotke-metodiki-ocenki-jekologicheskogo-ushherba-ot-agressii-kieva/> (дата обращения 01.02.2024)

3. В ДНР поставят на учет объекты, негативно влияющие на окружающую среду [Электронный ресурс] // Донецкое агентство новостей. URL: <https://dan-news.info/politics/v-dnr-postavjat-na-uchet-obekty-negativno-vlijajushhie-na-okruzhajushhuju-sredu/> (дата обращения 07.02.2024)

4. Колобова И.С., Гринь С.В. Влияние внутренних и внешних факторов на финансовую устойчивость предприятия [Электронный ресурс] // Общество. Наука. Инновации. (НПК 2017): сб. статей: Всерос. ежегод. науч.-практ.

конф., 1 – 29 апреля 2017 г. Киров: [Науч. изд-во ВятГУ], 2017. С. 4633-4638. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30750800> (дата обращения 11.03.2024).

5. Лалетин Н.О., Федорова О.В. Роль финансовой устойчивости в современных экономических условиях // Управление экономическими системами: стратегическое развитие региона: проблемы и решения : Всерос. науч.-практ. конф. : сб. ст. Забайкал. гос. ун-т / отв. ред. В. Н. Гонин. Чита : ЗабГУ, 2017. С. 115-122.

6. Муслимова С.Ю. Финансовая устойчивость – гарант финансовой безопасности предприятия // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2020. № 2 (26). С. 70-72.

7. Гизатуллин Р.Р. Основные пути повышения финансовой устойчивости предприятия // Академическая публицистика. 2022. № 2-2. С. 75-78.

8. Шаврина Ю.О., Попов Д.А., Трещев Д.В. Парадигма экономики знаний в обеспечении финансовой устойчивости коммерческих предприятий // Финансы и кредит. 2022. Т. 28. № 7 (823). С. 1568-1586.

9. Агафоненко О.Ю. Использование рейтинговой системы для оценки финансового состояния [Электронный ресурс] // Управление социально-экономическими системами, правовые и исторические исследования: теория, методология и практика: Сборник международной научно-практической конференции, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. 2019. С. 17-22. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32575344> (дата обращения 27.11.2023).

10. Сичкар И.А. Финансовая устойчивость и пути её укрепления на промышленных предприятиях Донецкой Народной Республики // Экономика будущего: тренды, вызовы и возможности: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Казань, 23-24 мая 2023 г. / под ред. А.В. Гумерова, М.Ф. Сафаргалиева. Казань: Изд-во ООО «АР-ТИТЕХ», 2023. С. 445-450.

11. Сичкар И.А. Теоретические основы и механизм управления финансовой безопасностью экономического субъекта // Актуальные проблемы правового, экономического и социально-психологического знания: теория и практика: Материалы VII Международной научно-практической конференции 27 апреля 2023 года. В 3-х т. Т. 2: Секция 2: Теоретические и практические аспекты финансовых механизмов регулирования экономики. ГБОУ ВО «Донбасский государственный университет юстиции» / Отв. ред.: к.э.н., доц. О.Б. Балакай. – Донецк, «Цифровая типография», 2023. С. 92-99.

12. Ардатьяева Т.И., Ардатьяев В.Н. Значение концепции устойчивого развития для предприятий Донецкой Народной Республики // Менеджер: научн. журн. Донецк: ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», 2019. № 3(89). С. 52-59.

13. Пономаренко Е.В., Верига А.В. Развитие образовательной экосистемы Донецкой Народной Республики // Проблемы управления социально-экономическим развитием регионов России в новых реалиях: материалы Всерос. науч. – прак. конф. (г. Орёл, 30.05.2023 – 31.05.2023) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ОГУ имени И. С. Тургенева; редкол.: Н. А. Шибяева [и др.]. Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2023. 592 с.: ил. 500 экз. ISBN 978-5-9929-1469-6. С. 563-571.

14. Балацкий О.Ф. Антология экономики чистой среды / О. Ф. Балацкий. Сумы : Унив. кн., 2007. 272 с.

15. Замула И. В. Экологическая информация в бухгалтерской отчетности предприятий / Замула И. В. // Международный бухгалтерский учет. 2012. № 19 (217). С. 61-67.

16. Иванова М.Д. Классификация природоохранных затрат в системе бухгалтерского учёта [Электронный ресурс] // Международный бухгалтерский учет. 2017, т. 20. Вып. 12. С. 721–732. URL: <file:///C:/Users/AsusX410A/Downloads/klassifikatsiya-prirodoohrannyh-zatrat-v-sisteme-buhgalterskogo-ucheta.pdf> (дата обращения 25.02.2023).

17. Шешукова Т.Г., Мухина Е.Р. Проблема разработки учетной политики для целей экологического учета на промышленных предприятиях [Электронный ресурс] // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. с. 255–264. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323804> (дата обращения 26.02.2024).

18. Рассулова Н.В., Ардатьяева Т.И. Организация учёта расходов по центрам ответственности на предприятиях угольной промышленности. Сборник научных работ ГОУ ВПО «ДОНАУИГС» Серии «Финансы, учёт, аудит». Вып. 11. Донецк, 2018. С. 160-169.

19. Шевчук В. А. Активы как объекты учёта, контроля и анализа: проблемы эколого-экономической идентификации и интерпретации / В. А. Шевчук // Учёт и финансы. 2013. № 1 (59). С. 66–73.

20. Ардатьяева Т.И. Организация бухгалтерского учёта расходов предприятия на природоохранную деятельность // Менеджер: научн. журн. Донецк: ДОНАУИГС. 2022. № 4 (102). С. 84-90. DOI 10.5281/zenodo.7441354

Disclosure of the environmental component in the management of sustainable development of enterprises in the Donetsk region

Ardatieva T.I., Mashchenko E.S., Ardatiev V.N.

Donetsk academy of management and public administration, Donetsk National Technical University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article examines the environmental component of the mechanism for managing the sustainable development of enterprises in the Donetsk region in the realities of wartime. It covers environmental issues that need to be addressed not only at the methodological, but also at the methodological levels, including the educational ecosystem. The legacy of scientists has been studied in the appropriate direction. It is argumentatively proved that today environmental accounting, as a significant management function, acts as a driver of digitalization. Within this framework, the place of environmental accounting in the enterprise management system has been determined. The objectivity of detailing responsibility centers in the context of environmental protection activities, which accumulate information on the expenses of protecting atmospheric air, water and land resources, as well as waste disposal, in order to ensure control of such expenses, is justified and is the basis for their reliable assessment. This has a positive effect on the economic situation of organizations in general, as well as their «green» image in particular.

Keywords: management, environmental component, sustainable development of enterprises, accounting for environmental expenses, responsibility centers.

References

1. The economy of the Donetsk People's Republic: state, problems, solutions: *scientific report* (2022) / team of authors GBU «Institute of Economic Research»; under the scientific editorship of A.V. Polovyan, R.N. Lepa, N.V. Shemyakina; GBU «Institute of Economic Research». Donetsk. 296 p. [In Russian]
2. Donetsk has begun to develop a methodology for assessing environmental damage from Kiev's aggression. *Donetsk News Agency*. [In Russian] <https://dan-news.info/obschestvo/v-donecke-pristupili-k-vyrobotke-metodiki-ocenki-jekologicheskogo-ushherba-ot-agressii-kieva/> (date of application 01.02.2024)
3. Objects that negatively affect the environment will be registered in the DPR. *Donetsk News Agency*. [In Russian] <https://dan-news.info/politics/v-dnr-postavjat-na-uchet-obekty-negativno-vlijajushhie-na-okruzhajushhujusredu/> (date of application 07.02.2024)
4. Kolobova I.S., Grin S.V. (2017). The influence of internal and external factors on the financial stability of the enterprise. *Society. Science. Innovation. (NPK 2017): collection of articles. All-Russian Annual Scientific and Practical Conference*. Kirov, 4633-4638. [In Russian] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30750800> (date of application 03.11.2024).
5. Laletin N.O., Fedorova O.V. (2017). The role of financial stability in modern economic conditions. Management economical systems: Strategic Development Region: problem and solutions. *Materials Vseros. learned-practical. conference*: SB. St. Transbaikal. Goss. UN-t / OT. red. V. N. Gonin. Read: Zabgu, 115-122. [In Russian]
6. Muslimova S.Y. (2020). Financial stability is the guarantor of the financial security of the enterprise. *Current problems of economics and management*, 2(26), 70-72. [In Russian]
7. Gizatullin R.R. (2022). The main ways to increase the financial stability of the enterprise. *Academic journalism*, 2-2, 75-78. [In Russian]

8. Shavrina Yu.O., Popov D.A., Treshchev D.V. (2022). The paradigm of the knowledge economy in ensuring the financial stability of commercial enterprises. *Finance and credit*, Vol. 28, 7 (823), 1568-1586. [In Russian]
9. Agafonenko O.Yu. (2019). Using a rating system to assess financial condition // Management of socio-economic systems, legal and historical research: theory, methodology and practice: *Collection of the international scientific and practical conference*, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, 17-22. [In Russian] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32575344> (date of application 27.11.2023).
10. Sichkar I.A. (2023). Financial stability and ways to strengthen it at industrial enterprises of the Donetsk People's Republic // The Economy of the future: trends, challenges and opportunities: *materials of the All-Russian Scientific Conference with international participation*. Kazan, May 23-24, 2023 / edited by A.V. Gumerov, M.F. Safargaliev. Kazan: Publishing house of LLC «ARTITECH», 445-450. [In Russian]
11. Sichkar I.A. (2023). Theoretical foundations and mechanism of financial security management of an economic entity // Actual problems of legal, economic and socio-psychological knowledge: theory and practice: *Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference on April 27, 2023*. In 3 volumes. Vol.2: Section 2: Theoretical and practical aspects of financial mechanisms of economic regulation. State Educational Institution of Higher Education «Donbass State University of Justice» / Ed.: Candidate of Economics, Associate Professor O.B. Balakai. – Donetsk, «Digital printing House», 92-99. [In Russian]
12. Ardatieva T.I., Ardatiev V.N. (2019). The importance of the concept of sustainable development for enterprises of the Donetsk People's Republic. *Manager: scientific journal*. Donetsk, № 3(89), 52-59. [In Russian]
13. Ponomarenko E.V., Veriga A.V. (2023). The development of the educational ecosystem of the Donetsk People's Republic. Problems of managing the socio-economic development of the regions of Russia in new realities: *materials of the All-Russian Scientific Practice. conf.* (Orel, 30.05.2023 – 05/31/2023) / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, I. S. Turgenev OSU; editorial board: N. A. Shibaeva [et al.]. Orel: OSU named after I. S. Turgenev, 592 p.: il. – 500 ins. ISBN 978-5-9929-1469-6. Text: direct, 563-571. [In Russian]
14. Balatsky O. F. Anthology of clean environment economics / O. F. Balatsky. – Sumi : university books, 2007. 272 p. [In Russian]
15. Zamula I. V. (2012). Environmental information in the accounting statements of enterprises. *International accounting*, 19 (217), 61-67. [In Russian]
16. Ivanova M. D. (2017). Classification of environmental costs in the accounting system. *International accounting*. Vol. 20, 12, 721–732. [In Russian] <https://Users/AsusX410A/Downloads/klassifikatsiya-prirodoohrannyh-zatrat-v-sisteme-buhgalterskogo-ucheta.pdf> (date of application 25.02.2024).
17. Sheshukova T. G., Muhina E. R. (2021). The problem of developing accounting policy for the purposes of environmental accounting at industrial enterprises. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*, 2, 255–264. [In Russian] <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46323804> (date of application 26.02.2024).
18. Rasulova N.V., Ardatieva T.I. (2018). Organization of expenses accounting for responsibility centers at coal industry enterprises. *Collection of scientific papers of the State Educational Institution of Higher Education "DonAMandPA" Series "Finance, accounting, audit"*. Donetsk, 11, 160-169. [In Russian]
19. Shevchuk V. A. (2013). Assets as objects of accounting, control and analysis: problems of ecological and economic identification and interpretation. *Accounting and finance*, 1 (59), 66–73. [In Russian]
20. Ardatieva T.I. (2022). Organization of accounting of expenses of the enterprise for environmental protection activities. *Manager: scientific journal*. Donetsk, 4 (102), 84-90. [In Russian] https://donampa.ru/images/2023/04/05/meneger_42022.pdf

Ревитализация городских пространств как инструмент креативной экономики

Клименко Виктор Александрович

кандидат технических наук, директор НОЦ «Сибирский центр промышленного дизайна и прототипирования», Национальный исследовательский Томский государственный университет, klimenko@siberia.design

Банникова Татьяна Игоревна

кандидат педагогических наук, младший научный сотрудник НОЦ «Сибирский центр промышленного дизайна и прототипирования», Национальный исследовательский Томский государственный университет, Tanya-b1@yandex.ru

Чудинова Екатерина Александровна

заместитель директора НОЦ «Сибирский центр промышленного дизайна и прототипирования», Национальный исследовательский Томский государственный университет, catherine.chudinova@gmail.com

Воронина-Даринцева Анастасия Евгеньевна

заместитель директора НОЦ «Сибирский центр промышленного дизайна и прототипирования» Национального исследовательского Томского государственного университета, seo@themuseum.design

Дыдыкин Игорь Олегович

заведующий лабораторией перспективных исследований НОЦ «Сибирский центр промышленного дизайна и прототипирования», Национальный исследовательский Томский государственный университет, dydykin.mail@gmail.com

Креативная экономика в России является относительно новым феноменом. Несмотря на значительное число организаций – представителей креативных индустрий, интерес со стороны государства и инвесторов к данному сектору экономики стал возрастать только в последние годы. Как и любой сектор экономики, креативные индустрии в процессе функционирования сталкиваются с рядом проблем, одной из которых является проблема формирования соответствующей инфраструктуры. Как показывает мировая практика, многие креативные кластеры, как основные объекты инфраструктуры креативной экономики, все чаще располагаются на территориях ревитализированных объектов. В статье представлено обоснование целесообразности использования ревитализированных городских пространств при создании креативных кластеров. Описаны основные преимущества ревитализации зданий как для бизнеса, так и для населения и регионов.

Ключевые слова: креативная экономика, креативный кластер, креативные индустрии, ревитализация городских пространств, инфраструктура креативных индустрий.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030)

Введение

Тот факт, что креативная экономика становится неотъемлемой частью стратегии экономического развития большинства стран, в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения. Анализ глобальных мировых тенденций показывает, что происходит постепенная переориентация с материального сектора на сектор услуг и на так называемые “креативные индустрии”, которые все больше влияют на экономический рост, способствуют развитию городов и стран в целом, получая значительную поддержку и инвестиции в рамках государственных и городских программ. Так, согласно данным исследования ЮНКТАД, вклад креативных индустрий в экономику в разных странах колеблется от 0,5% до 7,3% ВВП и обеспечивает занятость от 0,5% до 12,5% рабочей силы. В 2022 году экспорт креативных услуг вырос до 1,4 трлн долларов, что на 29% больше, чем в 2017 году. Между тем, экспорт креативных товаров достиг 713 млрд долларов, что на 19% больше. За последнее десятилетие доля креативных услуг во всем экспорте услуг выросла с 12% до 19%, в то время как доля креативных товаров во всем экспорте товаров оставалась стабильной на уровне около 3% с 2002 года [1].

Креативная экономика в последние годы продемонстрировала существенный рост. Однако «если для Европы креативные индустрии изначально были антикризисным инструментом, то креативные программы в странах Азии стали «работой на опережение», новым рычагом влияния и позиционирования на мировой арене в качестве ведущих современных государств» [2].

В России креативный сектор только начинает зарождаться, преимущественно на региональном уровне и благодаря частным инвестициям (рисунок 1). При этом в 2023 году доля креативных индустрий в ВВП России уже составила 4,87 процентов. Численность занятых в данном секторе достигла 1,5 млн. человек и, по прогнозам Агентства стратегических инициатив [3], к 2030 году может составить 15 процентов занятых.

Рисунок 1. График распределения действующих креативных кластеров по уровню значения в РФ в 2022 г (%).
Примечание. Составлено по данным [4]

Стоит отметить, что интерес к креативным индустриям в России в последние годы растет. И эта тенденция проявляется не только на уровне бизнеса, но и со стороны государства. Так в целях поддержки указанной отрасли в 2021 году было подписано распоряжение № 2613-р «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [5]. 30 июля 2024 года Государственной Думой РФ также был утвержден законопроект «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» [6]. В указанных нормативных документах не только определены приоритетные направления развития креативной экономики в России на период до 2030 года, но и обозначены проблемы и барьеры, с которыми может столкнуться данный сектор. Креативные индустрии нуждаются в серьезной системной поддержке, ведь несмотря на то, что на них возлагают большие надежды по «обеспечению ускорения экономического роста», они являются достаточно уязвимым сектором экономики.

Одной из ключевых проблем, требующих комплексного решения, является необходимость формирования соответствующей инфраструктуры. Как указано в Концепции, «инфраструктура для развития креативного (творческого) предпринимательства и формирования устойчивых креативных (творческих) индустрий в регионах недостаточно развита» [5]. Несмотря на большое разнообразие креативных пространств (арт-кластеры, центры современного искусства, дизайн-центры, творческие бизнес-инкубаторы, коворкинги и пр.), наиболее значимыми объектами инфраструктуры креативных индустрий являются креативные кластеры.

Исходя из вышеизложенного, целью исследования является определение проблем и обоснование целесообразности применения

ревитализированных городских пространств в креативном секторе экономики.

Методы исследования

Для определения современного состояния рынка креативных индустрий, а также определения тенденций развития креативной экономики в Российской Федерации был проведен анализ научной литературы или нормативно-правовых документов. Эмпирическая часть исследования базировалась на изучении и обобщении данных ведущих исследовательских организаций, касающихся вопросов функционирования креативных кластеров, как в России, так и за рубежом. Полученные материалы позволили охватить основные аспекты исследуемой проблемы.

Креативный кластер как основной объект инфраструктуры креативных индустрий

Вопрос кластеризации творческих индустрий слабо изучен. Отчасти это связано с тем, что требования, предъявляемые к инфраструктуре креативных индустрий, существенно отличаются от требований в индустриальной экономике. Понятие креативного кластера, как «сообщества творчески-ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на замкнутой территории» [7], было введено в 2006 году С.Эвансом. Позднее термин был доработан. Ценные теоретические разработки в области креативных кластеров, на наш взгляд, представлены в трудах таких ученых, как Дж. Эванса, Дж. Хокинса, Д. Пауэра, А. Прета, Р. Флориды, А.К. Бурмича, Л.Гиппонена, С. Ткаленко, Т. Галахова, Н.В. Карповой, В.В.Меленикина, Е.Р.Метелевой и других. В последние годы ученые все больше сходятся во мнении, что при создании креативного кластера необходимо учитывать не только отраслевую идентичность, но и возможность формирования связей внутри. Как отметила британская организация Nesta в своем докладе в 2010 году, «коммуникации между фирмами внутри кластера, с коллегами, деловыми партнерами и клиентами могут выступать источниками инноваций, новых и неожиданных идей и знаний» [8]. Кроме того, по мнению Джона Хокинса, кластеры должны «обеспечить людям, в них входящим, взаимную психологическую, финансовую и техническую поддержку» [9].

В настоящее время в Российской Федерации под креативным кластером, согласно ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», понимается «определенная территория, на которой расположены

объекты недвижимости и необходимая инфраструктура, используемые для осуществления деятельности субъектами креативных индустрий и иными лицами, деятельность которых направлена на создание условий для эффективной деятельности субъектов креативных индустрий, и существуют условия для создания, продвижения на внутреннем и внешнем рынках, распространения и (или) развития креативных продуктов и развития человеческого потенциала» [6]. Представленное определение позволяет раскрыть основные системные элементы креативного кластера. Во-первых, это «географическая концентрация», которая означает близость, в которой люди могут встречаться, взаимодействовать и вдохновлять друг друга. Во-вторых, это сети и партнерские отношения, которые имеют решающее значение для создания яркого видения кластеров. В-третьих, это содействие экономическому процветанию и развитию креативной экономики региона и страны в целом.

Креативные пространства постепенно становятся точками притяжения местного населения, туристов, бизнесменов, что в свою очередь становится мощным стимулом для развития культуры и экономики региона. Но подобные кластеры нуждаются в соответствующей инфраструктуре, переоценить важность и потенциал которой для развития креативных индустрий сложно.

Ревитализация городских пространств для формирования креативных кластеров

В последние годы в мировой практике пользуется популярностью размещение в ревитализированных помещениях заброшенных зданий или бывших промышленных предприятий креативных пространств. Под ревитализацией (с латинского – возобновление жизни, оживление) в архитектуре понимается «процесс восстановления и восстановления городских пространств» [10]. Хотя городское пространство само по себе не является не возобновляемым ресурсом, оно определенно ограничено из-за постоянно растущей городской застройки и стремительно растущих цен на землю. Сегодня бесхозные и деградирующие постиндустриальные объекты, разрушающиеся исторические здания или поселения из сборного железобетона – наследие советских времен – все они имеют шанс на развитие и даже могут стать новыми городскими центрами, как культурными, так и жилыми.

Начало процессу размещения креативных кластеров в ревитализированных простран-

ствах было положено в Европе, когда в послевоенное время была запущена программа по строительству заводов. Со временем стало понятно, что технологии бегут вперед, производство стало сокращаться, что привело к высвобождению огромных пространств промышленных предприятий. На территории заводов начали появляться креативные сообщества, позже превратившиеся в креативные кластеры. К наиболее ярким примерам можно отнести креативные кластеры: Baltic Creative в Ливерпуле (Англия), расположенный на месте порта и тяжелой промышленности; Užupis, занимающий заброшенный ранее район Вильнюс (Литва); Spinnerei, расположенный в здании бывшей хлопчатобумажной фабрике Лейпцига (Германия) и др.

Анализ данных показал, что подобная тенденция характерна и для России. Примеры успешных преобразований бывших территорий заводов и предприятий представлены на рисунке 2.

Наименование кластера	Месторасположение	Площадь
Центр современного искусства «Винзавод», Москва	Бывший пивоваренный завод «Московская Бавария»	47000 кв.м
«Табачка.Центр», Ростов	Бывшая табачная фабрика Асмолова	35000 кв.м
Центр современного искусства «Заря», Владивосток	Бывшая швейная фабрика	19905 кв.м
Индустриальный кластер «Октава», Тула	Действующий завод по производству микрофонов «Октава»	10576,6 кв.м
Креативный кластер «Доренберг», Иркутск	Бывший пиво-медоваренный завод купца Фёдора Доренберга	8500 кв.м
Центр современного искусства «Арсенал», Нижний Новгород	Бывший военный склад на территории нижегородского кремля	7000 кв.м
«Домна», Екатеринбург	Бывший универмаг купцов Агафуровых	3000 кв.м
Центр современной культуры «Смена», Казань	Бывшее здание фуражного склада и конюшни XIX века	1500 кв.м
Пространство актуального искусства Pro Art's, Калуга	Бывший купеческий склад XVIII века	1000 кв.м

Рисунок 2. Примеры размещения креативных кластеров в ревитализированных пространствах в России
Примечание. Составлено авторами

Кроме того, в России в 2021 году запущена программа Rurban Creative Lab, направленная на оказание помощи в создании креативных кластеров в ревитализированных пространствах заброшенных зданий. Инициатором программы выступило Агентство стратегических инициатив (АСИ). Стоит отметить, что данная программа очень популярна. Только в 2021

году для участия в ней было подано свыше 3,3 тыс. заявок из 80 регионов. На реализацию программы было запланировано свыше 36 млрд рублей, что в свою очередь должно позволить активировать около 295 тысяч кв. метров [11].

Повышенный интерес к ревитализации городских пространств обоснован преимуществами, которые при грамотном управлении могут получить организации креативного сектора экономики. К таким преимуществам, на наш взгляд, можно отнести следующие.

В первую очередь происходит **преображение заброшенных территорий и зданий**. Ревитализация городских территорий под креативный кластер подразумевает модернизацию и перестройку имеющейся инфраструктуры, чтобы сделать ее более привлекательной и функциональной как для жителей, так и для бизнеса. После перехода к свободной рыночной экономике значительная часть инфраструктуры в России либо перестала выполнять свои первоначальные функции, либо стала нерентабельной. Промышленные предприятия были репрофилированы, перемещены или полностью ликвидированы, после чего остались большие площади, ранее использовавшиеся для промышленного производства или складов. Если смотреть шире, то значительная часть городских территорий утратила свои функции и одновременно была исключена из инвестиционного оборота, что объясняется трудностями и затратами, связанными с приспособлением.

Данная проблема становится особо актуальной, если учесть, что в 70% российских городов заброшенные территории находятся в центральных районах [12], где стоимость земельных участков значительно выше, чем на окраине. Не работая с ними, город теряет площади и упускает экономическую выгоду. В свою очередь, деградация урбанизированных территорий влечет за собой ухудшение качества жизни и снижает привлекательность города как для жителей, так и для гостей, и, как следствие, увеличивает расходы на управление городом и ухудшает его имидж, что в свою очередь может привести к потере конкурентоспособности и снижению значимости как на внутреннем, так и на внешнем рынках.

Креативные кластеры могут привлекать государственные и частные инвестиции, специально направленные на улучшение инфраструктуры в этих районах. Это не только повышает качество жизни жителей, но и делает район более привлекательным для предприятий, рассматривающих возможность переезда или расширения (рис. 3).

Рисунок 3. Проект ревитализации завода в с. Воскресенское, республика Башкортостан
Примечание. Заимствовано из общедоступных ресурсов интернета [13]

Вторым значимым преимуществом является **наличие в зданиях, подлежащих ревитализации, больших пространств**. Как правило, креативный кластер является многофункциональным (рис. 4). Главная задача кластера заключается в создании условий для зарождения бизнес-идей, а также их производства и сопровождения. С одной стороны, он должен обеспечить основные направления деятельности: производство, распределение, обучение и пр. С другой – создать условия для вспомогательных процессов (создание общественных пространств, обеспечивающих комфортное времяпровождение), без наличия которых эффективность кластера может существенно сократиться.

По мнению директора проекта «Сеть креативных пространств» Центра развития креативной экономики АСИ Дмитрия Маркина «главная сила креативных кластеров и пространств – это их среда, в которой собираются люди с совершенно разными компетенциями, но объединенные схожими ценностями. Эта среда – как маяк для креативного сообщества» [15]. От такого сотрудничества бизнес, находящийся внутри креативного пространства, получает «эффект синергии». Кроме этого, креативные кластеры могут служить катализатором для притяжения новых видов бизнеса, благодаря созданию

среды для плодотворного взаимодействия участников. При этом нужно понимать, что наличие большого количества участников кластера предполагает необходимость применения больших площадей (рис. 5). Ревитализированные помещения, как правило, соответствуют данному требованию и располагаются на доступных территориях.

Рисунок 4. Функциональное наполнение креативного кластера
Примечание. Составлено по данным [14]

СХЕМА КЛАСТЕРА

- Ввод
- Большой зал
- Библиотека
- Театр Про Парк
- Окна safe by Деллоуиде
- Студия звукозаписи
- Павильон
- Охрана
- Место для курения
- Уличная сцена
- Шоп-рум
- Лифтовый холл
- Туалет
- Лестничная
- Выход на ул. Ф.Энгельса
- Музей станка
- Временная экспозиция
- Индустриальное кафе
- Книжный магазин
- Веранда
- Учебная студия, сенсорная комната
- Администрация кластера
- Ректорат ВТШ
- Учебные аудитории ВТШ
- Конференц-зал
- Конференц-зал «Дендилов»
- Точка кинематографии
- Офисы компаний
- Коворкинг
- Туалет с дополнительными возможностями

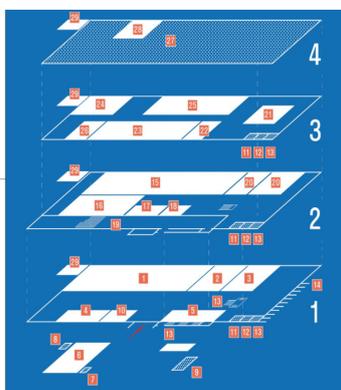

Рисунок 5. Схема креативного кластера «Октава», г. Тула (официальный сайт)
Примечание. Заимствовано с официального сайта креативного кластера «Октава» [16].

Стоит отметить, что, ревитализация зданий хоть и предполагает значительные финансовые вложения, но является более экономичной. Снос и строительство новых объектов не только требует огромных инвестиций и много времени, но и связаны высоким риском. Не каждый даже крупный город сможет обеспечить стабильный спрос на креативные пространства, а, следовательно, и быструю окупаемость проекта. Ревитализация хоть и требует дополнительных затрат, но они существенно ниже и рассредоточены во времени.

Третьим важным преимуществом является влияние на **экономическое развитие региона**. Креативные кластеры выступают в качестве катализаторов экономического роста, привлекая бизнес и стимулируя инвестиции. Они играют важную роль в жизни города, стимулируя предприятия размещаться в неблагополучных районах и создавать рабочие места для местных жителей, повышая комфорт проживания. Возрождение исторических зданий, улучшение эстетики района оказывают влияние на местную культурную идентичность и эмоции посетителей, что приводит к привязанности к месту. Данные аспекты, в свою очередь, снижают миграцию населения за пределы региона. Хорошее общественное пространство улучшает пространственное восприятие ревитализированного здания не как отдельного объекта, а как элемента в сети общественного пространства.

Одним невидимым, но значимым преимуществом создания креативных кластеров в России, является процесс джентрификации территорий. Большие заброшенные территории создают ареал небезопасности. Ревитализация позволяет не только привлечь бизнес, но и оживить территорию. Происходит постепенное повышение уровня жизни жителей городского района, в том числе и через внедрение культуры и творчества. Создание на территории креативных кластеров кафе, проведение культурно-массовых мероприятий, молодежных фестивалей способствует социальной сплоченности, а также позволяет сформировать новую среду взаимодействия – новые точки притяжения. Районы, благодаря формированию позитивного имиджа, становятся привлекательными и для туристов. Возросшая деловая активность, в свою очередь, приводит к увеличению потребительских расходов и общему экономическому развитию города.

Заключение

В заключение следует отметить, что ревитализация городских пространств – это сложный

многогранный процесс, в результате которого происходит не только «омоложение» городской среды, «оживление» заброшенных зданий и территорий. Комфортная городская среда постепенно становится центрами притяжения как местного населения, так и бизнеса. Особенно ярко это проявляется в системе креативных индустрий. При этом, значительные финансовые вложения в ревитализацию при правильном управлению в перспективе могут способствовать развитию как регионов, так страны в целом.

Как справедливо отметил А. В. Коровин, «внедрение креативных пространств в ткань города способно менять его облик, способствовать развитию средового разнообразия, давать шанс на творческое развитие и самореализацию людей, превращая ранее мало презентабельные районы в центры активности» [17].

Безусловно, создание креативных кластеров в ревитализированных пространствах связано со значительными проблемами, в том числе финансовыми, юридическими и социальными. Поэтому для ускорения процесса развития креативной экономики необходима серьезная поддержка со стороны государства, основным направлением которой должно стать оказание помощи в формировании благоприятной среды взаимодействия основных участников процесса.

Литература

1. Creative Economy Outlook 2024. Technical and statistical report// UN trade & development [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/publication/creative-economy-outlook-2024>. (дата обращения: 01.09.2024).

2. N.A.Rahman Al-Hiti. The creative economy and its importance in achieving sustainable development [Электронный ресурс]// Economic studies. – 31.10.2023. URL: <https://www.bayancenter.org/en/2023/10/4225/> (дата обращения: 01.09.2024).

3. Павлова А. Российской экономике нужно больше людей творческих профессий [Электронный ресурс]//Российская газета. – 11.12.2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/11/vziaty-na-karandash.html?ysclid=lzohy7c6il52580463> (дата обращения: 01.09.2024).

4. Атлас креативных индустрий// Агентство стратегических инициатив [Официальный сайт]. – 2022. URL: https://vk.com/doc29246641_626611737?hash=cMfATbEMR6ndKNV48xicz0ZRjE0O22oz7tfWwBpMnkd&dl=sQUWXZVW8PoXLhriI2XhIAfRRxG4iMwKxrzg3CLztdz (дата обращения: 01.09.2024).

5. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р.

6. Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации».

7. Simon Evans. Creative clusters: key concepts [Электронный ресурс]. URL: <https://india-seminar.com/2005/553/553%20simon%20evans.htm>.

8. Chapain C. Creative clusters and innovation Putting creativity on the map [Электронный ресурс]. – 2010. URL: https://media.nesta.org.uk/documents/creative_clusters_and_innovation.pdf.

9. Джон Хокинс о креативном мировоззрении и человеческой экономике [Электронный ресурс]// Moscow urban forum. – 2021. – 21.08. URL: <https://development-2-0.ru/johnhowkins>.

10. Заварзин И.А., Наволоцкая А.В. Методы ревитализации исторической застройки [Электронный ресурс]// «Баландинские чтения». Материалы XVI Международной научной конференции. – Н.: НГУАДИ имени А.Д. Крячкова. – 15–16 апреля 2021. – с. 31-38. URL: <https://www.bayancenter.org/en/2023/10/4225/> (дата обращения: 02.09.2024).

11. На третий этап лаборатории по созданию креативных пространств прошли сразу пять регионов// Агентство стратегических инициатив [Официальный сайт]. URL: <https://asi.ru/news/185291/?ysclid=m0jryfbtye311819118>.

12. «Принципиально не даем им деньги». Зачем нужно превращать заброшенные промплощадки в креативные кластеры// Новости - 66.ru [Официальный сайт]. URL: <https://66.ru/news/society/247167/?ysclid=m0jseud0i7754218046>.

13. Арт-центр «Воскресенский завод». [Официальный сайт]. URL: <https://gorod.love/voskresenskoe>.

14. Сносить нельзя ревитализировать. Практическое руководство по созданию креативного кластера. [Электронный ресурс]. URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/32/cf719d-998c-4619-bdfa-b28a94083d33/Практическое_руководство_по_созданию.pdf?ysclid=m0lb1c7lf125269237.

15. АСИ займется развитием сети креативной инфраструктуры для развития креативных (творческих) индустрий в регионах// Агентство

стратегических инициатив [Официальный сайт]. URL: <https://asi.ru/news/200447/?ysclid=m0rjwjtxa8225499859>.

16. ОКТАВА. Творческий индустриальный кластер. [Официальный сайт]. URL: <https://oktavaklaster.ru/about/>.

17. Коровин А.В. Факторы, определяющие креативность городского пространства [Электронный ресурс]// Молодежь и наука: сборник материалов IX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 385-летию со дня основания — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2013. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section039.html>.

Revitalization of urban spaces as a tool of the creative economy

Klimenko V.A., Bannikova T.I., Chudinova E.A., Voronina-Darintseva A.E., Dydykin I.O.

National Research Tomsk State University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Russia's creative economy is a relatively new phenomenon. Despite the significant number of organizations representing creative industries, the state and investors have only recently begun to take an interest in this sector of the economy. In order to function, creative industries face a number of challenges, including the issue of establishing suitable infrastructure. Global practices demonstrate that many creative clusters, crucial infrastructure elements of the creative economy, are increasingly located in revitalized areas. The article presents the rationale for using revitalized urban spaces to create creative clusters is presented. It outlines the primary benefits of revitalization for businesses, as well as for the local population and regions.

Keywords: creative economy, creative cluster, creative industries, revitalization of urban spaces, infrastructure of creative industries.

References

1. Creative Economy Outlook 2024. Technical and statistical report [Electronic resource]// UN trade & development. URL: <https://unctad.org/publication/creative-economy-outlook-2024>. (date of access: 01.09.2024).
2. Rahman Al-Hiti N.A. The creative economy and its importance in achieving sustainable development [Electronic resource]// Economic studies. – 31.10.2023. URL: <https://www.bayancenter.org/en/2023/10/4225/> (date of access: 01.09.2024).
3. Pavlova A. The Russian economy needs more people of creative professions [Electronic resource]// Russian newspaper. – 11.12.2023. URL: <https://rg.ru/2023/12/11/vziaty-na-karandash.html?ysclid=Izohy7c6il52580463> (date of access: 01.09.2024).
4. Atlas of Creative Industries//Agency for Strategic Initiatives [Official website]. – 2022. URL: https://vk.com/doc29246641_626611737?hash=cMfATbEMR6ndKNV48xicz0ZRjE0O22oz7tfWwBPmNkD&dl=sQUWXZVW8PoXLhriI2XhIAfRRxG4iMwKxrzg3CLztdz (date of access: 01.09.2024).

5. The concept of the development of creative industries and mechanisms for the implementation of their state support in large and largest urban agglomerations until 2030 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2021 No. 2613-r.
6. Federal Law No. 330-FZ dated 08.08.2024 "On the Development of Creative Industries in the Russian Federation".
7. Simon Evans. Creative clusters: key concepts [Electronic resource]. URL: <https://india-seminar.com/2005/553/553%20simon%20evans.htm> (date of access: 01.09.2024).
8. Chapain C. Creative clusters and innovation Putting creativity on the map [Electronic resource]. – 2010. URL: https://media.nesta.org.uk/documents/creative_clusters_and_innovation.pdf (date of access: 01.09.2024).
9. John Hawkins on the creative worldview and the human economy [Electronic resource]// Moscow urban forum. – 2021. – 21.08. URL: <https://development-2-0.ru/johnhowkins> (date of access: 01.09.2024).
10. Zavarzin I.A., Navolotskaya A.V. Methods of revitalization of historical construction [Electronic resource]// "Balandinsky readings". Materials of the XVI International Scientific Conference. – N.: NGUADI named after A.D. Kryachkov. – April 15-16, 2021. – pp. 31-38. URL: <https://www.bayancenter.org/en/2023/10/4225/> (date of access: 02.09.2024).
11. Five regions passed at once to the third stage of the laboratory for the creation of creative spaces// Agency for Strategic Initiatives [Official website]. URL: <https://asi.ru/news/185291/?ysclid=m0jryfbtye311819118> (date of access: 02.09.2024).
12. "We don't give them money on principle." Why is it necessary to turn abandoned industrial sites into creative clusters// News - 66.ru [Official website]. URL: <https://66.ru/news/society/247167/?ysclid=m0jseud0i7754218046> (date of access: 02.09.2024).
13. The art center "Voskresenskiy Zavod". [Official website]. URL: <https://gorod.love/voskresenskoe> (date of access: 02.09.2024).
14. It cannot be demolished or revitalized. A practical guide to creating a creative cluster. [electronic resource]. URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/32/cf719d-998c-4619-bdfa-b28a94083d33/Практическое_руководство_по_созданию.pdf?ysclid=m0lb1c7lf125269237 (date of access: 02.09.2024).
15. ASI will develop a network of creative infrastructure for the development of creative (creative) industries in the regions// Agency for Strategic Initiatives [Official website]. URL: <https://asi.ru/news/200447/?ysclid=m0rjwjtxa8225499859> (date of access: 03.09.2024).
16. OCTAVE. A creative industrial cluster. [Official website]. URL: <https://oktavaklaster.ru/about/> (date of access: 03.09.2024).
17. Korovin A.V. Factors determining the creativity of urban space [Electronic resource]// Youth and Science: a collection of materials of the IX All-Russian Scientific and Technical Conference of students, postgraduates and young scientists with international participation, dedicated to the 385th anniversary of its foundation - Krasnoarsk: Siberian Federal University, 2013. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/section039.html> (date of access: 03.09.2024).

Роль креативных кластеров в формировании стратегии развития региона

Клименко Виктор Александрович

канд. техн. наук, директор Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, klimenko@siberia.design

Банникова Татьяна Игоревна

канд. пед. наук, мл. науч. сотр. Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, tanya-b1@yandex.ru

Чудинова Екатерина Александровна

зам. директора Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, catherine.chudinova@gmail.com

Воронина-Даринцева Анастасия Евгеньевна

зам. директора Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, seo@themuseum.design

Дыдыкин Игорь Олегович

зав. лабораторией перспективных исследований Сибирского центра промышленного дизайна и прототипирования, Национальный исследовательский Томский государственный университет, dydykin.mail@gmail.com

Статья посвящена исследованию роли креативных кластеров в формировании стратегии развития региона. Актуальность темы обусловлена растущим значением креативной экономики в пост-индустриальном обществе, необходимостью поиска новых источников регионального роста. Цель исследования заключается в анализе влияния рассматриваемых кластеров на экономическое и социокультурное развитие регионов, а также в определении путей их интеграции в стратегии развития.

В научном дискурсе существуют противоречия относительно оптимальных моделей формирования таких пространств, методов оценки их эффективности, степени государственного вмешательства в их развитие. В дополнение к отмеченному, наблюдается неоднозначность в оценке долгосрочных социальных последствий развития креативных кластеров, в частности, их воздействия на процессы джентрификации.

Автор приходит к выводу, что анализируемые кластеры являются мощным инструментом трансформации региональной экономики, социокультурной среды. Их успешная интеграция в стратегию развития региона содействует диверсификации хозяйства, стимулирует инновационную активность, повышает качество городской среды, улучшает инвестиционную привлекательность территории. Однако реализация потенциала требует системного подхода, при котором принимаются в учет специфика каждого региона, баланс интересов различных стейкхолдеров.

Статья будет полезна региональным и муниципальным органам власти, занимающимся стратегическим планированием, представителям креативных индустрий, исследователям в области регионального развития, урбанистики, а также студентам соответствующих специальностей.

Ключевые слова: инновационное развитие, креативная экономика, креативные индустрии, креативные кластеры, региональное развитие, ревитализация, стратегическое планирование, урбанистика

Введение. В условиях современности, при которых инновации и творческий потенциал становятся ведущими факторами экономического роста, креативные кластеры приобретают все большее значение (в контексте регионального развития). Эти уникальные «экосистемы», объединяющие творческих профессионалов, предпринимателей, организации культурной сферы, выступают «катализаторами» позитивной и продуктивной трансформации городских и сельских территорий, содействуя формированию новых экономических моделей, социальных связей.

Проблема исследования нами сформулирована следующим образом: каким образом креативные кластеры влияют на стратегию экономического и социального развития региона, какие механизмы взаимодействия между участниками кластеров способствуют улучшению конкурентоспособности и устойчивому развитию территории.

В рамках этой формулировки учтены ключевые аспекты: влияние креативных кластеров, стратегии развития региона, взаимодействие участников, вопросы конкурентоспособности.

Методы и материалы. В ходе подготовки статьи задействован метод сравнительного анализа, систематизации, синтеза, обобщения. Также сделана обработка и оценка статистической информации применительно к обсуждаемой теме. Использован метод анализа кейсов — при описании конкретных примеров.

При анализе публикаций обнаруживается растущий интерес исследователей к роли креативных кластеров в формировании стратегий регионального развития. Обзор современных научных материалов позволяет обозначить ряд ключевых направлений в данной области.

Первое фокусируется на концептуальных основах и проектировании этих кластеров. К примеру, А.Р. Акоюн и А.Д. Агибалова рассматривают соответствующие проблемы в регионах, акцентируя внимание на специфике их формирования в различных культурных пространствах [1]. А.С. Ванюшкин, Р.В. Друзин и М.М. Кузнецов предлагают концепцию создания креативных кластеров в депрессивных субъектах РФ, высвечивая их потенциал для

экономического оживления отстающих территорий [2]. В.В. Гусева исследует специфику создания проектов ремесленного кластера как элемента системы креативных индустрий, что демонстрирует многообразие форм [4].

Второе направление исследований сосредоточено на экономическом потенциале характеризующихся кластеров и их влиянии на развитие регионов. Например, Л.А. Василенко, Л.В. Богданова и И.Ю. Каримова проводят анализ российских практик в контексте, выявляя их роль в территориальном развитии [3]. С.А. Кириллова и Д.С. Орлова рассматривают креативные кластеры в качестве нового ресурса инновационного развития, подчеркивая их значимость в современной экономике [5]. О.И. Киселева исследует экономический потенциал данных кластеров с точки зрения повышения конкурентоспособности региона [6]. О.А. Чеснова характеризует их как «драйверы» регионального развития; автор делает упор на их роль в стимулировании хозяйственной сферы [9].

Третье направление представлено освещением международного опыта, сравнительным анализом. Так, Э.И. Медведь проводит сопоставление формирования креативных кластеров в разных регионах мира, оценивая их воздействие на экономическое развитие [7]. S. Aktan исследует взаимодействие между рассматриваемыми кластерами и городской средой, уделяя особое внимание роли цифровых технологий и феномену «городского гула» (urban buzz) [10].

Четвертое направление охватывает специфические аспекты. Н.В. Полянская и Г.И. Беляева рассматривают инвестиционный потенциал креативного кластера в контексте развития индустрии туризма и гостеприимства региона [8]. Ch.S. Hung изучает стратегии местных органов власти по продвижению молодежных кластеров в культурных и креативных индустриях [11].

Итак, результаты анализа научных трудов показывают, что исследователи рассматривают креативные кластеры как многогранное явление, играющее фундаментальную роль в региональном развитии. Авторы используют различные подходы — концептуальное моделирование, эмпирический анализ, сравнительные исследования, изучение конкретных кейсов. Общей тенденцией служит признание исследуемых кластеров в качестве важного фактора инновационного и экономического развития территорий, способствующего повышению их конкурентоспособности, привлекательности.

Результаты и обсуждение. В первую очередь, целесообразно остановиться на концептуальных основах креативных кластеров. С позиций формулировки определения (исходя из анализа научных публикаций [1. 7]), следует отметить, что они представляют собой территориально-функциональные образования, в рамках которых происходит синергетическое взаимодействие субъектов творческих индустрий. Рассматриваемые структуры характеризуются высокой концентрацией креативного капитала, интенсивным обменом идеями, ресурсами, формированием уникальной среды (рис. 1), стимулирующей инновационную активность.

Рис. 1. Организационно-функциональная среда креативных кластеров (составлено автором на основе [1, 4, 7])

В отличие от традиционных промышленных кластеров, креативные объединения опираются на нематериальные активы: интеллектуальную собственность, культурное наследие, творческий потенциал человеческого капитала. Это обуславливает их особую роль в постиндустриальной экономике, где создание добавленной стоимости все чаще происходит в сфере услуг, цифровых технологий.

Далее следует рассмотреть особенности влияния креативных кластеров на региональную экономику. Сперва уместно привести данные из статистической сводки. В 2022 году в России (по данным исследования, проведенного Союзом Профessionалов Креативных кластеров и Институтом развития городов ПОЛИС) действовали свыше 80 креативных кластеров, в которых работали 1635 человек, а объем инвестиций составил 71547,76 млн рублей. К началу 2024 года число официально зарегистрированных кластеров увеличилось, при этом большинство из них сосредоточено в Центральном и Северо-Западном федеральных округах [5] (рис. 2).

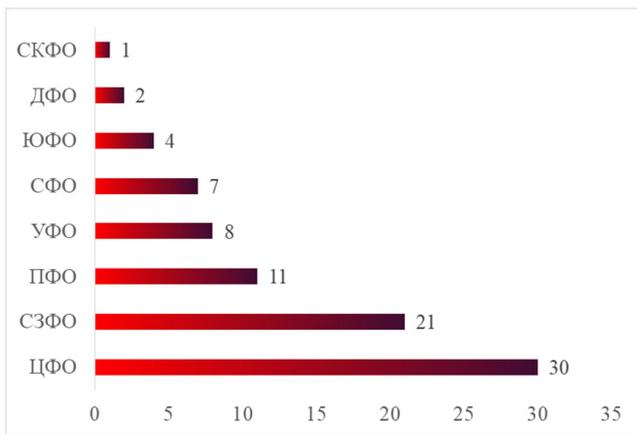

Рис. 2. Число креативных кластеров в федеральных округах РФ, ед. [5]

С порой на корреляционный анализ С.А. Кириллова, Д.С. Орлова установили наличие прямой связи между численностью населения в городах-миллионниках и числом созданных креативных кластеров в них [5], что отражено на диаграмме, представленной на рисунке 3.

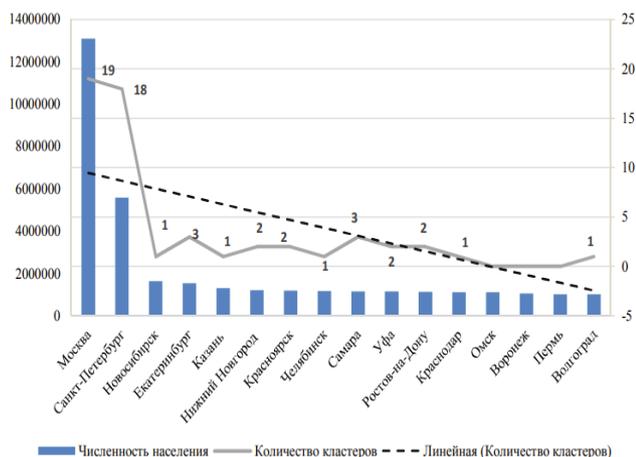

Рис. 3. Демонстрация взаимосвязи между численностью населения в городах-миллионниках РФ и числом креативных кластеров, млн чел., ед. [5]

Формирование характеризуемых кластеров оказывает многоаспектное воздействие на экономическую структуру региона. Во-первых, они способствуют диверсификации экономики, снижая зависимость от традиционных отраслей, создавая новые «точки роста». Во-вторых, креативные кластеры стимулируют развитие малого и среднего предпринимательства, обеспечивая благоприятную среду для стартапов, инновационных проектов.

Исследования показывают, что регионы с развитыми креативными кластерами демонстрируют более высокие темпы экономического роста, вкупе с устойчивостью к кризисным явлениям [3, 11]. Это объясняется тем, что творческие индустрии обладают высокой адап-

тивностью, способностью генерировать инновационные решения в ответ на изменения рыночной конъюнктуры.

Также необходимо принимать во внимание социокультурные эффекты от функционирования креативных кластеров. Помимо экономических преимуществ, они играют важнейшую роль в социальном и культурном развитии региона. Они способствуют формированию уникальной идентичности территории, повышая ее привлекательность для жителей, туристов, инвесторов. Творческие пространства становятся центрами культурной жизни, стимулируя межкультурный диалог, общественную интеграцию.

Целесообразно отметить, что характеризующие кластеры часто возникают на базе бывших промышленных объектов, содействуя их ревитализации и преобразованию городской среды [8]. Этот процесс не только решает проблему заброшенных территорий, но и помогает сформировать новые общественные пространства, повышая качество жизни в регионе.

Предлагается рассмотреть ряд показательных примеров формирования и развития креативных кластеров в различных регионах России, демонстрирующих их влияние на локальную экономику, социокультурную среду.

Центр дизайна «ARTPLAY» (Москва) представляет собой масштабный креативный кластер, расположенный на территории бывшей промышленной зоны в центре города. Этот проект является ярким примером успешной ревитализации индустриального объекта. «ARTPLAY» объединяет архитектурные и дизайнерские бюро, выставочные пространства, образовательные учреждения, креативные стартапы. Кластер стал «катализатором» развития прилегающих территорий, способствуя джентрификации района, привлечению инвестиций в локальную инфраструктуру.

«Севкабель Порт» в Санкт-Петербурге — многофункциональное общественное пространство на территории бывшего кабельного завода на Васильевском острове. Проект иллюстрирует возможности трансформации промышленных объектов в центры культурной и деловой активности. Здесь располагаются коворкинги, выставочные залы, концертные площадки, гастрономические проекты. Были не только созданы новые рабочие места в креативных индустриях, но и значительно повышена туристическая привлекательность.

Креативный кластер «Октава» в Калининграде, расположенный в здании бывшей немецкой пивоварни, стал центром притяжения для творческих предпринимателей. Проект

объединяет мастерские, шоу-румы местных дизайнеров, кафе, event-пространства. «Октава» играет весьма значимую роль в сохранении исторического наследия города, одновременно стимулируя развитие современных творческих индустрий в регионе.

Центр современного искусства «Арсенал», расположенный в здании бывшего военного склада в Нижегородском кремле, выступает в качестве примера успешной интеграции современного искусства и исторического наследия. Кластер представлен выставочными пространствами, лекториями, библиотекой, детским центром. «Арсенал» стал ключевым «драйвером» развития креативных индустрий в Нижнем Новгороде, способствуя формированию локального сообщества художников, культурных менеджеров.

Креативное пространство «Фабрика» во Владивостоке — это наглядная демонстрация трансформации бывшего промышленного объекта в многофункциональный творческий центр. В проекте сочетаются мастерские местных художников, дизайн-студии, коворкинги, event-площадки. «Фабрика» занимает важнейшее место в диверсификации экономики Приморского края, создавая подходящие условия для развития креативного предпринимательства, формирования новых «точек притяжения» для молодежи.

Для максимизации положительных эффектов от формирования креативных кластеров необходима их интеграция в общую стратегию регионального развития. В данной связи нами рекомендуется реализация комплекса мер, опирающихся на:

- разработку нормативно-правовой базы, стимулирующей развитие креативных индустрий;
- создание инфраструктуры поддержки креативного предпринимательства (бизнес-инкубаторы, акселераторы, коворкинги);
- формирование системы финансовых инструментов для поддержки проектов в сфере креативной экономики;
- развитие образовательных программ, которые ориентированы на подготовку специалистов для рассматриваемых индустрий;
- стимулирование межотраслевого взаимодействия и кооперации между субъектами креативной экономики и традиционными секторами.

Несмотря на очевидные преимущества, формирование креативных кластеров сопряжено с рядом вызовов. К ним относятся:

- необходимость баланса между коммерциализацией и сохранением культурной аутентичности;

- риски джентрификации и вытеснения местных сообществ;
- проблемы устойчивого финансирования и экономической жизнеспособности креативных проектов;
- сложности в оценке эффективности, изменении вклада анализируемых кластеров в региональную экономику.

Как представляется, преодоление обозначенных выше вызовов требует тщательной проработки системного подхода и активного диалога между властью, бизнесом, креативным сообществом. В перспективе успешное развитие исследуемых кластеров может стать ключевым фактором конкурентоспособности региона в глобальной экономике знаний.

Выводы. Креативные кластеры представляют собой мощный инструмент трансформации региональной экономики и социокультурной среды. Их интеграция в стратегию развития региона открывает массу дополнительных возможностей для инновационного роста, повышения качества жизни, формирования устойчивой экономической модели.

Проанализированные в статье примеры демонстрируют разнообразие подходов к формированию креативных кластеров в российских регионах и их значительный потенциал в контексте стратегий регионального развития. Каждый из рассмотренных кластеров не только содействует экономическому росту (через развитие творческих индустрий), но и играет определяющую роль в формировании уникальной идентичности территорий, повышении их инвестиционной и туристической привлекательности.

В условиях глобальных вызовов и усиливающейся конкуренции между территориями, креативные кластеры становятся не просто желательным, но необходимым элементом региональной политики, обеспечивающим долгосрочное процветание, вкупе с устойчивым развитием.

Литература

1. Акопян А.Р. Проблемы проектирования творческих кластеров в регионах / А.Р. Акопян, А.Д. Агибалова // Культурное пространство: генезис и трансформации. Тезисы докладов VIII всероссийской научно-практической конференции памяти профессора С.Н. Иконниковой. – Санкт-Петербург: 2023. – С. 134-135.
2. Ванюшкин А.С. О концепции создания креативных / творческих кластеров в депрессивных регионах РФ / А.С. Ванюшкин, Р.В. Друзин, М.М. Кузнецов // Анализ, моделирование,

управление, развитие социально-экономических систем (AMUR-2022). Сборник научных трудов XVI Международной школы-симпозиума AMUR-2022. – Симферополь: 2022. – С. 89-91.

3. Василенко Л.А. Креативная экономика и креативные кластеры в развитии территории: анализ российских практик / Л.А. Василенко, Л.В. Богданова, И.Ю. Каримова // Проблемы развития территории. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 61-77.

4. Гусева В.В. Проектирование ремесленного кластера в системе креативных индустрий региона / В.В. Гусева // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2023. – Т. 227. – С. 118-124.

5. Кириллова С.А. Креативные кластеры как новый ресурс инновационного развития территорий / С.А. Кириллова, Д.С. Орлова // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2024. – № 3 (177). – С. 27-35.

6. Киселева О.И. Экономический потенциал креативных кластеров в контексте повышения конкурентоспособности региона / О.И. Киселева // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2023. – № 7. – С. 111-117.

7. Медведь Э.И. Сравнительный анализ опыта формирования креативных кластеров в разных регионах мира и их влияние на экономическое развитие / Э.И. Медведь // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. – 2023. – № 5. – С. 127-133.

8. Полянская Н.В. Инвестиционный потенциал креативного кластера как стратегический вектор развития индустрии туризма и гостеприимства региона / Н.В. Полянская, Г.И. Беляева // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2022. – № 4 (210). – С. 37-45.

9. Чеснова О.А. Креативные кластеры – драйверы развития регионов / О.А. Чеснова // Креативные индустрии региона: опыт, перспективы, подготовка кадров. Тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: 2023. – С. 38-39.

10. Aktan S. Interaction between creative clusters and the built environment: digital technologies versus urban buzz / S. Aktan // WIT Transactions on Ecology and the Environment. – 2021. – Vol. 253. – Pp. 61-72.

11. Hung Ch.S. A study of local government strategies to promote youth entrepreneurial clusters in cultural and creative industries / Ch.S. Hung // Technium Business and Management. – 2022. – Vol. 2. – No. 1. – Pp. 54-67.

The role of creative clusters in shaping the region's development strategy

Klimentov V.A., Bannikova T.I., Chudinova E.A., Voronina-Darintseva A.E., Dydykin I.O.

National Research Tomsk State University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article is devoted to the study of the role of creative clusters in shaping the development strategy of the region. The relevance of the topic is due to the growing importance of the creative economy in post-industrial society, the need to find new sources of regional growth. The purpose of the study is to analyze the impact of the clusters under consideration on the economic and socio-cultural development of the regions, as well as to identify ways to integrate them into development strategies.

There are contradictions in scientific discourse regarding optimal models for the formation of such spaces, methods for evaluating their effectiveness, and the degree of government intervention in their development. In addition to the above, there is ambiguity in assessing the long-term social consequences of the development of creative clusters, in particular, their impact on the processes of gentrification.

The author comes to the conclusion that the analyzed clusters are a powerful tool for the transformation of the regional economy and the socio-cultural environment. Their successful integration into the development strategy of the region contributes to the diversification of the economy, stimulates innovative activity, improves the quality of the urban environment, and improves the investment attractiveness of the territory. However, the realization of potential requires a systematic approach, which takes into account the specifics of each region, the balance of interests of various stakeholders.

The article will be useful for regional and municipal authorities involved in strategic planning, representatives of creative industries, researchers in the field of regional development, urban studies, as well as students of relevant specialties.

Keywords: innovative development, creative economy, creative industries, creative clusters, regional development, revitalization, strategic planning, urbanism

References

1. Hakobyan A.R. Problems of designing creative clusters in the regions / A.R. Hakobyan, A.D. Agibalova // Cultural space: genesis and transformations. Abstracts of the VIII All-Russian scientific and practical conference in memory of Professor S.N. Ikonnikova. – St. Petersburg: 2023. – pp. 134-135.
2. Vanyushkin A.S. On the concept of creating creative / creative clusters in depressed regions of the Russian Federation / A.S. Vanyushkin, R.V. Druzin, M.M. Kuznetsov // Analysis, modeling, management, development of socio-economic systems (AMUR-2022). Collection of scientific papers of the XVI International School-Symposium AMUR-2022. – Simferopol: 2022. – pp. 89-91.
3. Vasilenko L.A. Creative economy and creative clusters in the development of the territory: an analysis of Russian practices / L.A. Vasilenko, L.V. Bogdanova, I.Y. Karimova // Problems of territory development. – 2024. – vol. 28. – No. 1. – pp. 61-77.
4. Guseva V.V. Designing a craft cluster in the system of creative industries of the region / V.V. Guseva // Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture. – 2023. – vol. 227. – pp. 118-124.
5. Kirillova S.A. Creative clusters as a new resource for innovative development of territories / S.A. Kirillova, D.S.

- Orlova // Economics and Management: a scientific and practical journal. – 2024. – № 3 (177). – Pp. 27-35.
6. Kiseleva O.I. The economic potential of creative clusters in the context of increasing the competitiveness of the region / O.I. Kiseleva // Forging and stamping production. Pressure treatment of materials. – 2023. – No. 7. – pp. 111-117.
 7. Medved E.I. Comparative analysis of the experience of forming creative clusters in different regions of the world and their impact on economic development / E.I. Medved // Forging and stamping production. Processing of materials by pressure. – 2023. – No. 5. – pp. 127-133.
 8. Polyanskova N.V. Investment potential of a creative cluster as a strategic vector for the development of the tourism and hospitality industry in the region / N.V. Polyanskova, G.I. Belyaeva // Bulletin of the Samara State University of Economics. – 2022. – № 4 (210). – Pp. 37-45.
 9. Chesnova O.A. Creative clusters – drivers of regional development / O.A. Chesnova // Creative industries of the region: experience, prospects, training. Abstracts of the All-Russian scientific and practical conference. – St. Petersburg: 2023. – pp. 38-39.
 10. Aktan S. Interaction between creative clusters and the built environment: digital technologies versus urban buzz / S. Aktan // WIT Transactions on Ecology and the Environment. – 2021. – Vol. 253. – Pp. 61-72.
 11. Hung Ch.S. A study of local government strategies to promote youth entrepreneurial clusters in cultural and creative industries / Ch.S. Hung // Technium Business and Management. – 2022. – Vol. 2. – No. 1. – Pp. 54-67.

Концептуальная модель оценки уровня развития циркулярной экономики в нефтегазовой отрасли промышленности

Юрак Вера Васильевна

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ФГБУН Институт экономики УрО РАН, профессор кафедры экономики и менеджмента, начальник научно-исследовательского лабораторного центра ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет», vera_yurak@mail.ru

Гурьева Мария Андреевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и организации производства, институт сервиса и отраслевого управления, ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет», gurevama@tyuiu.ru

В статье представлены результаты научно-исследовательского характера, касающиеся вопросов развития методологии оценки уровня развития циркулярной экономики. Авторами проведено обобщение рассматриваемого поля методических исследований оценки уровня развития циркулярной экономики, учитывающих влияние экологического интеллекта, разработаны классификация методов оценки уровня развития циркулярной экономики и общая классификация методов оценки экологического интеллекта, что вносит неоспоримый вклад в становление научного представления циркулярной экономики. Интерпретировано авторское видение концептуальной модели оценки уровня развития циркулярной экономики, базирующейся на спиралевидной трансформации экологического интеллекта в нефтегазовой отрасли промышленности. Совокупность представленных разработок является основой для формирования наиболее эффективных управленческих решений, направленных на улучшения состояния циркулярной экономики и экологического интеллекта на предприятии нефтегазовой отрасли промышленности.

Ключевые слова: циркулярная экономика, экологический интеллект, нефтегазовая отрасль промышленности, оценка уровня развития, устойчивое развитие.

Введение. Исследование вопроса циркулярной экономики приобрело особую актуальность в связи со становлением федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» [23] и включением данного экономико-социального явления в стратегические задачи Правительства России.

Следовательно, теоретико-методологические разработки современных ученых в данном направлении сфокусированы на решение важной народно-хозяйственной межотраслевой задачи по интеграции применения лучших практик циркулярной экономики в российскую бизнес-среду.

При анализе источников научной литературы использован метод SSF (с англ. Systematic Research Flow), основное достоинство которого заключается в возможности синтезировать существующие эмпирические данные и оценивать прирост новых знаний по изучаемой тематике во времени. Стоит отметить, что встречаются следующие дословные переводы на русский язык изучаемого понятия, например, среди них: «круговая экономика», «циклическая экономика», «восстановительная экономика», «цикловая экономика», «циркулярная экономика», «экономика замкнутого цикла» и др.

По введенному поисковому тегу «циркулярная экономика» (с англ. «circular economy») без использования логических операторов «и», «или» в наиболее авторитетных научно-информационных базах, таких как: Scopus (более 8 тыс. результатов в 2020 г., доступ на территории России отключен с 01.01.2023 г.), Elsevier (более 47000 результатов по состоянию на август 2024 г.), Elibrary (6279 результатов по состоянию на август 2024 г.), WOS (порядка 3 тыс. результатов в 2020 г., доступ на территории России отключен с мая 2022 г.) и ResearchGate (более 5500 результатов по состоянию на август 2024 г.) проводилось систематическое изучение материалов в период с 2019 по 2024 гг.

В ходе проводимого исследования авторами проанализировано свыше 500 различных работ, затрагивающих разнообразные вопросы многообразия аспектов теоретико-методического изучения циркулярной экономики, в их

числе труды: Л.С. Кабир [15], Н. Батова [2], М.А. Ветрова [6], Л.А. Мочалова [11], Н.В. Пахомова [24], Е.О. Вегнер-Козлова [5], S. Cayzer [32], С. Jia [43], J. Korhonen [45] и многие другие.

Учитывая полученные промежуточные результаты, авторами выдвинута следующая гипотеза о том, что своевременная оценка уровня развития циркулярной экономики, учитывающего влияние экологического интеллекта, способствует совершенствованию показателей ESG-отчетности предприятий нефтегазовой отрасли промышленности и, как следствие, достижению ряда задач глобальной повестки устойчивого развития тысячелетия, описанных в ЦУР.

Цель исследования заключается в разработке авторской концептуальной модели оценки уровня развития циркулярной экономики в нефтегазовой отрасли промышленности.

В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- проведение комплексного анализа методик оценки развития циркулярной экономики и устойчивого развития;

- изучение методик оценки экологического интеллекта с позиций теории человеческого капитала и ESG-развития;

- обобщение рассматриваемого поля методических исследований оценки уровня развития циркулярной экономики, учитывающих влияние экологического интеллекта;

- разработка классификации методов оценки уровня развития циркулярной экономики, учитывающей влияние экологического интеллекта и общей классификации методов оценки экологического интеллекта;

- создание концептуальной модели оценки уровня развития циркулярной экономики, базирующаяся на спиралевидной трансформации экологического интеллекта в нефтегазовой отрасли промышленности.

Таким образом, в ходе реализации поставленных цели и задач авторами использовались следующие общенаучные методы:

- анализ и синтез (для декомпозиции и обозначения причинно-следственных связей);
- индукция и дедукция (обобщение частных результатов и выстраивание общей гипотезы);
- методы качественного и количественного анализов.

Одним из результатов проведенного обширного теоретического исследования является [7, 8], на наш взгляд, прямая необходимость включения в модель циркулярной экономики нефтегазовой отрасли промышленности принципа,

отражающего важность развития экологического интеллекта среди сотрудников данных предприятий.

Предлагаемое авторами дополнение R-концепта циркулярной экономики для нефтегазовой отрасли промышленности заключается в трансляции необходимости развития экологического интеллекта сотрудников и включения его в теоретическую модель как специфического принципа R5 Retraining for ecological intelligence (переобучение экологического интеллекта).

На наш взгляд, в основе предлагаемого принципа R5 Retraining for ecological intelligence (переобучение экологического интеллекта) заложена трансформации знаний, представленных через системообразующие элементы – экологическое воспитание, сознание, инициативы и коммуникации (рисунок 1).

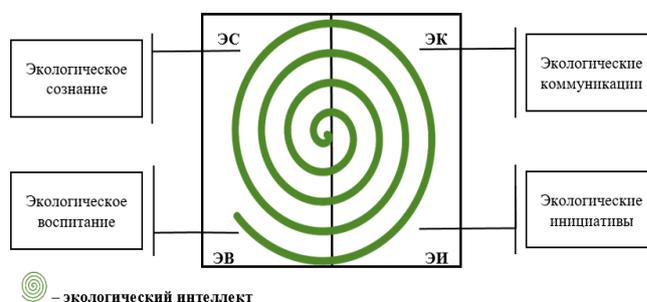

Рисунок 1 – Методологическое основание принципа R5 Retraining for ecological intelligence (переобучение экологического интеллекта) циркулярной экономики (составлено авторами)

Данный квадрант является методологическим основанием предлагаемого к включению в модель циркулярной экономики принципа R5 Retraining for ecological intelligence (переобучение экологического интеллекта).

Основная часть. Обширный анализ разнообразных научных источников литературы, предоставил авторам возможность прийти к пониманию общих методологических затруднений, проявляющихся в области оценки уровня развития циркулярной экономики, учитывающей влияние экологического интеллекта на эффективность ее становления. Результаты сравнительного анализа позволили убедиться в необходимости разработки качественно новой классификации подходов и методов, обобщающей и сводящей воедино совокупность оценочных инструментов для определения уровня развития циркулярной экономики и экологического интеллекта.

Учитывая обширную историческую глубину изучаемого явления, считаем целесообразным при построении и отборе классификационных

оснований воспользоваться наиболее приближенными к современной эпохе развития циркулярной экономики подходами, беря во внимание ключевые особенности изучаемого предмета исследования:

- методические подходы к оценке человеческого капитала (с 1930 - 1950 гг.);
- методические подходы к оценке устойчивого развития (с 1990 гг.);
- методические подходы к оценке ESG (с 1999 г.);
- методические подходы к оценке циркулярной экономике (с 2006 г.);

При составлении классификации интегрируем подходы для оценки устойчивого развития, циркулярной экономики и экологического интеллекта, определив их методическое метаположение в общем поле анализа с предлагаемой авторами иерархией соподчинения (рисунок 2).

Приведем пояснение к рисунку 2. В общей методологии анализа оценки выделена изначальная группа - методических подходов к оценке человеческого капитала, что обусловлено наиболее ранним периодом появления научного задела по данной тематике, примерно

в 1930-1950-е гг. При этом обобщенные в отдельную группу оценки экологического интеллекта обозначены с нулевым окном методик в силу их отсутствия.

Далее указана взаимосвязанность методик оценки человеческого капитала с методическими подходами к оценке устойчивого развития, чье зарождение является ранним проявлением коллективного экологического интеллекта общества, создавшего в целом теорию устойчивого развития (1990-е гг.). Особый интерес и планомерное развитие науки позволило вычлнить появление плеяды самостоятельных методик оценки уровня развития циркулярной экономики (с 2006 г.), которые, в свою очередь, согласуются с методиками оценки устойчивого развития, порой даже прибегая к использованию общих статистических величин и показателей.

Параллельно с этим с 1999 г. активно происходит становление оценочного ESG-подхода, первоначально созданного для проведения оценки исключительно результатов устойчивого развития.

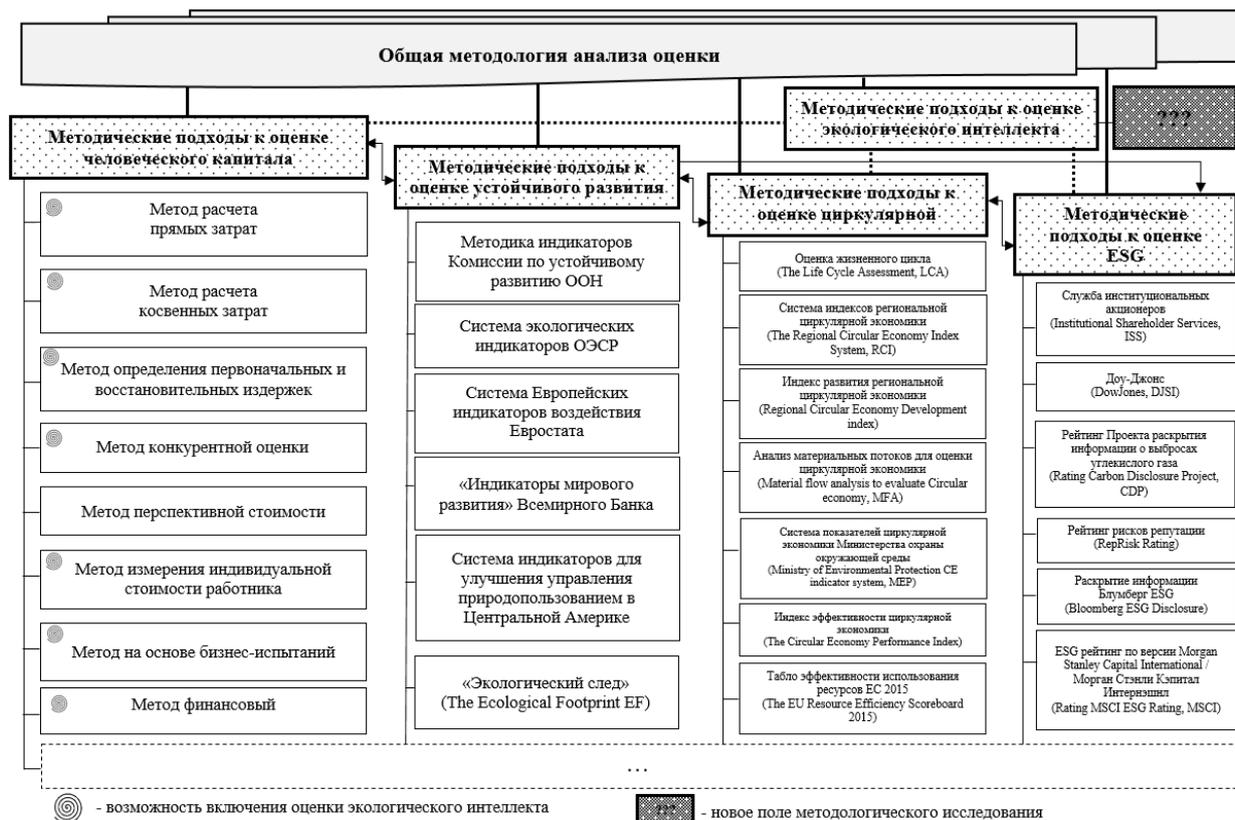

Рисунок 2 – Фрагмент. Обобщение рассматриваемого поля методических исследований оценки уровня развития циркулярной экономики, учитывающих влияние экологического интеллекта (составлено авторами на основе ряда источников [1, 3, 4, 7-9, 20, 21, 25, 28, 33-50] и др.)

Таким образом, мы наблюдаем сопряжение ESG-подходом и циркулярной экономикой, что методик оценки экологического интеллекта с соответствует поисковому анализ и формирует

новое поле методологического исследования. В продолжении развития данной мысли на рисунке 2 обозначены выявленные в ходе анализа возможности включения оценки экологического интеллекта в существующие и используемые на практике, в том числе и предприятиями нефтегазовой отрасли промышленности, методики оценивания.

Следовательно, в ходе проведенного анализа различных методических подходов по оценке уровня развития циркулярной экономики, предложена авторская классификация (рисунок 3), включающая в себя семь классификационных оснований и учитывающая практику использования модели циркулярной экономики и оказываемого влияния экологического интеллекта.

Первым классификационным основанием является уровень проведения оценки развития циркулярной экономики. Основываясь на совокупности изученных методик, целесообразно подразделить их на нано-, мезо-, макро-, что соответствует сложности организации объектов анализа.

Вторым классификационным основанием является формат проведения оценки. При анализе количественных методик оценки было выявлено, что подавляющее большинство авторов используют индикативный подход при их разработке, в тоже время экспертный формат проведения оценки характерен для качественных методик, и встречается на порядок реже. Использование экспертного формата, как правило, может встречаться на определенных шагах при разработке оценочных индикаторов в количественных методах, например, эксперты привлекаются для определения весовых коэффициентов, отбора наиболее важных показателей и пр. Натуральный способ проведения оценки характеризуется как вариация первоначального этапа проведения количественной оценки.

В соответствии со способом измерения методики подразделяются на количественные, качественные и смешанные, что позволило выделить третий классификационный признак. В подавляющем большинстве исследователи используют количественный способ оценивания, что повышает объективность процедуры и достоверность результатов.

Четвертое классификационное основание связано с классическим представлением о виде используемой информации – первичной, вторичной, – необходимой для проведения оценки уровня развития циркулярной экономики. Согласно проведенному анализу в большинстве случаев используется вторичная информация,

что идентифицировано авторами как один из общих методологических недостатков.

Рисунок 3 – Классификация методов оценки уровня развития циркулярной экономики, учитывающей влияние экологического интеллекта (составлено авторами)

Пятое классификационное основание взаимосвязано с градацией проведения оценки относительно привязки к ее направлению: фактический - дает оценку объекту анализа в текущий временной отрезок, может обладать как нормативными, так и позитивными суждениями; сравнительный – основан на использовании инструмента бенчмаркинга, что позволяет осуществлять анализ как между различными субъектами, так и проводить процедуры сравнения во времени, анализируя динамику развития конкретного объекта оценки; прогнозный – направлен на составление возможных сценариев развития в будущем периоде времени, что позволяет принимать взвешенные управленческие решения.

В шестом классификационном основании прослеживается выявленная взаимосвязь и соотношение между теорией устойчивого развития, циркулярной экономики и ESG-подходом. Поскольку было установлено, что циркулярная экономика является моделью устойчивого развития, а ESG-подход инструментом оценки, используемого для определения их эффективности, то распределение оценочных показателей внутри методик, обычно осуществляется по трем направлениям: экологическому, социальному, экономическому, что соответствует концепту устойчивого развития (рисунок 2).

Развитие эпохи цифровизации и, вместе с тем, появление новых инструментов оценивания предопределили седьмое основание. В зависимости от формата проведения процедуры

анализа методики оценки можно подразделить на он-лайн (наиболее характерен данный способ для качественных методов), офф-лайн (проводятся по принципу «здесь и сейчас» в формате реального присутствия), смешанный – интегрирует в себе офф-лайн и он-лайн подходы.

Обобщение представленных на рисунках 2 и 3 авторских разработок позволяет выработать метаполе методологических представлений касательно оценки уровня развития циркулярной экономики с учетом воздействия на нее экологического интеллекта и сформулировать новое виденье, основанное на традиционных подходах проведения оценки (рисунок 4).

В данном случае классификация представлена с позиции оценки экологического интеллекта, интегрирующая в себе ранее выявленные возможности (рисунок 2) применения различных методических подходов, подразделяющихся на две больших базовых группы, что сопровождается появлением нового поля для разработок:

- методические подходы к оценке человеческого капитала;
- методические подходы к оценке устойчивого развития.

Количественный подход к оценке человеческого капитала подразделен на несколько обобщенных групп, основанных на изученной совокупности представлений исследователей в данной тематике:

- доходный подход: используемые методики оценивания сфокусированы на определение величины получаемого дохода от инвестиций и прочих вложений в развитие человеческого капитала с течением времени. Часто связано с оценкой получения прибыли (ее изменения, роста/сокращения) в разрезе эффективности конкретного индивида (сотрудника).

Например, оценка индивидуальной стоимости работника, на основе испытаний в бизнес-окружении, дисконтирование денежных доходов и т.д. [16, 22, 30];

- затратный подход: построен на принципах полезности и оценки потенциала при замещении, восполнении, переподготовки персонала предприятия, т.е. носит прогнозный характер возможных затрат будущих периодов. Опирается исключительно на подтвержденную документально информацию о компании. К их числу можно отнести метод определения первоначальных и восстановительных издержек на персонал Э. Флэмхольца [16, 19, 22, 30];

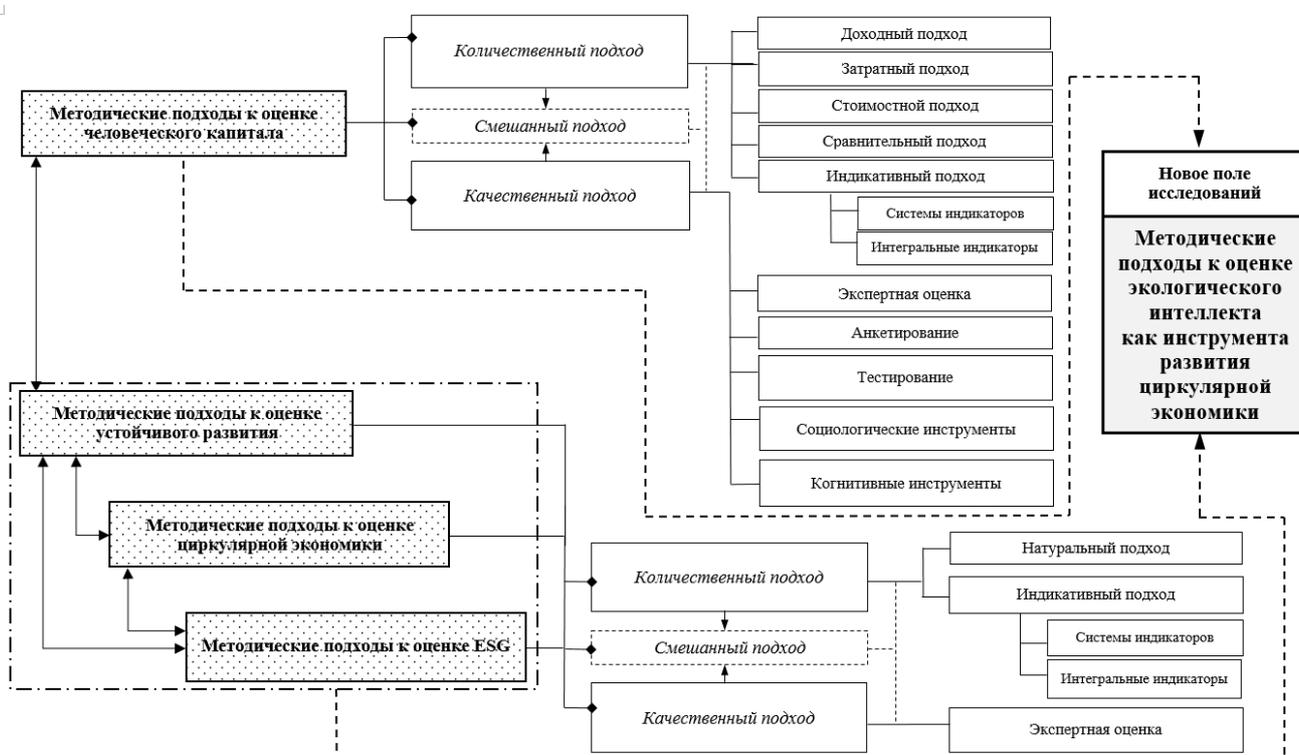

Рисунок 4 – Общая классификация методов оценки экологического интеллекта (составлено авторами на основе ряда источников [9, 12 -14, 16-19, 22, 25-27, 29-31]) и др.

- стоимостный подход: оценивает совокупность текущих, фактических расходов на персонал предприятия, которые он несет для обеспе-

чения выполнения промышленно-производственной деятельности в настоящий момент времени. К примеру, методы расчетов прямых затрат и/или косвенных на персонал [16, 22];

- сравнительный подход: основан на применение инструмента бенчмаркинг, анализирующего схожие компании по аналогии развития, эффективности использования, качественным характеристикам, применению навыков и компетенций сотрудников организаций; проводится ретроспективный анализ, особое внимание обращается на фактические результаты деятельности предприятия [16, 22];

- индикативный подход (подразделяется на системы индикаторов и интегральные индикаторы): основан на использовании различных соотношений натуральных показателей человеческого капитала, часто с использованием макропоказателей или единичных индексов, разработанных для оценивания человеческого капитала. Например, средний уровень заработной платы управленцев, средний срок работы по профессии, средний показатель текучести кадров в организации и многие др. [17, 18, 29, 30, 31].

В свою очередь качественный подход к оценке человеческого капитала представлен следующими классификационными группами подходов:

- экспертная оценка: направлена на определение личностных и профессиональных качеств индивида с привлечением к процедуре оценивания мнений группы экспертов [25];

- анкетирование: подразумевает под собой заполнение респондентом заранее разработанного анкетного листа, содержащего целенаправленные вопросы, сфокусированные на определенных параметрах оценивания [12];

- тестирование: определение и диагностирование уровня развития качеств, компетенций, особенностей восприятия и т.д. для формирования карты профессионального профиля сотрудника на основе использования инструментов тестирования, содержащих стандартизированные задания [12, 27];

- социологические инструменты: к числу наиболее часто применяемых при диагностике человеческого капитал относятся: наблюдение, опрос, интервью, фокус-группы [27, 30];

- когнитивные инструменты: эффективный набор инструментов (в том числе: когнитивные модели, интеллект-карты и пр.), активно применяемый в междисциплинарных исследованиях и системном моделировании в различных сферах. Позволяет исследовать и моделировать разнородные ситуации с использованием большой совокупности взаимосвязанных факторов внешней и внутренней среды. Исследователи имеют возможность описать и структурировать реальные события, применяя собственные

субъективные оценки развития тех или иных явлений и процессов [9, 13, 14, 26, 30].

Методические подходы к оценке устойчивого развития включают в себя также методики оценки уровня развития циркулярной экономики и подходы ESG-оценки, что обусловлено определенной интеграцией используемых показателей в ходе разработки и схожести целей и задач. В большинстве случаев исследователи прибегают к использованию индикативного подхода как в международной, так и в российской научной практике. В зависимости от сложности создаваемой методики оценки и количества включения в нее индикаторов-показателей существуют системы индикаторов и интегральные индикаторы, часто объединяемые авторами в единый инструмент для проведения комплексной оценки. Качественный подход, как было описано выше, используется как инструмент при создании определенных количественных методов.

Ранее установленная необходимость развития методического подхода оценки экологического интеллекта на рисунке 4 обозначена как «Новое поле исследования», включающее в себя накопленную практику оценивания, как человеческого капитала, так и устойчивого развития, что позволяет сформировать изначальный набор предпосылок, предопределяющих дальнейший поисковый вектор.

Таким образом, продолжение исследования, основанного на концептуально-теоретико-методических положениях циркулярной экономики, должно быть направлено на совершенствование инструментария оценки, что будет способствовать качественному достижению целей устойчивого развития, переходу предприятий на бизнес-модель циркулярной экономики и формированию экологического интеллекта общества (см. далее рисунок 5).

При разработке концептуальной модели оценки уровня развития циркулярной экономики, учитывающей влияние спиралевидной трансформации экологического интеллекта в нефтегазовой отрасли промышленности, необходимо описать несколько ключевых моментов:

- цель построения модели заключается в систематическом обеспечении успешного проведения оценки уровня развития циркулярной экономики, объединенной воедино с системой оценивания экологического интеллекта сотрудников и определения возникающего между исследуемыми дефинициями синергетического эффекта при их взаимовлиянии;

- при разработке использованы традиционные научные методы (см. введение);

- методологические принципы выражены в следующих параметрах:

- системность и комплексность предлагаемой модели оценки;
- интегральность, учитывающая отраслевую специфику нефтегазовой направленности;
- иерархичность показателей и индикаторов;
- информационная обеспеченность;
- непрерывность самой процедуры оценивания, что позволяет осуществлять своевременную корректировку показателей;
 - в качестве входных данных выступают:
 - результаты, полученные путем применения качественного подхода (анкетирование, интервью и пр.);
 - комплекс вторичных статистических данных, представляемых как на уровне предприятия (к примеру, годовые отчеты), так и из официальных государственных источников, например, Росстат. Преобразуются путем применения количественного подхода;
 - научно-исследовательские материалы о новых подходах и методиках проведения оценки;
 - исходные внутренние совокупные параметры, заключающиеся в отраслевой специфике субъекта исследования;

- прослеживается тенденция к созданию и широкому использованию гибридных инструментов оценки, объединяющих в себе элементы качественного подхода (результаты анкетирования) и количественного (индикативный подход), основанного на привлечении определенных абсолютных и относительных показателей;

- конечные выходные данные представлены в виде формализованного отчета, содержащего результаты оценки, сформулированные рекомендации и выработанное управленческое решение, направленные на улучшение состояния циркулярной экономики и экологического интеллекта на предприятии нефтегазовой отрасли промышленности.

В основе предлагаемой модели оценки уровня циркулярной экономики заложено представление о важности проявления и реализации проявлений индивидуального экологического интеллекта, способного накапливаться и оказывать совокупное воздействие на более высокие уровни в иерархии общества. Таким образом, масштабируемость экологических инициатив, преобразующихся внутри предприятий в экологические инновации, имеют тенденцию к диффузионному распространению, которое, в свою очередь, представляется как возрастающая спираль, каждый виток которой

олицетворяет приращение коллективного интеллекта сотрудников компании нефтегазовой отрасли промышленности.

Далее на рисунке 5 представлено авторское видение концептуальной модели оценки уровня развития циркулярной экономики, базирующаяся на спиралевидной трансформации экологического интеллекта в нефтегазовой отрасли промышленности.

Представленная на рисунке 5 концептуальная модель оценки, объединяет в себе:

- методологическое основание, предлагаемое авторами принципа R5 Retraining for ecological intelligence (переобучение экологическому интеллекту);
- общую классификацию методов оценки экологического интеллекта;
- рассматриваемое поле методических исследований оценки уровня развития циркулярной экономики.

Своеобразным центральным ядром в данной модели выступает спиралевидная трансформация индивидуального экологического интеллекта, что соответствует нано- уровню проявления циркулярной экономики. Его дальнейшее развитие отображает процесс масштабирования экологических идей индивида и внедрение R5 принципа, что, в конечном итоге, приводит к формированию коллективного экологического интеллекта общества (в том числе, в формате предприятия нефтегазовой отрасли промышленности – у трудового коллектива) в макро-масштабах проявления циркулярности.

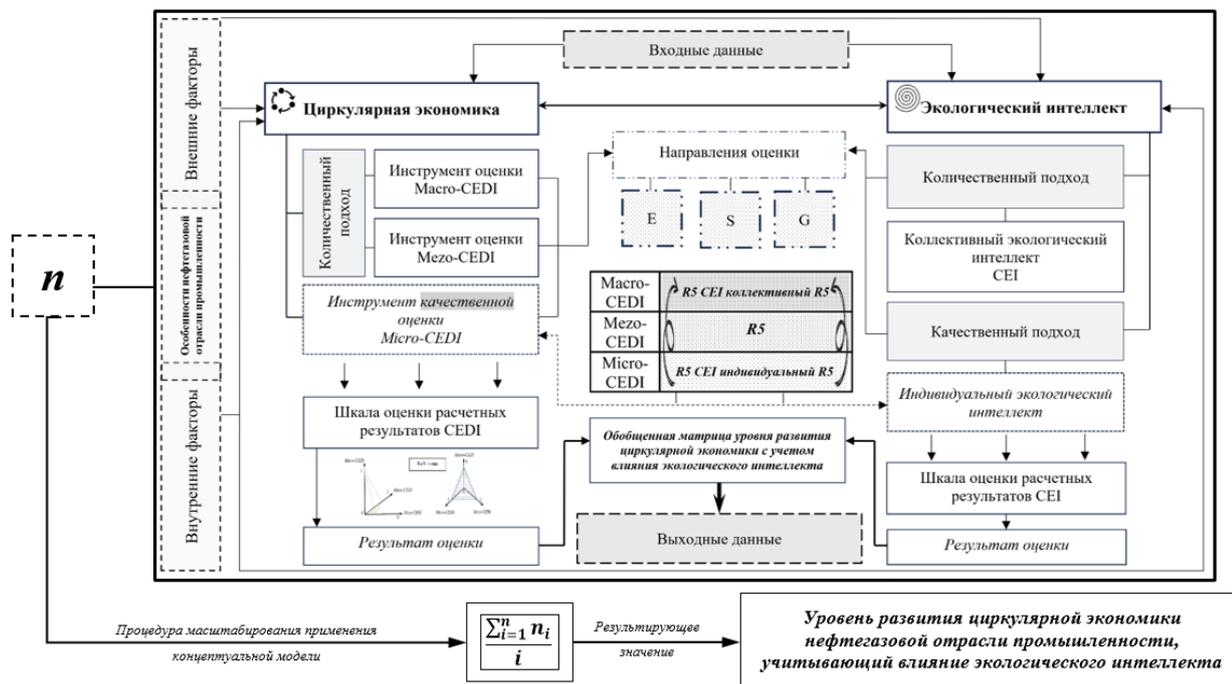
Оценку развития циркулярной экономики целесообразно проводить в направлении трех уровней исследований: нано-, макро-, мезо-. Глобальный уровень оценки развития циркулярной экономики достаточно сложен с точки зрения ее проведения из-за затруднений в области сопоставимости статистических данных в условиях недавно возникшей эскалации в отношении российского научного сообщества, а также глобальный уровень оценивания выходит за пределы целеполагания данного исследования.

Следовательно, при использовании количественного подхода необходимо разработать соответствующие инструменты оценки уровня развития циркулярной экономики Macro-CEDI и Mezo-CEDI, в трех базовых направлениях: экологическом (E), социальном (S) и корпоративном управлении (G), дополненных шкалой оценки расчетных результатов CEDI, позволяющих при завершении получить значимые результаты [9].

В свою очередь процедура оценивания экологического интеллекта представлена с позиции масштабности его проявления – индивиду-

альный и коллективный. При оценке коллективного уровня развития экологического интеллекта используется количественный подход, подразумевающий разработку инструмента

CEI, снабженного также шкалой оценки расчетных результатов [10].

Macro-CEDI – инструмент оценки уровня развития циркулярной экономики на макро-уровне; Mezo-CEDI – инструмент оценки уровня развития циркулярной экономики на мезо-уровне; Micro-CEDI – инструмент оценки уровня развития циркулярной экономики на микро-уровне; CEI – обобщенный индекс развития циркулярной экономики; CEI – инструмент оценки экологического интеллекта (коллективного или индивидуального); R5 - *Retraining for ecological intelligence* (переобучение экологическому интеллекту); E – экологическое направление оценки; S – социальное направление оценки; G – направление оценки корпоративного управления; – циркулярная экономика; – экологический интеллект; – спиралевидная трансформация экологического интеллекта.

Рисунок 5 – Концептуальная модель оценки уровня развития циркулярной экономики, базирующаяся на спиралевидной трансформации экологического интеллекта в нефтегазовой отрасли промышленности (составлено авторами)

Индивидуальный экологический интеллект возможно оценить посредством качественной оценки. Именно здесь происходит его слияние с общей системой оценки уровня развития циркулярной экономики, следовательно, разработанный качественный инструмент оценки индивидуального экологического интеллекта встраивается в общую методологию оценивания циркулярной экономики, тем самым происходит его интеграция в качественный инструмент Micro-CEDI. Данное дополнение позволяет проводить наиболее достоверную оценку и визуализировать развитие циркулярной экономики с позиции трех основных векторов.

При сопоставлении итоговых результатов оценки на основе инструментов CEDI и CEI, с включением данных качественного анализа, появляется возможность разработки обобщенной матрицы уровня развития циркулярной экономики с учетом влияния экологического интеллекта, которая позволяет объединить несколько типов шкалирования с матрицей типологического развития циркулярной экономики нефтегазовой отрасли промышленности под воздействием экологического интеллекта -

принцип R5. Данная исследовательская разработка предоставляет в виде выходных данных рекомендации, позволяющие выработать наиболее эффективные управленческие решения, направленные на программные и стратегические улучшения состояния циркулярной экономики и экологического интеллекта на предприятии нефтегазовой отрасли промышленности.

Следовательно, обобщение авторских разработок позволяет выработать метаполе методологических представлений касательно оценки уровня развития циркулярной экономики с учетом воздействия на нее экологического интеллекта и сформулировать новое видение, основанное на традиционных подходах проведения оценки.

Исследовательская новизна предлагаемой авторами концептуальной модели оценки уровня развития циркулярной экономики, базирующейся на спиралевидной трансформации экологического интеллекта в нефтегазовой отрасли промышленности заключена в следующем:

- представлено интегрирование количественных и качественных инструментов оценивания уровня развития циркулярной экономики;
- отображен фактор, оказывающий прямое влияние на уровень развития циркулярной экономики, в виде экологического интеллекта;
- включены особенности циркулярной экономики для нефтегазовой отрасли промышленности;
- демонстрирует представление авторов о важности проявления и реализации проявлений индивидуального экологического интеллекта, способного накапливаться и оказывать совокупное воздействие на более высокие уровни в иерархии общества;
- отображена масштабируемость экологических инициатив, преобразующихся внутри предприятий в экологические инновации;
- показана спиралевидная трансформация индивидуального экологического интеллекта, что, в конечном итоге, приводит к формированию коллективного экологического интеллекта общества в макро-масштабах проявления циркулярности.

Заключение. Таким образом, на основе полученных совокупных результатов комплексного анализа ряда методик оценки развития циркулярной экономики, устойчивого развития, экологического интеллекта (с позиций теории человеческого капитала и ESG-развития), проведено обобщение рассматриваемого поля методических исследований оценки уровня развития циркулярной экономики, учитывающей влияние экологического интеллекта. В следствии чего авторами разработаны классификация методов оценки уровня развития циркулярной экономики и общая классификация методов оценки экологического интеллекта. Генерализация совокупности основных идей послужила основой для создания концептуальной модели оценки уровня развития циркулярной экономики, базирующаяся на спиралевидной трансформации экологического интеллекта в нефтегазовой отрасли промышленности.

Представленные теоретико-методологические разработки вносят несомненный вклад в становление современной концепции циркулярной экономики по отраслям промышленности, в частности, на примере нефтегазовой отрасли. Подчеркнем особенно важный момент, заключающийся в интегрировании экологического интеллекта – его включение как одного из инструментов циркулярной экономики, влияющего при оценке на уровень ее развития является важной методической разработкой.

Предлагаемые и усовершенствованные методологические основы оценки уровня развития циркулярной экономики в нефтегазовой отрасли промышленности позволяют не только повысить скорость и качество выполнения компаниями традиционных задач устойчивого развития, но и развить ESG-основы в управленческой среде, положительный эффект от реализации которых является прямым доказательством гипотезы данного исследования.

Литература

1. Аль-Хаир Л. А. Человеческий капитал промышленных предприятий: понятие, сущность и факторы формирования / Л. А. Аль-Хаир. - Текст : электронный // Российский экономический интернет-журнал. - 2018. - № 2. – URL : <https://www.e-rej.ru/Articles/2018/Al-Khair.pdf> (дата обращения: 01.05.2023).
2. Батова Н. Циркулярная экономика в действии: формы организации и лучшие практики / Н. Батова, П. Сачек, И. Тоцицкая. - Текст : электронный // Центр экономических исследований BEROC : [сайт]. - 2018. - URL : http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_5_rus.pdf (дата обращения: 11.10.2019).
3. Бобылев С. Н. Индикаторы устойчивого развития для России / С. Н. Бобылев. - Текст : непосредственный // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Социально-экологические технологии. - 2012. - № 1. - С. 8-18.
4. Богатова А. В. Методологические подходы к оценке человеческого капитала / А. В. Богатова. - Текст : непосредственный // Вестник АГАУ. - 2013. - № 3 (101). - С. 135-139.
5. Вегнер-Козлова Е. О. Модели, способствующие переходу к циркулярной экономике / Е. О. Вегнер-Козлова. - Текст : непосредственный // Друкерровский вестник. - 2022. - № 6 (50). - С. 58-66. - DOI: 10.17213/2312-6469-2022-6-58-66.
6. Ветрова М. А. Циркулярные модели производства и потребления как инструмент достижения целей устойчивого развития / М. А. Ветрова, Д. В. Иванова. - Текст : непосредственный // Russian Economic Bulletin. - 2020. - Т. 3, № 5. - С. 44-54.
7. Гурьева М. А. Анализ методических подходов оценки экологического интеллекта в концепции человеческого капитала / М. А. Гурьева, М. В. Давыдова, К. С. Плотникова. - Текст : непосредственный // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. - 2023. - № 11. - С. 67-80.

8. Гурьева М. А. Анализ методических подходов оценки экологического интеллекта в рамках ESG-концепции / М. А. Гурьева, М. В. Давыдова, К. С. Плотникова. - Текст : непосредственный // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. - 2023. - № 10. - С. 144-162.
9. Гурьева М. А. Описание и развитие теоретико-методического концепта циркулярной экономики : монография / М. А. Гурьева. - Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2021. - 166 с. - Текст : непосредственный.
10. Гурьева М. А. Развитие методологии оценки ESG-подхода предприятий нефтегазовой отрасли / М. А. Гурьева, Л. Д. Петренко, М. В. Давыдова. - Текст : непосредственный // Нефтяное хозяйство. - 2023. - № 11. - С. 132-137. - DOI: 10.24887/0028-2448-2023-11-132-137.
11. Еремеева О. С. Промышленность, цифровая и циркулярная экономика: взаимодействие в целях обеспечения устойчивого социально-эколого-экономического развития / О. С. Еремеева, Л. А. Мочалова. - Текст : непосредственный // ЭТАП. - 2022. - № 6. - С. 29-51.
12. Жданов В. Ю. Разработка коэффициентно-балльной модели оценки персонала / В. Ю. Жданов. - Текст : непосредственный // Индустриальная экономика. - 2022. - № 2. - С. 116-120.
13. Ильина Е. А. Моделирование стратегии устойчивого развития промышленных предприятий / Е. А. Ильина. - Текст : непосредственный // Организатор производства. - 2021. - Т. 29, № 3. - С. 130-138. - DOI: 10.36622/VSTU.2021.39.13.014.
14. Ильина Е. А. Циркулярная экономика: концептуальные подходы и механизмы их реализации / Е.А. Ильина. - Текст : непосредственный // Организатор производства. - 2022. - Т. 30, № 3. - С. 21-30.
15. Кабир Л. С. Настройка климатического финансирования: итоги COP28 / Л. С. Кабир. - Текст : непосредственный // Финансовый журнал. - 2024. - Т. 16, № 2. - С. 8-26. - DOI: 10.31107/2075-1990-2024-2-8-26.
16. Камысовская С. В. Сравнительная характеристика подходов к оценке стоимости предприятия как имущественного комплекса / С. В. Камысовская, Т. В. Захарова. - Текст : непосредственный // тт-Есопому. - 2009. - №1 (71). - С. 178-188.
17. Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? / Р. И. Капелюшников. - Москва : Высш. шк. экономики, 2012. - 74 с. - Текст : непосредственный.
18. Коротков А. В. Индикативный анализ в исследованиях человеческого капитала / А. В. Коротков, Е. В. Онишко, А. И. Редченко. - Текст : непосредственный // Вестник МГИМО-Университета. - 2010. - № 6 (15). - С. 26-38.
19. Краковская И. Н. Измерение и оценка человеческого капитала организации: подходы и проблемы / И. Н. Краковская. - Текст : непосредственный // Экономический анализ: теория и практика. - 2008. - № 19. - С. 41-50.
20. Методы оценки стоимости человеческого капитала организации / М. А. Пархомчук, В. А. Головина, И. И. Курасова, Е. О. Яковлева. - Текст : непосредственный // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. - 2011. - № 6. - С. 45-46.
21. Мясоедова Т. Г. Инновационные механизмы развития человеческих ресурсов : 08.00.05 : дис. ... доктора экон. наук / Т. Г. Мясоедова ; Российский государственный университет нефти и газа им. Н.М. Губкина. - Москва, 2006. - 297 с.
22. Павлыш Э. В. Методы оценки человеческого капитала организаций / Э. В. Павлыш, Л. В. Грибко. - Текст : электронный // Право. Экономика. Психология. - 2022. - № 4 (28). - URL : <https://elibrary.ru/item.asp?edn=efsfrof> (дата обращения: 16.05.2023).
23. Паспорт Федерального проекта «Экономика замкнутого цикла». – Текст : электронный // Твердые бытовые отходы : [сайт]. - URL : https://news.solidwaste.ru/wp-content/uploads/2022/07/EZTs_pasport.pdf (дата обращения: 24.06.2024).
24. Пахомова Н. В. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития / Н. В. Пахомова, К. К. Рихтер, М. А. Ветрова. - Текст : непосредственный // Вестник Санкт-петербургского университета. Экономика. - 2017. - № 5. - С. 244-268.
25. Полшков Ю. Н. Теория и методология оценивания уровня рисков в региональной и отраслевой экономике / Ю. Н. Полшков. - Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного университета. - 2023. - Т. 11, № 2. - С. 61-71. - DOI: 10.35266/2312-3419-2023-2-61-71.
26. Прохорова Н. В. Когнитивное моделирование устойчивого экономического развития предприятий / Н. В. Прохорова. - Текст : непосредственный // Экономика и управление. - 2011. - № 1. - С. 24-29.
27. Раренко А. А. Инструменты оценки поведения персонала в российских организациях:

достоинства и недостатки / А. А. Паренко. - Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. - 2021. - № 2. - С. 134-159. - DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.11.

28. Тихонова Ж. С. Региональные аспекты развития системы управления экологизации производственной сферы как неотъемлемая часть экономики природопользования / Ж. С. Тихонова. - Текст : непосредственный // Вестник Донского государственного технического университета. - 2011. - Т. 11, № 1(52). - С. 107-115.

29. Щербаков А. С. Менеджмент личности как часть модели оценки человеческого капитала / А. С. Щербаков. - Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2023. - № 1. - С. 217-219.

30. Щербаков А. С. Преимущества фактической модели оценки человеческого капитала в целях государственного управления / А. С. Щербаков. - Текст : непосредственный // Государственное управление. Электронный вестник. - 2023. - № 98. - С. 96-113.

31. Abraham K. G. Measuring Human Capital / K. G. Abraham, J. Mallatt. - Direct text // Journal of Economic Perspectives. - 2022. - № 36 (3). - P. 103-130. - DOI: 10.1257/jep.36.3.103.

32. Cayzer S. Design of indicators for measuring product performance in the circular economy / S. Cayzer, P. Griffiths, V. Beghetto. - Direct text // Int. J. Sustain. Eng. - 2017. - № 10. - P. 289-298. - doi: 10.1080/19397038.2017.1333543.

33. CDP. - Text : electronic // CDP : [website]. - URL : <https://www.cdp.net/en/companies> (date of the application 25.03.2023).

34. Daly H. E. Ecological Economics and Sustainable Development, Selected Essays of Herman Daly / H. E. Daly. - Cornwall : MPG Books Ltd, 2008. - 288 p. - Direct text.

35. DJSI/CSA Annual Review. - Text : electronic // S&P Global : [website]. - URL : <https://www.spglobal.com/esg/csa/djsi-csa-annual-review> (date of the application 30.03.2023).

36. E&S Disclosure QualityScore. - Text : electronic // ISS : [website]. - URL : <https://www.issgovernance.com/esg/ratings/environmental-social-qualityscore/> (date of the application 05.04.2023).

37. Environmental sustainability index: Benchmarking national environmental

stewardship. New Haven / D. C. Esty, M. A. Levy, T. Srebotnjak, A. De Sherbinin. - Direct text // International Journal of Sustainability in Higher Education. - 2004.

38. ESG Data. - Text : electronic // Bloomberg Professional Services : [website]. - URL : <https://www.bloomberg.com/professional/product/esg-data/> (date of the application 17.04.2023).

39. ESG Ratings. - Text : electronic // MSCI : [website]. - URL : <https://www.msci.com/our-solutions/esg-investing/esg-ratings> (date of the application 30.03.2023).

40. Geng Y. Towards a national circular economy indicator system in China: an evaluation and critical analysis / Y. Geng, J. Fu, J. Sarkis, B. Xue. - Direct text // Journal of Cleaner Production. - 2012. - № 23. - P. 216-224.

41. Guo-gang J. Empirical Analysis of Regional Circular Economy Development-Study Based on Jiangsu, Heilongjiang, Qinghai Province / J. Guo-gang. - Direct text // Energy Procedia. - 2011. - № 5. - P. 125-129.

42. Heshmati A. A Review of the Circular Economy and its Implementation / A. Heshmati. - URL : <http://ftp.iza.org/dp9611.pdf> (date of the application 13.08.2024). - Text : electronic.

43. Jia C. Evaluation of Regional Circular Economy Based on Matter Element Analysis / C. Jia, J. Zhang. - Direct text // Procedia Environmental Sciences. - 2011. - №11. - P. 637-642.

44. Kirchherr J. Conceptualizing the circular economy: An analysis of 114 definitions / J. Kirchherr, D. Reike, M. Hekkert. - Direct text // Resources, Conservation and Recycling. - 2017. - № 127. - P. 221-232. - DOI: 10.1016/j.resconrec.2017.09.005.

45. Korhonen J. Circular Economy: The Concept and its Limitations / J. Korhonen, A. Honkasalo, J. Seppälä. - Direct text // Ecological Economics. - 2018. - № 143. - P. 37-46. - DOI: 10.1016/j.ecolecon.2017.06.041.

46. Maier H. Wachstum aus der Sicht der ökologischen Ökonomie / H. Maier. - Marburg : Metropolis-Verl, 1999. - 480 p. - Direct text.

47. Prugh T., Costanza R., Daly H. E. The Local Politics of Global Sustainability / T. Prugh, R. Costanza, H. E. Daly. - Covelo : Island Press, 1999. - 196 p. - Direct text.

48. RepRisk methodology overview. - Text : electronic // RepRisk : [website]. - URL : <https://www.reprisk.com/news-research/resources/methodology> (date of the application 05.04.2023).

49. Ruiter C. The Circular Economy Performance Index / C. Ruiter. - Text : electronic // URL : <http://dspace.library.uu.nl/handle/1874/337188/> (date of the application 13.08.2024).

50. The little green data book 2012. - Text : electronic // WORLD BANK GROUP : [website]. - URL : <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/561691468157528320/the-little-green-data-book> (date of the application 23.09.2024).

Conceptual model for assessing the level of development of the circular economy in the oil and gas industry

Yurak V.V., Guryeva M.A.

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tyumen Industrial University

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article presents the results of scientific research concerning the development of a methodology for assessing the level of development of the circular economy. The authors have summarized the considered field of methodological research on assessing the level of development of the circular economy, taking into account the influence of environmental intelligence, developed a classification of methods for assessing the level of development of the circular economy and a general classification of methods for assessing environmental intelligence, which makes an undeniable contribution to the formation of a scientific understanding of the circular economy. The author's vision of the conceptual model for assessing the level of development of the circular economy, based on the spiral transformation of environmental intelligence in the oil and gas industry, is interpreted. The set of presented developments is the basis for the formation of the most effective management decisions aimed at improving the state of the circular economy and environmental intelligence at an enterprise in the oil and gas industry.

Keywords: circular economy, environmental intelligence, oil and gas industry, assessment of the level of development, sustainable development.

References

1. Al-Khair L. A. Human capital of industrial enterprises: concept, essence and factors of formation / L. A. Al-Khair. - Text: electronic // Russian Economic Internet Journal. - 2018. - No. 2. - URL: <https://www.e-rej.ru/Articles/2018/Al-Khair.pdf> (date of access: 01.05.2023).
2. Batova N. Circular economy in action: forms of organization and best practices / N. Batova, P. Sachek, I. Tochitskaya. - Text: electronic // BEROE Economic Research Center: [site]. - 2018. - URL: http://www.beroc.by/webroot/delivery/files/PP_5_rus.pdf (date of access: 11.10.2019).
3. Bobylev S. N. Sustainable Development Indicators for Russia / S. N. Bobylev. - Text: direct // Bulletin of the Moscow State University for the Humanities. Social and Ecological Technologies. - 2012. - No. 1. - P. 8-18.
4. Bogatova A. V. Methodological Approaches to Assessing Human Capital / A. V. Bogatova. - Text: direct // Bulletin of the Agau. - 2013. - No. 3 (101). - P. 135-139.

5. Wegner-Kozlova E. O. Models Contributing to the Transition to a Circular Economy / E. O. Wegner-Kozlova. - Text: direct // Drucker Bulletin. - 2022. - No. 6 (50). - P. 58-66. - DOI: 10.17213/2312-6469-2022-6-58-66.
6. Vetrova M. A. Circular models of production and consumption as a tool for achieving sustainable development goals / M. A. Vetrova, D. V. Ivanova. - Text: direct // Russian Economic Bulletin. - 2020. - Vol. 3, No. 5. - Pp. 44-54.
7. Guryeva M. A. Analysis of methodological approaches to assessing environmental intelligence in the concept of human capital / M. A. Guryeva, M. V. Davydova, K. S. Plotnikova. - Text: direct // Forging and stamping production. Processing of materials by pressure. - 2023. - No. 11. - Pp. 67-80.
8. Guryeva M. A. Analysis of methodological approaches to assessing environmental intelligence within the framework of the ESG concept / M. A. Guryeva, M. V. Davydova, K. S. Plotnikova. - Text: direct // Forging and stamping production. Processing of materials by pressure. - 2023. - No. 10. - Pp. 144-162.
9. Guryeva M. A. Description and development of the theoretical and methodological concept of the circular economy: monograph / M. A. Guryeva. - Tyumen: Tyumen Industrial University, 2021. - 166 p. - Text: direct.
10. Guryeva M. A. Development of a methodology for assessing the ESG approach of oil and gas enterprises / M. A. Guryeva, L. D. Petrenko, M. V. Davydova. - Text : direct // Oil industry. - 2023. - No. 11. - P. 132-137. - DOI: 10.24887/0028-2448-2023-11-132-137.
11. Eremeeva O. S. Industry, digital and circular economy: interaction in order to ensure sustainable socio-ecological and economic development / O. S. Eremeeva, L. A. Mochalova. - Text : direct // ETA. - 2022. - No. 6. - P. 29-51.
12. Zhdanov V. Yu. Development of a coefficient-point model for personnel assessment / V. Yu. Zhdanov. - Text : direct // Industrial economy. - 2022. - No. 2. - P. 116-120.
13. Ilyina E. A. Modeling the strategy of sustainable development of industrial enterprises / E. A. Ilyina. - Text: direct // Production organizer. - 2021. - Vol. 29, No. 3. - P. 130-138. - DOI: 10.36622/VSTU.2021.39.13.014.
14. Ilyina E. A. Circular economy: conceptual approaches and mechanisms for their implementation / E. A. Ilyina. - Text: direct // Production organizer. - 2022. - Vol. 30, No. 3. - P. 21-30.
15. Kabir L. S. Setting up climate finance: results of COP28 / L. S. Kabir. - Text : direct // Financial Journal. - 2024. - Vol. 16, No. 2. - Pp. 8-26. - DOI: 10.31107/2075-1990-2024-2-8-26.
16. Kamysovskaya S. V. Comparative characteristics of approaches to assessing the value of an enterprise as a property complex / S. V. Kamysovskaya, T. V. Zakharova. - Text : direct // π -Economy. - 2009. - No. 1 (71). - Pp. 178-188.
17. Kapelyushnikov R. I. How much is Russia's human capital worth? / R. I. Kapelyushnikov. - Moscow : Higher. school of economics, 2012. - 74 p. - Text : direct.
18. Korotkov AV Indicative analysis in human capital studies / AV Korotkov, EV Onishko, AI Redchenko. - Text : direct // Bulletin of MGIMO-University. - 2010. - No. 6 (15). - P. 26-38.
19. Krakovskaya IN Measurement and assessment of human capital of an organization: approaches and problems / IN Krakovskaya. - Text : direct // Economic analysis: theory and practice. - 2008. - No. 19. - P. 41-50.
20. Methods for assessing the cost of human capital of an organization / MA Parkhomchuk, VA Golovina, II Kurasova, EO Yakovleva. - Text : direct // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. - 2011. - No. 6. - P. 45-46.

21. Myasoedova T. G. Innovative mechanisms for the development of human resources: 08.00.05: dis. ... Doctor of Economics / T. G. Myasoedova; Gubkin Russian State University of Oil and Gas. - Moscow, 2006. - 297 p.
22. Pavlysh E. V. Methods for assessing the human capital of organizations / E. V. Pavlysh, L. V. Gribko. - Text: electronic // Pravo. Ekono Mika. Psychology. - 2022. - No. 4 (28). - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=efsrof> (date accessed: 16.05.2023).
23. Passport of the Federal Project "Closed Cycle Economy". - Text: electronic // Solid household waste: [site]. - URL: https://news.solidwaste.ru/wp-content/uploads/2022/07/EZTs_pasport.pdf (date accessed: 24.06.2024).
24. Pakhomova N. V. Transition to a circular economy and closed supply chains as a factor in sustainable development / N. V. Pakhomova, K. K. Richter, M. A. Vetrova. - Text: direct // Bulletin of St. Petersburg University. Economy. - 2017. - No. 5. - P. 244-268.
25. Polshkov Yu. N. Theory and methodology of assessing the level of risks in the regional and sectoral economy / Yu. N. Polshkov. - Text: direct // Bulletin of Surgut State University. - 2023. - Vol. 11, No. 2. - P. 61-71. - DOI: 10.35266/2312-3419-2023-2-61-71.
26. Prokhorova N. V. Cognitive modeling of sustainable economic development of enterprises / N. V. Prokhorova. - Text: direct // Economy and Management. - 2011. - No. 1. - P. 24-29.
27. Rarenko A. A. Tools for assessing personnel behavior in Russian organizations: advantages and disadvantages / A. A. Rarenko. - Text: direct // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11: Sociology. - 2021. - No. 2. - P. 134-159. - DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.11.
28. Tikhonova Zh. S. Regional aspects of the development of the greening management system in the production sector as an integral part of the economics of nature management / Zh. S. Tikhonova. - Text: direct // Bulletin of the Don State Technical University. - 2011. - Vol. 11, No. 1 (52). - P. 107-115.
29. Shcherbakov A. S. Personality management as part of the human capital assessment model / A. S. Shcherbakov. - Direct text // Humanitarian, socio-economic and social sciences. - 2023. - No. 1. - P. 217-219.
30. Shcherbakov A. S. Advantages of the actual model of human capital assessment for public administration purposes / A. S. Shcherbakov. - Direct text // Public administration. Electronic Bulletin. - 2023. - No. 98. - P. 96-113.
31. Abraham K. G. Measuring Human Capital / K. G. Abraham, J. Mallatt. - Direct text // Journal of Economic Perspectives. - 2022. - No. 36 (3). - P. 103-130. - DOI: 10.1257/jep.36.3.103.
32. Cayzer S. Design of indicators for measuring product performance in the circular economy / S. Cayzer, P. Griffiths, V. Beghetto. - Direct text // Int. J. Sustain. Eng. - 2017. - No. 10. - P. 289-298. - doi: 10.1080/19397038.2017.1333543.
33. CDP. - Text: electronic // CDP: [website]. - URL: <https://www.cdp.net/en/companies> (date of the application 03/25/2023).
34. Daly H. E. Ecological Economics and Sustainable Development, Selected Essays of Herman Daly / H. E. Daly. - Cornwall: MPG Books Ltd, 2008. - 288 rub. - Direct text.
35. DJSI/CSA Annual Review. - Text : electronic // S&P Global : [website]. - URL: <https://www.spglobal.com/esg/csa/djsi-csa-annual-review> (date of the application 03/30/2023).
36. E&S Disclosure QualityScore. - Text : electronic // ISS : [website]. - URL: <https://www.issgovernance.com/esg/ratings/environmental-social-qualityscore/> (date of the application 04/05/2023).
37. Environmental sustainability index: Benchmarking national environmental stewardship. New Haven / D. C. Esty, M. A. Levy, T. Srebotnjak, A. De Sherbinin. - Direct text // International Journal of Sustainability in Higher Education. - 2004. 38. ESG Data. - Text : electronic // Bloomberg Professional Services : [website]. - URL: <https://www.bloomberg.com/professional/product/esg-data/> (date of the application 04/17/2023).
39. ESG Ratings. - Text: electronic // MSCI: [website]. - URL: <https://www.msci.com/our-solutions/esg-investing/esg-ratings> (date of the application 03/30/2023).
40. Geng Y. Towards a national circular indicator economy system in China: an evaluation and critical analysis / Y. Geng, J. Fu, J. Sarkis, B. Xue. - Direct text // Journal of Cleaner Production. - 2012. - No. 23. - P. 216-224.
41. Guo-gang J. Empirical Analysis of Regional Circular Economy Development-Study Based on Jiangsu, Heilongjiang, Qinghai Province / J. Guo-gang. - Direct text // Energy Procedia. - 2011. - No. 5. - P. 125-129.
42. Heshmati A. A Review of the Circular Economy and its Implementation / A. Heshmati. - URL: <http://ftp.iza.org/dp9611.pdf> (date of the application 08/13/2024). - Text: electronic.
43. Jia C. Evaluation of Regional Circular Economy Based on Matter Element Analysis / C. Jia, J. Zhang. - Direct text // Procedia Environmental Sciences. - 2011. - No. 11. - P. 637- 642. 44. Kirchherr J. Conceptualizing the circular economy: An analysis of 114 definitions / J. Kirchherr, D. Reike, M. Hekkert. - Direct text // Resources, Conservation and Recycling. - 2017. - No. 127. - P. 221-232. - DOI: 10.1016/j.resconrec.2017.09.005.
45. Korhonen J. Circular Economy: The Concept and its Limitations / J. Korhonen, A. Honkasalo, J. Seppälä. - Direct text // Ecological Economics. - 2018. - No. 143. - P. 37-46. - DOI: 10.1016/j.ecolecon.2017.06.041.
46. Maier H. Wachstum aus der Sicht der ökologischen Ökonomie / H. Maier. - Marburg: Metropolis-Verl, 1999. - 480 p. - Direct text.
47. Prugh T., Costanza R., Daly H. E. The Local Politics of Global Sustainability / T. Prugh, R. Costanza, H. E. Daly. - Covelo: Island Press, 1999. - 196 rub. - Direct text.
48. RepRisk methodology overview. - Text : electronic // RepRisk : [website]. - URL: <https://www.reprisk.com/news-research/resources/methodology> (date of the application 04/05/2023).
49. Ruiter C. The Circular Economy Performance Index / C. Ruiter. - Text: electronic // URL: <http://dspace.library.uu.nl/handle/1874/337188/> (date of the application 08/13/2024).
50. The little green data book 2012. - Text: electronic // WORLD BANK GROUP: [website]. - URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documentst-reports/documentdetail/561691468157528320/the-little-green-data-book> (date of the application 09/23/2024).

Территориальная доступность общего образования: факторы и риски

Тищенко Алексей Сергеевич

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Центр экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС, tishchenko-as@ranepa.ru

Новикова Светлана Евгеньевна

научный сотрудник, Центр экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС, novikova-se@ranepa.ru

Токарева Галина Световна

научный сотрудник, Центр экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС, tokareva-gs@ranepa.ru

В статье рассмотрены проблемы, факторы и риски территориальной доступности детских садов и школ. Информационная база включает сведения Федеральной службы государственной статистики, статистические данные Министерства просвещения Российской Федерации, а также результаты социологического исследования Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований РАНХиГС. Дана оценка доли детей дошкольного возраста, не посещающих детский сад. Представлены мнения о значимости факторов выбора школы, включая близость к дому, а также оценки продолжительности пути до нее. Приведены данные о доле обучающихся, обеспеченных подвозом в школу, от числа нуждающихся в транспортном обслуживании. Представлены результаты опроса представителей домохозяйств, чьи дети посещают негосударственные образовательные организации. Выявлено, что основными факторами, определяющими выбор государственной образовательной организации, являются удобство расположения, высокий уровень профессионализма педагогического коллектива, хорошая репутация школы среди родительской общественности. Выбор негосударственной образовательной организации в первую очередь обусловлен обеспечением хорошего качества образования.

Ключевые слова: дошкольное образование, общее образование, доступность образования, территориальное планирование

Введение

Одна из национальных целей развития России заключается в повышении качества общего образования до уровня мировых лидеров. Нацпроект «Образование» предусматривает обеспечение возможности получать качественное общее образование в условиях, отвечающих современным требованиям, независимо от места проживания. Доступность качественного общего образования зависит от развитости инфраструктуры и наличия необходимого числа компетентных педагогических кадров. В рамках нацпроекта «Образование» с 2019 по 2024 гг. должно быть создано чуть более 1 млн мест в общеобразовательных организациях, в том числе расположенных в сельской местности и поселках городского типа. Кроме того, поставлена задача обеспечить полную доступность дошкольного образования.

На территориальную доступность дошкольного и общего образования влияют следующие факторы: строительство, реконструкция и эксплуатация объектов образования (обеспеченность учебными помещениями); демографические и миграционные процессы (изменение численности детей); кадровый потенциал системы образования; образовательно-профессиональные траектории обучающихся; развитие частного сектора; организации, осуществляющие обучение (реализация образовательных программ в качестве дополнительного вида деятельности).

Учет перечисленных выше факторов в региональных и муниципальных системах образования будет способствовать обеспечению территориальной доступности образовательных организаций общего образования и дополнительного образования детей.

На региональном уровне реализуются проекты строительства и модернизации детских садов и школ, что позволяет обеспечить потребность в местах и повышает территориальную доступность образования. Современные требования к их транспортно-пешеходной доступности определяются санитарными требованиями и градостроительными нормативами. В санитарных требованиях установлены следующие нормы транспортно-пешеходной доступности детских садов и школ: не более 500 м, в условиях стесненной городской застройки и

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

труднодоступной местности – 800 м, для сельских поселений – до 1 км; при расстояниях, свыше указанных, транспортное обслуживание на расстоянии не более 30 км в одну сторону [1].

Региональные нормативы градостроительного проектирования включают показатели максимально допустимого уровня территориальной доступности объектов дошкольного и общего образования, определяя радиус обслуживания по расстоянию и (или) времени транспортно-пешеходного пути. Так, в Москве радиусы обслуживания зависят от типа жилой застройки и административного округа [2]. Для зданий многоквартирной жилой застройки: расстояние до детского сада в Центральном административном округе (далее – ЦАО) должно быть не более 500 м, в других административных округах столицы – 300 м, расстояние от школ в ЦАО – 750 м, в других округах – 500 м. Для зданий индивидуальной, блокированной жилой застройки в Троицком административном округе время в пути до школ и детских садов должно быть не более 20 мин., в других округах – 15 мин.

ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС в сентябре 2023 г. проведено социологическое исследование, в ходе которого в числе других актуальных проблем представителями домохозяйств была дана оценка территориальной доступности образовательных организаций общего образования, включая дошкольный уровень, и дополнительного образования детей.

В 2023 г. в анкетном опросе приняли участие родители (законные представители) учащихся государственных и муниципальных школ Свердловской области, Алтайского и Ставропольского краев. Объем выборочной совокупности составил 1952 респондента [3]. В 2024 г. был проведен анкетный опрос родителей (законных представителей) обучающихся негосударственных образовательных организаций (далее – НОУ) Ивановской области, Краснодарского и Ставропольского краев. В выборку были включены родители учащихся школ (1202 респондента) и воспитанников детских садов (273 респондента). Опросы позволили выявить мнение семей о значимых для родителей обучающихся вопросах состояния и развития системы образования.

Проблемы территориальной доступности образовательных организаций

В системе дошкольного образования можно выделить следующие риски территориальной доступности: не обеспечена полная доступность дошкольного образования; транспортно-

пешеходная доступность дошкольных образовательных организаций (далее – ДОО) не соответствует санитарным требованиям и градостроительным нормам; возникновение избытка мест превышает дополнительную потребность при пиковой нагрузке с учетом ожидаемого роста численности целевого контингента.

Согласно результатам выборочного наблюдения Росстата, в 2023 году среди детей в возрасте от 3 до 8 лет, не обучающихся в общеобразовательной организации (включая обучение на дому или в медицинской организации), 13,3% детей не посещали ДОО [4]. Причины непосещения распределились следующим образом: 60,6% – родители предпочитают домашнее воспитание (дома ребенку лучше), 11,4% – по состоянию здоровья, 6,5% – отсутствие мест в доступных ДОО, 5,1% – нет ДОО поблизости, 1,6% – плохое качество услуг в доступных ДОО, 1,1% – высокая оплата, 13,7% – другие причины. Получается, что в 14,3% услуги ДОО были недоступны или не отвечали запросам семей по предоставляемому качеству (см. табл. 1).

Таблица 1
Причины непосещения ДОО детьми в возрасте от 3 лет, по типам территорий (%)

Наименование показателя	Всего	Город	Город от 1 млн чел.	Село
В связи с недоступностью и низким качеством услуг:	14,3	12,0	10,2	19,7
отсутствие мест в доступных ДОО	6,5	5,9	5,9	7,8
нет ДОО поблизости	5,1	3,0	0,9	10,1
плохое качество услуг в доступных ДОО	1,6	1,7	3,5	1,3
высокая оплата	1,1	1,4	0,0	0,5
Прочие причины:	85,7	88,0	89,8	80,3
родители предпочитают домашнее воспитание (дома ребенку лучше)	60,6	61,4	61,2	58,8
по состоянию здоровья	11,4	13,7	26,0	5,9
другие причины	13,7	12,9	2,5	15,6

Источник: составлено авторами на основе [4]

Как следует из данных, 1,9% детей в возрасте от 3 лет не посещали ДОО в связи с недоступностью, а также качеством услуг, не отвечающим запросам семей. В небольших городах этот показатель составил 1,5%, в городах с численностью жителей более 1 млн чел. – 1,3%, в селах – 3,3%, что примерно в два раза выше, чем в городах (см. рис. 1). Согласно результатам выборочного наблюдения Росстата, для некоторых семей услуги ДОО оказались недоступными поблизости от дома, что может указывать на несоответствие требованиям к транспортно-пешеходной доступности ДОО на некоторых территориях [4].

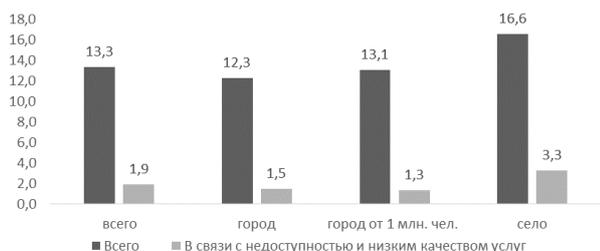

Рисунок 1. Доля детей дошкольного возраста, не посещающих детский сад (%)

Источник: составлено авторами на основе [4]

В системе общего образования можно выделить следующие риски территориальной доступности: недостаточная обеспеченность школ учебными помещениями; транспортно-пешеходная доступность школ не соответствует санитарным требованиям и градостроительным нормам; подвоз в школу не обеспечен для всех нуждающихся в транспортном обслуживании; обеспеченность школ учебными помещениями превышает дополнительную потребность при пиковой нагрузке с учетом ожидаемого роста численности целевого контингента и обучения в одну смену.

Если рассмотреть показатель подвоза в школу, то, согласно данным Минпросвещения России [5], численность обучающихся, нуждающихся в подвозе в общеобразовательную организацию и (или) обратно, в целом по Российской Федерации в 2023 г. составляла 1 144 979 чел., в том числе в городах – 328 001 чел., в селах – 816 978 чел. (в 2022 г. – 1 130 161 чел., в городах – 322 142 чел., в селах – 808 019 чел.). Доля обучающихся, охваченных подвозом в школу, от числа нуждающихся в транспортном обслуживании в 2023 г. составила 93,4%, в городах – 90,0%, в селах – 94,8% (в 2022 г. – 92,0%, в городах – 87,9%, в селах – 93,7%). Таким образом, в 2023 г. не были обеспечены подвозом 6,6% школьников из числа нуждающихся (8% в 2022 г.). В городах этот показатель выше (10%), чем в селах (5,2%). Численность нуждающихся в транспортном обслуживании в городах в 2,6 раза меньше, чем в селах (см. рис. 2).

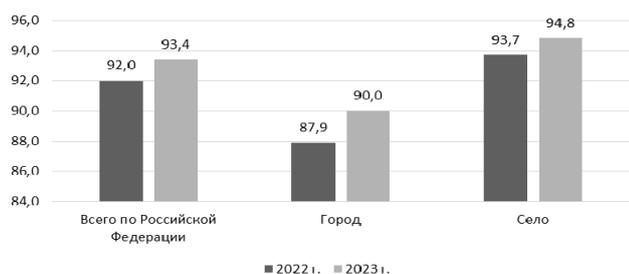

Рисунок 2. Доля обучающихся, охваченных подвозом в школу, от числа нуждающихся в транспортном обслуживании в 2022-2023 гг. (%)

Источник: составлено авторами на основе [5]

Территориальная доступность образовательных организаций в оценке родителей обучающихся

Как показал социологический опрос родителей учащихся общеобразовательных организаций, проведенный ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС в 2023 г., фактор территориальной доступности школы имеет наибольшее значение для семей – такой ответ дали 60,9% респондентов. Далее следуют: высокий уровень профессионализма педагогического коллектива (57,3%), репутация образовательной организации среди родительской общественности (31,6%) (см. рис. 3).

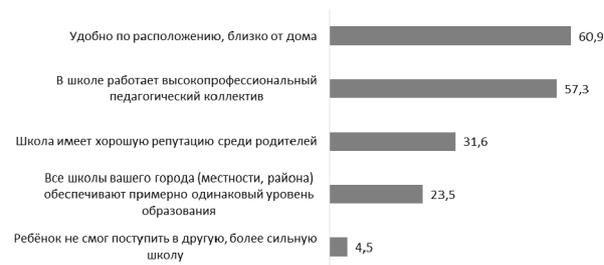

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чем обоснован выбор школы, в которой обучается ребенок?»

Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса [3]

Из числа семей, указавших значимость фактора территориальной доступности школы, удобство расположения школы оказалось более важным для жителей региональных столиц (64,6%), для родителей учащихся 5-9-х классов (69,3%), а также для родителей, оценивающих школу как «обычную», «среднюю» (69%). Менее важным этот фактор оказался для жителей сельских поселений (59%), для родителей учащихся 10-11-х классов (43,5%), а также для родителей, оценивающих школу как одну из лучших (38,6%).

Согласно результатам социологического исследования, путь ребенка до школы среди семей, выбравших общеобразовательную организацию по удобству расположения, занимает до 15 минут – 49,1% респондентов (в целом по выборке – 44,9%); от 15 до 30 минут – 50,4% (в целом по выборке – 53,4%); от 30 минут до 1 часа – 0,5% (в целом по выборке – 1,7%) (см. рис. 4).

Из числа семей, выбравших школу по удобству расположения, 68,8% родителей сообщили о том, что ребенок обучается в первую смену (в целом по выборке – 71,3%), 31,2% – во вторую смену (в целом – 28,7%) (см. рис. 5).

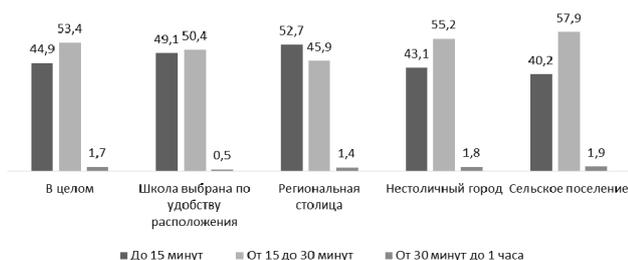

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Сколько времени ребенок добирается в школу?», из числа респондентов, отметивших удобство расположения (%)
 Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса [3]

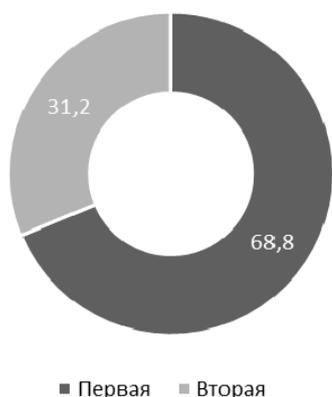

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какая смена обучения у Вашего ребенка в школе?» (%)
 Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса [3]

На вопрос о том, удобен ли режим обучения в ту смену, в которую обучается ребенок, 69,9% семей из числа выбравших школу по удобству расположения, ответили «скорее да» (в целом по выборке – 71,8%), 30,1% – «скорее нет» (в целом по выборке – 28,2%). При этом 99% из числа семей, чьи дети обучаются в первую смену (вне зависимости от фактора выбора школы по удобству расположения), отметили, что первая смена для них удобна (см. рис. 6).

Рисунок 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Удобно ли ребенку и Вам обучение в эту смену?» (%)
 Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса [3]

Рассматривая состояние зданий и помещений школы, в которой обучается ребенок, в контексте необходимости ремонта, 19,9% семей по выборке в целом высказали мнение о том, что школе требуется существенный ремонт, и 20,9% из числа семей, выбравших школу по удобству расположения. Реже отмечали необходимость существенного ремонта жители региональных столиц (13,3%), а также родители учащихся школ с углубленными учебными курсами (6,2%). О том, что ремонт не требуется, по выборке в целом сообщили 41,7% опрошенных семей. Чаще это отмечали жители региональных столиц (52,6%), родители учащихся школ с углубленными учебными курсами (75,3%). Из числа семей, выбравших школу по удобству расположения, 36,9% родителей считают, что необходимости в ремонте нет, а 42,2% – что требуется незначительный ремонт (см. рис. 7).

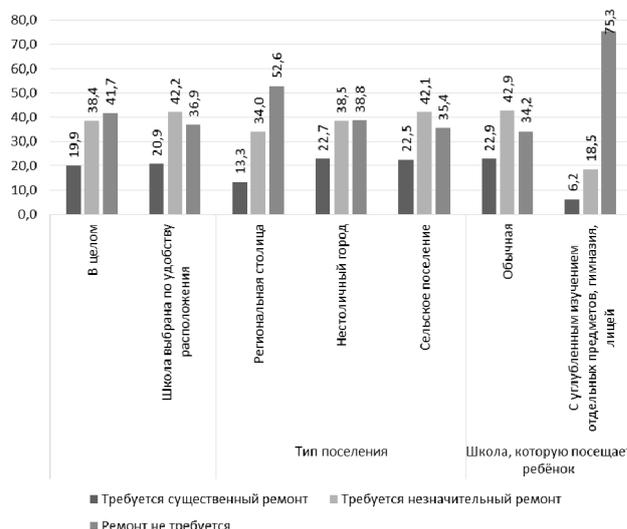

Рисунок 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На Ваш взгляд, требуется ли ремонт школьного здания, классов и помещений школы?», по отдельным группам респондентов (%)
 Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса [3]

Рассматривая материально-техническую базу школы, в которой обучается ребенок, семьи высказали мнение об уровне оснащения техникой и оборудованием. О том, что школа оснащена на хорошем уровне, сообщили по выборке в целом 51,7% опрошенных родителей, а из числа семей, выбравших школу по удобству расположения, их доля составила 44,2%. Чаще хорошее оснащение школы отмечали жители региональных столиц (60,5%), родители учащихся школ с углубленными учебными курсами (81,2%). О том, что школа оснащена на среднем уровне, отметили 46,2% опрошенных по выборке в целом. Чаще средний уровень осна-

щения школы техникой и оборудованием отметили семьи, выбравшие школу по удобству расположения (52,7%), а также родители учащихся «обычных» школ (52%) (см. рис. 8).

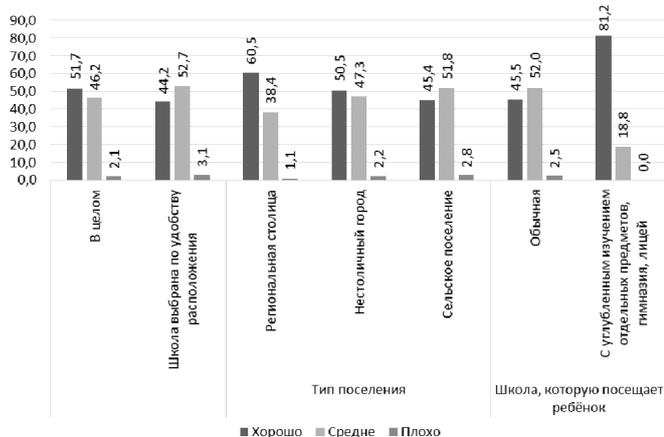

Рисунок 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько школа укомплектована необходимой техникой и оборудованием?», по отдельным группам респондентов (%)
Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса [3]

Абсолютное большинство опрошенных (97%) готовы рекомендовать школу, в которой обучается их ребенок, другим семьям, при этом 43% сообщают об этом с полной степенью уверенности (см. рис. 9). Чаще выражают готовность рекомендовать свою школу жители сельской местности (98%), а также представители домохозяйств, чьи дети обучаются в гимназиях, лицеях, школах с углубленным изучением отдельных предметов (99%).

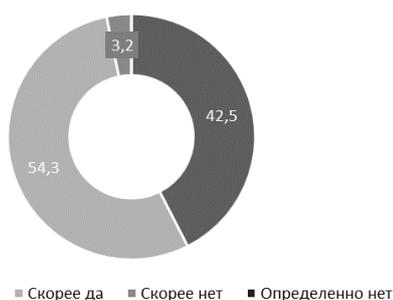

Рисунок 9. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Могли бы Вы рекомендовать другим семьям школу, которую посещает ребенок?» (%)
Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса [3]

Выбор семьями частного образования

В условиях смены демографических и миграционных трендов, изменения спроса на образовательные услуги, наличия определенных проблем в территориальном планировании представляется актуальным рассмотрение запросов семей на услуги негосударственного сектора образования. С этой целью в 2024 г. был проведен

социологический опрос родителей воспитанников и учащихся негосударственных образовательных организаций – детских садов и школ.

Большинство опрошенных (58%) представителей домохозяйств, чьи дети обучаются в частных школах, сообщили, что перед поступлением в школу не рассматривали другие варианты школ; 52% респондентов рассматривали другие школы, в том числе поступление в государственную школу (17%) или другую частную школу (35%).

Согласно ответам родителей учащихся частных школ, основными факторами выбора школы стали: хорошее качество образования (61%), хорошее отношение к детям (52%), современные методики обучения (40%) (см. рис. 10). Об удобстве расположения школы в качестве фактора выбора школы сообщили 27% опрошенных родителей, и чаще – это родители первоклассников (34% среди них) или учащихся 4-го класса (39%), а также родители учащихся в основном на удовлетворительные отметки (43%).

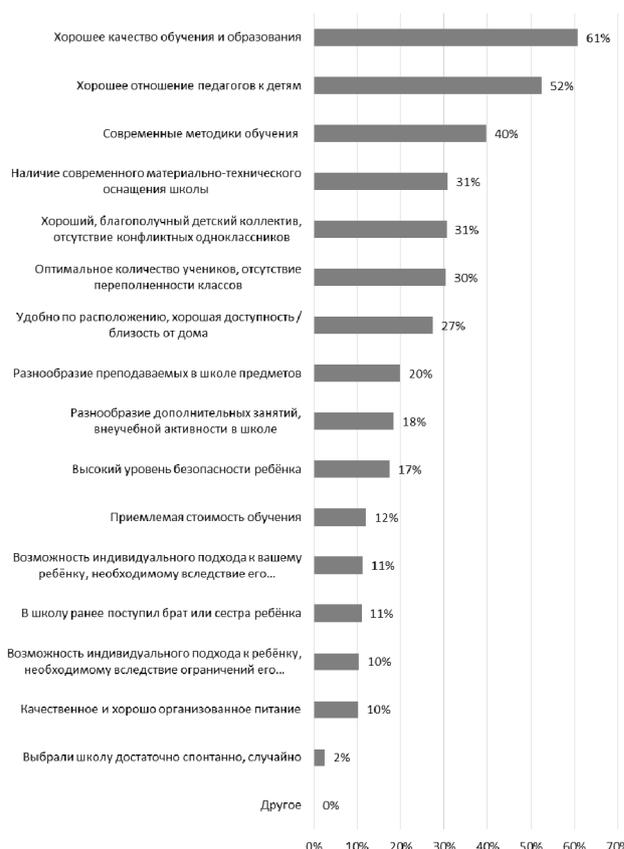

Рисунок 10. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чем был, в первую очередь, обусловлен выбор той школы, в которой сейчас учится ребенок?», не более четырех ответов (%)
Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса

Родители детей, чьи дети в настоящий момент посещают частный детский сад, в первую

очередь к основаниям для выбора школы в будущем отнесли хорошее качество образования и современные методики обучения (см. рис. 11).

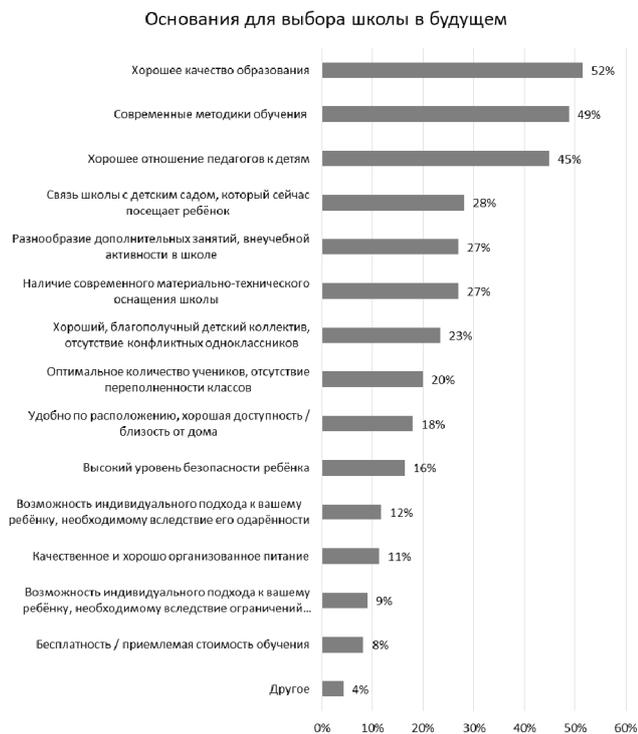

Рисунок 11. Распределение ответов респондентов на вопрос: «На что, в первую очередь, вы будете ориентироваться при выборе школы для поступления ребенка?», не более четырех ответов (%)

Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса

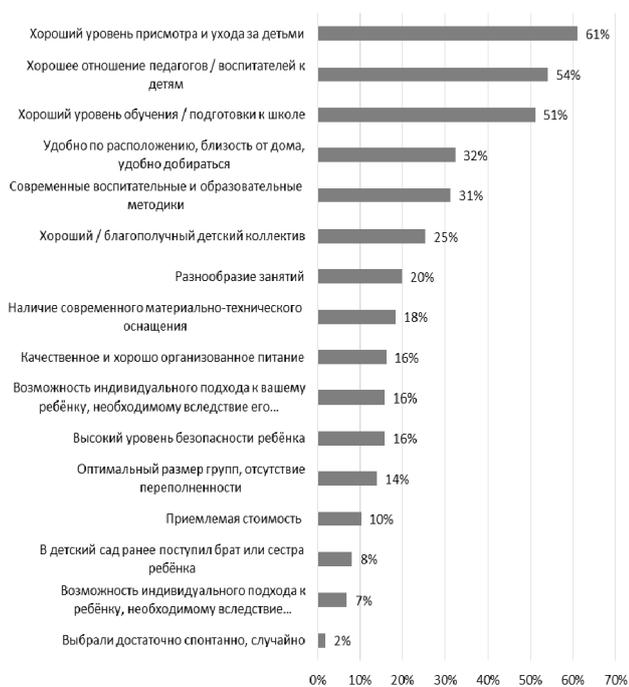

Рисунок 12. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Чем был, в первую очередь, обусловлен выбор детского сада, которой сейчас посещает ребенок?», не более четырех ответов (%)

Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса

В числе основных факторов выбора частного детского сада был отмечен хороший уровень присмотра и ухода за детьми (61%), а также хорошее отношение воспитателей к детям (см. рис. 12). Об удобстве расположения как факторе выбора детского сада сообщила треть респондентов (32%).

Если сравнивать ожидания от школы при поступлении с тем, что семьи наблюдают в ходе обучения ребенка, то большинство родителей (63%) сообщили, что ожидания соответствуют реальности. Чаще о соответствии говорили респонденты, отметившие в качестве фактора выбора школы удобство расположения (72%), приемлемую стоимость обучения (75%), а также наличие опыта обучения в данной школе брата или сестры (75%).

Большинство опрошенных родителей (71%) сообщили, что отвозят ребенка в школу на машине, и чаще это родители учащихся начальных классов (82%). Пятая часть респондентов (19%) отметила, что ребенок добирается до школы пешком, и чаще это относится к старшеклассникам (27%); десятая часть (10%) — на общественном транспорте, и чаще это учащиеся средней школы (16%) и старших классов (29%) (см. рис. 13).

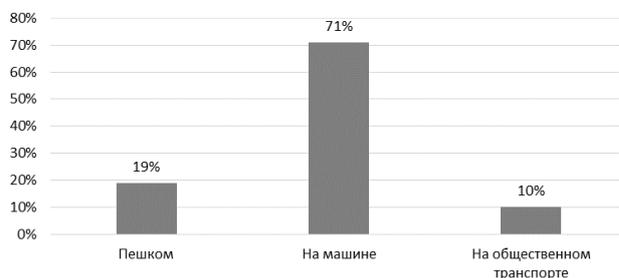

Рисунок 13. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как правило, ребенок добирается в школу?» (%)

Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса

По информации семей, у большинства (68%) время на дорогу от дома до школы занимает менее 15 минут, чаще — среди тех, кто проживает в нестоличных городах (76%). У 29% время на дорогу до школы составляет от 15 до 30 минут, чаще — в областных центрах (33%), а для 3% дорога занимает более 30 минут.

Что касается дороги от дома до дошкольной образовательной организации, то большинство опрошенных родителей (76%) сообщили, что семья отвозит ребенка в детский сад на машине, пешком добираются 21%, на общественном транспорте — 4% (см. рис. 14). Для большинства респондентов (66%) время на дорогу от дома до детского сада занимает менее 15

минут, у 33% – от 15 до 30 минут, а для 1% – более 30 минут.

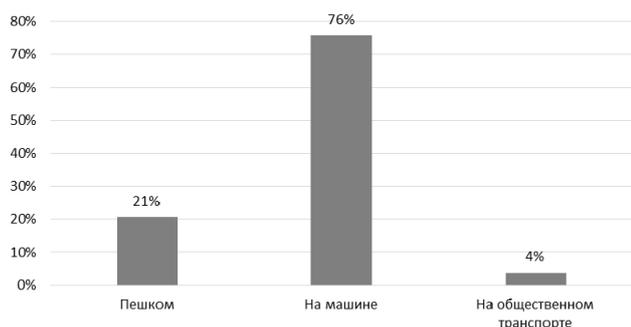

Рисунок 14. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как правило, ребенок добирается в детский сад» (%)
Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса

Абсолютное большинство опрошенных родителей (96%) сообщили об удобстве расположения школы, о неудобстве высказали мнение лишь 4%, и чаще – это респонденты, проживающие в областных центрах (6%); респонденты, которые не оценивают школу, в которой обучается ребенок, как одну из лучших (24%); а также опрошенные родители, чей ребенок добирается до школы на общественном транспорте (12%).

Абсолютное большинство опрошенных (83%) не рассматривают возможность смены школы в ближайшие один-два года. О планах сделать это сообщили 10%, высказали предположение о такой возможности 6% респондентов. Чаще о планах сменить школу сообщалось в семьях с высоким уровнем материальной обеспеченности семьи (16%), общественного положения (17%) и высоким уровнем жилищных условий (17%), родителями учащихся начальных классов (15%). Такое же мнение высказывали респонденты, сообщавшие о неудобстве дороги до школы (24%), а также родители, считающие, что школа не сможет обеспечить подготовку к сдаче экзаменов без дополнительных занятий на высокие результаты (24% и 21% соответственно).

Рисунок 15. Распределение ответов на вопрос: «Чем, в первую очередь, обусловлены Ваши планы сменить школу?» (%)
Источник: составлено авторами на основе проведенного опроса

К основным факторам для смены школы были отнесены предполагаемый переезд в другой город или район (57%), а также желание найти более удобную по расположению школу (15%) (см. рис. 15).

Заключение

Проведенное социологическое исследование показало, что в большинстве случаев организации общего образования государственной/муниципальной форм собственности расположены недалеко от места проживания семьи. Вместе с тем для некоторых домохозяйств удаленность школ, вероятно, превышает нормативы транспортно-пешеходной доступности, в том числе среди выбравших общеобразовательную организацию по удобству расположения.

Для семей, чей ребенок получает образование в негосударственной образовательной организации, удобство расположения не стало преобладающим фактором, определившим такой выбор. К числу основных причин выбора семьями частного детского сада был отнесен высокий уровень, по наблюдениям респондентов, присмотра и ухода за детьми, а также хорошее отношение воспитателей к детям. В числе наиболее значимых факторов выбора негосударственной школы было отмечено обеспечение высокого качества образования, а также хорошее отношение учителей к учащимся.

Литература

1. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28 сентября 2020 г. N 28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012210122?ysclid=lwesbyfyuv926597961> (дата обращения: 17.09.2024).

2. Постановление Правительства Москвы от 21 декабря 2021 года N 2151-ПП «Об утверждении нормативов градостроительного проектирования города Москвы в области образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/727795424> (дата обращения: 17.09.2024).

3. Мониторинг школьного образования – 2023: база данных. РАНХиГС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://new.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2023624

724&TypeFile=html (дата обращения: 17.09.2024).

4. Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, действия занятости населения 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2023/index.html (дата обращения: 17.09.2024).

5. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности общеобразовательной организации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (дата обращения: 17.09.2024).

Territorial accessibility of general education: factors and risks

Tishchenko A.S., Novikova S.E., Tokareva G.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

The article examines the problems, factors and risks of territorial accessibility of kindergartens and schools. The information base includes data from Rosstat, statistical data from the Russian Ministry of Education, and the results of a sociological study by the Centre for Economic and Social Research of the Russian Academy of National Economy and Public Administration. It estimates the proportion of preschool children who do not attend kindergarten. Opinions on the importance of school choice factors, including proximity to home, and estimates of travel time to school are presented. Data are presented on the proportion of pupils who are provided with a ride to school as a proportion of those in need of transport services. The article presents the results of a survey of household representatives whose children attend non-state educational organizations. It was found that the main factors determining the choice of a state educational organization are convenient location, high level of professionalism of the teaching staff, and good reputation of the school among the parent community. The choice of a non-state educational organization is primarily determined by ensuring good quality of education. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Keywords: preschool education, school education, accessibility of education, territory planning

References

1. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of September 28, 2020 N 28 "On approval of sanitary rules SP 2.4.3648-20 "Sanitary and epidemiological requirements for organizations of education and training, recreation and health improvement of children and youth" [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012210122?ysclid=lwesbyfyuv926597961> (date of application: 17.09.2024).
2. Resolution of the Government of Moscow dated December 21, 2021 N 2151-PP "On approval of urban planning standards for the city of Moscow in the field of education" [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/727795424> (date of application: 17.09.2024).
3. Monitoring of school education – 2023: database. RANEPА [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://new.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=DB&DocNumber=2023624724&TypeFile=html (date of application: 17.09.2024).
4. Selective monitoring of the quality and availability of services in the areas of education, health care and social services, assistance to employment of the population 2023 [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2023/index.html (date of application: 17.09.2024).
5. Information on the federal statistical observation form No. ОО-2 "Information on the material, technical and information base, financial and economic activities of a general education organization" [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu (date of application: 17.09.2024).

Финансовый суверенитет и экосистемность на рынке финансовых услуг в России

Зубкова Светлана Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, zubkovasv@inbox.ru

Предмет/тема. Статья посвящена вопросам повышения финансового суверенитета России в условиях развития экосистем и экосистемности на рынке финансовых услуг с учетом потенциальных системных рисков как для экономики в целом, так и локальных рисков на уровне отдельных кредитных и финансовых организаций.

Цели/задачи. Развитие экосистемности на рынке финансовых услуг способствует расширению аутсорсинга. Несмотря на явно положительное влияние в виде оптимизации расходов, гибкости, инновационности и операционной устойчивости, аутсорсинг генерирует значительные риски, связанные с отношениями третьих сторон в процессе обслуживания. Финансовые учреждения, особенно участники экосистемы, могут рассчитывать на сторонних поставщиков услуг, при этом среди них могут оказаться критически важные операции или услуги, что в результате может способствовать снижению финансового суверенитета страны. С учетом активного внедрения финансовых услуг на базе глобальных технологических платформ – главных игроков на рынке экосистем-риски развития экосистемности на рынке финансовых услуг также могут оказать негативное влияние на суверенные риски.

Методология. При написании работы применялись общенаучные методы исследования.

Вывод. Развитие экосистем и экосистемности на рынке финансовых услуг может привести к росту системных рисков и снижению финансового суверенитета, что требует повышения качества регулирования как цифровых платформ, на базе которых функционируют экосистемы, так антимонопольного законодательства.

Ключевые слова: экосистемы, финансовый суверенитет, платежный суверенитет, риски экосистемности на рынке финансовых услуг, банковские кредитные организации.

При всех позитивных сторонах, присущих экосистемам, их укрупнение, особенно в области финансовых решений, может генерировать системные риски как для экономики в целом, так и приводить к локальным рискам на уровне отдельных кредитных организаций.

Развитие экосистемности на рынке финансовых услуг – это новое направление развития экосистем, поэтому основательных исследований, особенно среди отечественных ученых, пока недостаточно. В основном эта проблематика освещена в научных трудах таких зарубежных ученых и практиков, как: С.А. Андришин [1], М. Карней [2], Н. Валенцева, М. Чессел, т. Мунро, Дж. Мароус, С. Бьюкерер, Дж. Шлотман [3], С. Гошал, Д. Драново, Д. Эмери, Р. Мертон, Г. Минцберг и др. в контексте развития банковских экосистем, что в современных реалиях неполностью отражает современные тренды.

Специалисты Всемирного банка выделяют несколько источников возникновения рисков развития экосистем, которые объединены в следующие блоки:

- экономический;
- безопасность;
- данные;
- социальный;
- климатический.

В процессе функционирования экосистем названные источники рисков могут трансформироваться в структурно-композиционные, технологические и системные риски.

Условия генерации рисков обусловлены рядом обстоятельств:

- цифровой зависимостью участников друг от друга. Любой сбой в работе одного участника может вызвать цепочку сбоев для всех других. Более того, с учетом консолидации участников и использовании облачных технологий риски могут достичь критического уровня;
- тесной интеграцией с социальными сетями, которая может активно влиять на поведение потребителей. Учитывая огромную скорость обмена информацией, охвата и возможностей социальных сетей риски для потребителей услуг могут представлять серьезную угрозу, при отсутствии действенного механизма предотвращения таких рисков.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы, выполняемой по заказу Правительства Российской Федерации ПИ-18 № 1023032700534-8-5.2.4

На данном этапе можно констатировать, что регулирование возникающих рисков существенно отстает от темпов развития экосистем, что обуславливает потребность в принятии срочных мер как со стороны регуляторов, так и самих участников экосистем.

Банк России выделяет несколько видов рисков, связанных с развитием экосистем банкоцентричного типа. К их числу относятся: «бизнес-риски (в том числе стратегические), риски накопления иммобилизованных активов, операционные (включая киберриски), а также риски вынужденной поддержки» [4].

Участие в экосистеме усиливает, в первую очередь, операционный риск участника любого сегмента финансового рынка. Необходимость координации между участниками, отсутствие у банка достаточного контроля за действиями партнеров, сложной архитектуры информационных технологий и бизнес-процессов усиливает операционные риски в первую очередь именно кредитных организаций. Открытые платформы «не позволяют банкам в полной мере обеспечить защиту персональных данных клиентов, а также безопасность своих собственных информационных систем» [5].

Особую роль в развитии регулирования и управления операционным риском в ближайшем будущем практически во всем мире будут играть новые тенденции развития экосистем, такие как интеграция и взаимосвязанность всех приложений и участников экосистемы, а также внедрение искусственного интеллекта. Указанные технологии уже сейчас позволяют финансовым институтам существенно улучшить свои услуги, например, развивать рободвайзер, создавать приложения, позволяющие контролировать бюджет и управлять расходами. Но по мере развития экосистем специфические риски участников финансового рынка могут сильно вырасти за счет рисков развития самых современных технологий, и в итоге могут угрожать стабильности всей финансовой системе, т.е. привести к системному риску.

Помимо системных рисков, экосистемы на рынке финансовых услуг генерируют: риски нормативного и налогового регулирования; риски выживания только крупных и влиятельных компаний на фоне конкуренции; риски чрезмерной фрагментации и риски потери суверенитета, особенно в условиях зависимости от иностранных поставщиков; риски незрелости экосистем, как источник нестабильности финансовой системы. Некоторые сервисы в рамках развития экосистем могут опережать регулирование, как, например, BNPL-сервисы, развитие «мини-займов» и рассрочки платежей

и других технологий требует от регуляторов информирования клиентов, проверки их платежеспособности и уровня процентных ставок.

В зависимости от выбора стратегии развития экосистема «может стать как драйвером роста, так и экзистенциальной угрозой, когда действующие банки, бездумно развивая экосистемы, рискуют «уничтожить» свой основной бизнес, утратив возможности, которые создавались десятилетиями» [6].

Инновационные технологии позволяют экосистемам все более активно внедрять встроенные финансовые услуги, которые становятся не только основным драйвером развития финансовых услуг на рынке, но и новым источником рисков [7].

Современные клиенты активно используют экосистемы для решения своих повседневных и финансовых потребностей, что приводит к необходимости развития бесшовных и интегрированных финансовых решений.

Границы между электронной коммерцией, торговыми площадками, финансовыми услугами и кредитованием все больше пересекаются. В целях улучшения сервиса платформы электронной коммерции интегрируют банковские продукты, а банки встраивают свои решения в эти платформы.

Возможность встроить финансовые услуги, такие как платежи и кредитование, в нетрадиционные финансовые и нефинансовые платформы, позволяет клиентам получать доступ к финансовым решениям с минимальными трудностями в момент необходимости.

Встроенные финансы уже назвали трендом 2023 г, а рынок встроенного финансирования «к 2026 году ЕФ «превысит 7 триллионов долларов США от общего объема финансовых транзакций в США» (увеличившись с 2,6 триллиона долларов США в 2021 году) . Как описывает Саймон Тейлор (в своем информационном бюллетене от 4 июня 2023 года «Fintech Brain Food – The Future of Embedded Finance»), «все финансы становятся встроенными». ЕФ полностью интегрирован с потребительскими тенденциями и путешествиями. Скоро вопрос будет уже не в том, какое финансирование встроено, а в том, какое нет» [8].

Неконтролируемое развитие встроенного финансирования приводит к повышению не только рисков для участников и организаторов экосистем, но и может привести к реализации рисков для кредиторов и вкладчиков, финансовой стабильности в целом.

Финтехкомпании и другие участники экосистемы могут использовать данные банковских

счетов через открытые соединения (API). В современном экономическом и технологическом пространстве постоянно возникают различные технологии взаимодействия с потребителями, что приводит к расширению операционных рисков, появлению таких подвидов операционного риска, с которыми никогда не сталкивалась кредитная организация. Платформа, на которой выстраивается экосистема, содержит значительное количество персональной информации потребителей и участников экосистемы, возникают риски перекрестного использования этой информации. Появление все новых точек соприкосновения между участниками экосистем приводит к росту специфических рисков, растущих быстрее, чем сами экосистемы. При росте количества поставщиков услуг в экосистеме увеличивается вероятность появления в системе безопасности возможности несанкционированного доступа и несанкционированным транзакциям. Развитие технологии «Знай своего клиента» по единым стандартам и использованием общих программных средств может привести к нарушению требований комплаенса и соответствующим рискам. Единая точка входа при хакерской атаке может привести к реализации киберриска у всех участников экосистемы. Важным аспектом может стать развитие ложного чувства безопасности у всех участников экосистемы, а также уверенности в получении правильной информации из централизованного источника.

Непрерывной частью экосистемы являются сети передачи данных, создающие непрерывную связь всех участников экосистемы между собой. Значительное количество участников экосистемы взаимодействует друг с другом за счет безопасных API соединений, нарушение технологии хотя бы одного из таких соединений приводит к возникновению рисков у всех участников экосистемы, причем эти риски могут увеличиваться с геометрической прогрессией у каждого участника. С другой стороны, наличие уже качественно созданных соединений и сетей у одного основного участника позволяет минимизировать операционные риски у других, вновь подключившихся партнеров.

Несмотря на то, что риски оказания потребителям финансовых услуг ненадлежащего качества уже давно являются проблемой регулирования, развитие новых технологий по доставке, типам платформ, способов распространения определяет новые вызовы перед регуляторами всех стран. Важно не допустить ухудшения качества услуг для потребителей и развития недобросовестных практик, основанных на новей-

ших технологиях. Риски попадания личных данных клиентов в открытый доступ или несанкционированным пользователям, или, например, риски сбоев систем, которыми потребители пользуются ежедневно, возникающие в процессе развития экосистем, накладывают особую ответственность как на сами экосистемы и их участников, так и на регулирующие органы.

Важным аспектом функционирования любой экосистемы является обеспечение платежей. В этой связи можно выделить три типа проблем, которые могут негативно сказаться на платежном, а следовательно и на финансовом суверенитете любой страны, включая Россию: доминирование иностранных игроков и потеря суверенитета в сфере платежей; доминирование цифровых валют иностранных юрисдикций и потеря монетарного суверенитета; потеря якорной роли денег государства в целом.

Отказ от платежей, генерируемых Apple Pay, Google Pay, а также введение санкций, сейчас играет в пользу финансового суверенитета Российской Федерации, минимизируя риски, которые возникали при монополизации рынка платежей данными крупными игроками, собирающими персональные данные по всему миру. Однако это не снимает проблему развития безопасных трансграничных платежей в международном экономическом пространстве.

Осознание проблем платежного суверенитета со стороны многих юрисдикций, таких как Китай, Индия, Европейский Союз и др., положительным образом будет способствовать реализации инициативы развития трансграничных платежей на базе межбанковской цифровой валюты.

Активное внедрение национальной цифровой валюты многими странами мира открывает широкие перспективы международного взаимодействия в сфере обеспечения внешнего суверенитета и нашей страны. Создание цифровой валюты и обеспечение интеграции национальных правил регулирования дружественных стран в единую систему позволит обеспечить проведение международных платежей минуя давление со стороны мировых монополий в данной сфере, что в свою очередь улучшит качество финансовых услуг в экосистемах.

В России много сделано для обеспечения со стороны государства контроля за платежным рынком, однако в условиях неизбежной международной интеграции в сложных санкционных условиях сейчас стоят более сложные задачи, обеспечить не внутренний финансовый суверенитет, а внешний, позволяющий взаимодействовать безопасно на рынке платежей с любой заинтересованной страной.

В настоящее время в России стоит задача – создать сервис мгновенных платежей, реализованный в форме карты или мобильного приложения, построенный на новой технологической основе, позволяющей не зависеть от международных платежных хабов. В России особенно остро стоит не только использование цифрового рубля в повседневной жизни граждан, но и, самое важное, перевод межбанковских операций на технологии распределенного реестра с использованием цифрового рубля. Организация на основе цифрового рубля межбанковских и мультивалютных платежей создаст базу для развития независимых трансграничных платежей, обеспечения суверенной безопасности каждой страны - участника создаваемой системы и эффективного функционирования процессинговых цепочек.

Развитие экосистемности на рынке финансовых услуг способствует расширению аутсорсинга. Несмотря на явно положительное влияние в виде оптимизации расходов, гибкости, инновационности и операционной устойчивости, аутсорсинг генерирует значительные риски, связанные с отношениями третьих сторон в процессе обслуживания. Финансовые учреждения, особенно участники экосистемы, могут рассчитывать на сторонних поставщиков услуг, при этом среди них могут оказаться критически важные операции или услуги, недобросовестное оказание которых может негативно отразиться на финансовом суверенитете страны в целом.

Обсуждая риски развития экосистемности на рынке финансовых услуг, нельзя не затронуть риски, которые могут возникать с учетом активного внедрения финансовых услуг на базе глобальных технологических платформ – главных игроков на рынке экосистем.

Приход крупных технологических компаний («больших технологий») в сферу финансовых услуг, с одной стороны, повышает доступность и эффективность на рынке финансовых услуг. При этом остро встает вопрос о необходимости обеспечить равные условия всем участникам рынка финансовых услуг, учитывая разнообразные модели.

В настоящее время пока не создана нормативная база, которая позволяет регулировать риски экосистем, поскольку они не в полной мере идентифицированы. Кроме того, не создан формальный кодекс поведения и профессиональной этики, не функционирует в полной мере механизм регуляторных песочниц. Стремительное развитие финтехкомпаний пока также не получило должной регуляторной поддержки.

В этой связи необходимо рассмотреть вопрос о создании упрощенной нормативной базы, позволяющей развивать использование широкого спектра инновационных технологий для обеспечения развития встроенного финансирования в рамках экосистемности на рынке финансовых услуг, включая внесение изменений в Закон о цифровых активах, принятие закона о цифровом соответствии участников экосистем и финансовых платформ и др.

Литература

1. Андрияшин С.А., Григорьев Р.А. (2021). Экосистемные банки: формы, риски и методы регулирования // Terra Economicus 19(4): 51–65. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-51-65
2. Carney, M. (2016), Enabling the FinTech transformation: Revolution, Restoration, or Reformation? Speech at the Lord Mayor's Banquet for Bankers and Merchants of the City of London at the Mansion House, London.
3. Kobler, D., Bucherer, S., and Schlotmann, J. Banking business models of the future 2016, <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/tw/Documents/financial-services/tw-banking-businessmodels-of-the-future-2016.pdf> (access date July 15, 2019).
4. Регулирование рисков участия банков в экосистемах и вложений в иммобилизованные активы Доклад для общественных консультаций. Банк России https://cbr.ru/content/document/file/131002/report_24112021.pdf
5. Why Do Most Business Ecosystems Fail? | BCG <https://www.bcg.com/publications/2023/exploring-digital-financial-ecosystem-opportunities>
6. Moore, J.R. Business ecosystems and the view from the firm / J.R. Moore // The Antitrust Bulletin. – 2006. – vol. 51(1). – P. 31-75. ISSN 0003-603X.
7. Torres, P., Godinho, P. Levels of necessity of entrepreneurial ecosystems elements / P. Torres, P. Godinho // Small Bus. Econ. – 2021. – 59. - 29–45.
8. Embedded Finance: risks, opportunities, and regulatory pathways – The Paypers <https://thepayers.com/expert-opinion/embedded-finance-risks-opportunities-and-regulatory-pathways--1263194>

Financial sovereignty and ecosystem in the financial services market in Russia

Zubkova S.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Subject/topic. The article is devoted to the issues of increasing Russia's financial sovereignty in the context of the development of ecosystems and ecosystems in the financial services market, taking into account potential systemic risks both for the economy as a whole and local risks at the level of individual credit and financial organizations.

Goals/objectives. The development of an ecosystem in the financial services market contributes to the expansion of outsourcing. Despite the clearly positive impact in the form of cost optimization, flexibility, innovation and operational sustainability, outsourcing generates significant risks associated with third-party relationships in the service process. Financial institutions, especially ecosystem participants, can rely on third-party service providers, while critical transactions or services may be among them, which as a result may contribute to reducing a country's financial sovereignty. Given the active introduction of financial services based on global technology platforms – the main players in the ecosystem market - the risks of ecosystem development in the financial services market may also have a negative impact on sovereign risks.

Methodology. When writing the work, general scientific research methods were used.

Conclusion. The development of ecosystems and ecosystems in the financial services market can lead to an increase in systemic risks and a decrease in financial sovereignty, which requires improving the quality of regulation of both digital platforms on the basis of which ecosystems operate and antimonopoly legislation.

Keywords: ecosystems, financial sovereignty, payment sovereignty, ecosystem risks in the financial services market, bank credit organizations.

References

1. Andryushin S.A., Grigoriev R.A. (2021). Ecosystem banks: forms, risks and methods of regulation // Terra Economicus 19(4): 51-65. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-4-51-65
2. Carney, M. (2016), Enabling the FinTech transformation: Revolution, Restoration, or Reformation? Speech at the Lord Mayor's Banquet for Bankers and Merchants of the City of London at the Mansion House, London.
3. Kobler, D., Bucherer, S., and Schlotmann, J. Banking business models of the future 2016, <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/tw/Documents/financial-services/tw-banking-businessmodels-of-the-future-2016.pdf> (access date July 15, 2019).
4. Regulation of bank participation risks in ecosystems and investments in immobilized assets, a report for public consultation. The Bank of Russia https://cbr.ru/content/document/file/131002/report_24112021.pdf
5. Why Do Most Business Ecosystems Fail? | BCG <https://www.bcg.com/publications/2023/exploring-digital-financial-ecosystem-opportunities>
6. Moore, J.R. Business ecosystems and the view from the firm / J.R. Moore // The Antitrust Bulletin. – 2006. – vol. 51(1). – P. 31-75. ISSN 0003-603X.
7. Torres, P., Godinho, P. Levels of necessity of entrepreneurial ecosystems elements / P.Torres, P. Godinho // Small Bus. Econ. – 2021. – 59. - 29–45.
8. Embedded Finance: risks, opportunities, and regulatory pathways - ThePaypers <https://thepayers.com/expert-opinion/embedded-finance-risks-opportunities-and-regulatory-pathways--1263194>

Стратегии управления проблемными активами

Гиринский Андрей Владимирович

к.э.н., доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), girinsky-av@rudn.ru

Доленко Егор Игоревич

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), 1142220505@rudn.ru

Пейсахов Кирилл Алексеевич

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), 1142220627@rudn.ru

Риски концентрации корпоративного кредитования и возникновения проблемных активов в Российской Федерации отмечаемые, как центральным регулятором, так и отраслевыми экспертами, становятся особенно актуальными в период санкционного давления на банковскую систему страны. В статье рассмотрены проблемы дефиниции проблемных активов, проанализированы стратегии работы с ними и выделены критерии выбора данных стратегий с учетом состояния заемщика и интересов кредитора.

Ключевые слова: актив, банк, проблемный актив, проблемная задолженность, банковская система.

Банковская система играет важнейшую роль в развитии экономики, при этом высокая степень внимания уделяется непосредственно вопросу устойчивости и стабильности банковской системе, особенно актуальном в период беспрецедентного давления на российский банковский сектор и экономику в целом.

Устойчивость банковской системы в существенной степени определяется и оценивается по объему проблемных активов кредитных организаций. Несмотря на восстановление российской экономики после кризиса 2022 года опережающими темпами по сравнению с ожиданиями экспертов (темп роста ВВП в 2023 г. составил 3,6% против первичных ожиданий Всемирного банка в 0,2%), рынок кредитования не показывал признаков существенного «перегрева» – отношение розничного кредитного портфеля к ВВП составляло чуть больше 30%, при том, что в развитых экономиках этот показатель может превышать 100%.

Однако избежать «перегрева» удалось во многом благодаря действиям Банка России, который отреагировал на выявленные риски в отдельных продуктовых сегментах, ужесточив макропруденциальные лимиты в необеспеченном кредитовании и установив новые требования к первоначальному взносу в ипотеке. С 3 квартала 2023 года ЦБ постепенно повышал ключевую ставку, которая к концу года составила 16% (в 2024 г. данная повышательная динамика продолжилась). Инфляционные ожидания населения остаются высокими, что заставляет ЦБ сохранять жесткую денежно-кредитную политику.

При этом наблюдается сохраняется тренд роста кредитного портфеля юридических лиц и ИП. При этом кредитный портфель МСБ растет даже активнее среднего корпоративного тренда с 2019 года, что объясняется «недокредитованностью» данного сегмента. Доля кредитного портфеля крупного корпоративного бизнеса в 2023 г. снизилась на 5,3 п.п. и составила 81% в то время, как доля МСБ и ИП выросла до 1,7% и 17,5% соответственно [9].

С учетом тренда переориентации корпоративного кредитования на внутренний рынок, повышения доли МСБ и ИП, а также высоких процентных ставок, вопрос управления и работы с проблемными активами становится особенно

актуальным. Риск ухудшения качества корпоративного портфеля активно выделяется секторальными экспертами, отмечающими высокую долю кредитов с плавающей ставкой в период ее существенного роста [8].

При этом и сам центральный регулятор отмечает, что хотя в первой половине 2024 года не наблюдалось значимого роста количества реструктуризаций и доли проблемных активов в банковском секторе, этот вопрос может стать настоящим вызовом для российской банковской системы с учетом радикального роста концентрации корпоративного кредитования – роста долговых обязательств перед банками пяти крупнейших российских компаний до 56% с 37% в середине 2022 года [6].

Вопросы дефиниции проблемных активов, их определения и стратегии управления ими освещались в работах таких специалистов, как: Волык В.В., Давыдов В.А., Халилова М.Х., Зиниша О.С., Охрименко Т.А., Хорохордин А.Ф., Спасский А.В., Мехряков Д.В., Сухоруков О.В. и пр.

Можно было бы продолжить данную работу словами «в настоящее время в условиях экономического кризиса...», но, рассматривая период с начала активного развития рынка кредитования в России, можно сделать вывод, что всегда находятся те или иные факторы, которые влияют на возникновение проблемной задолженности в банках. Риск возникновения проблемной задолженности присущ кредитованию в принципе в любом цикле экономического развития. Сам анализ факторов, которые приводят к росту проблемной задолженности является необходимым, но вторичным относительно того понимания, что при любых экономических и геополитических условиях существует кредитный риск.

Предсказать влияющие на кредитные факторы зачастую невозможно, даже влияние уже реализовавшихся факторов не всегда можно определить правильно. Причинно-следственные связи настолько сложны, что последствия тех или иных событий не имеют линейной логики и по факту зачастую являются неожиданными. В этом случае важнее осознавать и работать над действиями, которые нужно предпринимать, чтобы не допускать драматических потерь.

Таким образом, как выразался в известном бестселлере «Антихрупкость» Нассим Талиб: «Осознав механизмы антихрупкости, мы можем составить список рекомендаций, которые позволят нам принимать непредсказуемые решения в условиях неопределенности в бизнесе, политике, медицине, в жизни вообще – в

любой ситуации, когда доминирует неизвестность и мы имеем дело с непрозрачностью или неполным пониманием происходящего».

В связи с этим возникают вопросы о выборе стратегии при работе не только с проблемными активами, но и с теми активами, которые представляются качественными

Для понятия решения о методе работы с активами нужна определить являются ли причины выхода в проблемную зону объективными (рыночными), либо это мошенничество.

- В случае объективных факторов возможно применение «дефолтных» и «не дефолтных» стратегий.

- В случае мошеннических действий в приоритете «дефолтные» стратегии с прохождением формально досудебных стадий.

В рамках данной работы рассматриваются стратегии работы с проблемными активами, для которых наличествуют объективные (рыночные) причины. К ним может относиться целый ряд разнообразных макро- и микроэкономических процессов и явлений, в том числе уровни инфляции и безработицы, платежеспособность самого заемщика, экономическая и политическая конъюнктура и, в целом, любой влияющий на финансовую стабильность страны и заемщика фактор [4].

Следует отметить, что существуют различные определения проблемных активов. Согласно наиболее применимому определению Базельского комитета по банковскому надзору, «проблемный актив – это кредитный продукт, по которому имеется существенное основание полагать, что объемы и сроки исполнения обязательств перед банком будут не выполнены в соответствии с договоренностями или по ним утрачено достаточное обеспечение» В данной формулировке под проблемными активами понимаются те кредиты, платежи по которым уже просрочены и неадекватное финансовое положение должника уже нашло свое отражение в отчетности (или можно достоверно утверждать, что они будут просрочены) [1].

Однако при наличии таких факторов можно констатировать, что время уже частично упущено, последствия ухудшения финансового состояния стали очевидны. Таким образом, возможно повлиять исключительно на последствия, а не на причины риска. Становится понятным, что годами выработанная стратегия работы, с проблемными активами, только с момента признания актива «проблемным», которую можно разделить условно на две части «дефолтная» и «не дефолтная» тоже требуют определенной коррективы. Комбинирование

или одновременное применение не исключается.

При этом шансы успешной работы в «не дефолтном» направлении значительно повышаются при ранней идентификации проблем у заемщика. Решающим критерием для применения той или иной стратегии работы с проблемными активами является своевременность определения проблемы и начало работы с клиентом.

Возможно выделить специальные индикаторы и сегменты проблемности для использования различных стратегий:

- Сегмент 1: нет индикаторов проблемности;
- Сегмент 2: наблюдается незначительное отклонение в деятельности, предполагающие исключительно контрольные мероприятия;
- Сегмент 3: достаточное количество факторов указывает на возможность наступления дефолта, такие долги отрабатываются техниками с применением инструментов;
- Сегмент 4: выявленные факторы свидетельствуют о наступлении или о наступившем дефолте

Сегменты с 1 по 3 в основном предполагают «не дефолтные» стратегии.

В зависимости от причин возникновения проблемной (изменившаяся геополитические обстановка, проблемы в бизнесе контрагентов и прочее) от возможностей бенефициаров и менеджмента компаний, а также от их лояльности зависит выбор стратегии, использование инструментов и способов урегулирования задолженности. В расчет необходимо также принимать информированность банка (кредитной организации) о делах своего клиента.

В качестве основных «не дефолтных» стратегий применяется:

- Добровольное погашение долга
- Реструктуризация задолженности
- Не денежное погашение, принятие залогового имущества в отступное
- Цессия в рынок
- Передача долгов коллекторскому агентству
- Передача доли в бизнесе (если доля не была установлена в качестве обеспечения) [3].

В стратегии «Добровольное погашение активов» и «Реструктуризация задолженности» важны команда и уровень подготовки специалистов, разнообразные направления кредитования требуют наличие различной компетенции и знание бизнеса. Фактически это означает привлечение или участие специалистов банка в восстановлении позитивного тренда в бизнесе клиента погружение в проблему должника

и разработку индивидуального плана работы. При этом реструктуризация задолженности крайне многообразна в своих вариантах, каждый из которых имеет свои сроки, риски и свою возвратность. Самыми распространенными стратегиями реструктуризации считаются кредитная (банк не делает никаких дисконтов, предоставляет реструктуризацию и дожидается, когда должник позже полностью вернет долг) и дефолтная (банк допускает потери: принимает риски, входит в капитал, объявляет дефолт, продает долг с дисконтом).

Реструктуризация задолженности – наиболее используемый в практике вариант стратегии при чем не только с активами, которые уже являются проблемными, но и на стадии, когда проблем еще можно избежать. Причинами реструктуризации долга может быть низкая эффективность работы компании в результате воздействия как внешних, так и внутренних рисков, форс-мажорные обстоятельства, последствием которых можно увидеть в неудовлетворительных финансовых показателях, дефицит оборотных средств, превышение норм дебиторской и кредиторской задолженности. Основным вопросом при входе в процесс реструктуризации, а способен ли заемщик восстановить денежный поток, и каков будет его объем. Достаточно ли будет восстановленного денежного потока для погашения задолженности и процентов по ней. Конечно, глобальные реструктуризации являются рискованным мероприятием, и чаще всего эффективны, когда в целом бизнес клиента стабилен, но есть кассовые разрывы в связи с временными затруднениями, а потенциал компании остается высоким.

В связи с этим, стратегии реструктуризации задолженности целесообразно применять, используя вариативность сценариев, в числе которых изменение срока погашения, размера процентных ставок, применение процентных каникул, корректировка штрафных санкций. Данные меры могут привести к восстановлению позитивного тренда в финансовом состоянии заемщика, или просто помочь ему пережить непростые времена.

В случае конструктивной позиции менеджмента и бенефициаров бизнеса возможно включение банка в решение проблемной ситуации, в качестве консультанта, либо включение в управление компанией, но данный подход несет риск предъявление претензий со стороны компании и ее кредиторов, поэтому использовать такой подход лучше с учетом оценки фидуциарного риска. При этом такой подход позволяет выявлять предпосылки перехода проекта в инвестиционную или кредитную

фазу с целью восстановления платежеспособности предприятия и/или увеличения стоимости актива, а также – при отсутствии признаков мошеннических действий или недобросовестного поведения – сохранения эффективного собственника и менеджмента предприятия.

В стратегии «не денежное погашение, принятие залогового имущества в отступное» – погашение долга заемщика производится путем принятия материального актива, с дальнейшей постановкой его на баланс банка. Однако в этом случае есть риск приобретения непрофильного актива. Возможно применение сделок с привлечением компаний специального направления, закрытых паевых фондов (ЗПИФ). При выборе данной стратегии необходимо добровольное взаимодействие заемщика и подтверждение экономической обоснованности с учетом возможных расходов при принятии, содержании и реализации материальных активов, полученных в счет долга.

Содержание и подготовка к реализации объекта могут привести к значительным затратам, поэтому вариант с получением активов в отступное требует выделения направления работы с непрофильным активом.

При этом согласно Положению Банка России от 4 июля 2018 г. N 646-П "О методике определения собственных средств (капитала) кредитных организаций ("Базель III"):

«4.2. Сумма основного и дополнительного капитала, определенная в соответствии с пунктами 2 и 3 настоящего Положения, с учетом применения подпункта 4.1 настоящего пункта должна уменьшаться кредитной организацией на сумму следующих показателей.

<...>

4.2.2. Вложения кредитной организации основных средств, сооружение и создание основных средств <...>, в недвижимость, временно неиспользуемую в основной деятельности, в сооружение (строительство) объектов недвижимости, временно неиспользуемой в основной деятельности <...>, долгосрочные активы, предназначенные для продажи..., а также запасы <...>, определенные с учетом требований подпункта 7.3 пункта 7 настоящего Положения» [7].

Таким образом наличие непрофильных активов на балансе банка с точки зрения управления нормативным капиталом, не выгодно для него. А наличие профильной компании или ЗПИФ, в свою очередь, потребует определенных организационно–административных расходов.

С учетом данных факторов возможен еще один вариант управления проблемным активом

– стратегии цессии кредита. При реализации такой стратегии заключается договор переуступки прав требований обязательств по кредитному соглашению и обеспечительным договорам третьему лицу за определенную плату (возможно, с дисконтом или премией).

Для реализации такой стратегии необходимо наличие ряда предпосылок:

- наличие заинтересованных в покупке лиц/компаний;
- экономическая эффективность выше, чем собственное сопровождение и взыскание долга;
- наличие согласие должника (в случае оговорки в кредитном договоре).

Одним из преимуществ цессии является то, что это позволяет получить возврат средств по обязательствам заемщика быстрее, чем в других случаях, не дожидаясь окончания срока погашения долга. Недостаток цессии заключается в том, что на практике она зачастую может быть невыгодна для кредитора. Риски неплаты долга так же остается в случае наличия условий соответствующего договора замены неплатежеспособных заемщиков.

В целях сокращения расходов связанных с взысканием долга (как судебным, так и не судебным подходом) возможно использование стратегии передачи функции взыскания долгов коллекторскому агентству. Для этого заключается договор на взыскание проблемных кредитов за определенную комиссию, денежные средства в результате работы поступают на счет кол лекторскому агентству, которое в итоге перечисляется средства кредитору. В основе выбора такой стратегии также должен быть экономический расчет эффективности подтверждающей, что для банка работа с активов будет дороже чем комиссия, уплаченная коллекторам.

Получение контроля за компанией или реализации стратегии «Доля в бизнесе» требуются определенные навыки команды, оценки финансового состояния и денежных потоков уже недостаточно – необходимы широкие знания советующего бизнеса, изучение рынка, проблемы и ожиданий в сфере, в которой ведет деятельность должник. Одним из критериев возможности применения данного способа управления проблемным активом является заинтересованность кредиторов бизнесе, эффективность стратегии бизнеса (необходимость ее изменения), наличие перспектив и возможностей рынка, оценка внешних и внутренних рисков. Взвесив все эти составляющие, необходимо понять вероятность покрытия долга за счет приведенного денежного потока, как правило, в

ближайшие 12 месяцев или за аналогичный срок кредитного договора период.

«Дефолтные» стратегии представляют комплекс определенных мероприятий, направленных на возврат кредитной организацией финансовых обязательств заемщика с использованием установленных законом процедур принудительного взыскания. Данные стратегии, как правило, нацелены на погашение задолженности в максимально короткие сроки и с минимизацией потерь для кредитора, в том числе сопутствующим процессу взыскания затрат кредитора. Дефолтные стратегии на практике в основном ведут к банкротству предприятия-должника [5].

Среди дефолтных стратегий можно выделить следующие:

- Судебное взыскание и исполнительное производство
 - Банкротство
 - Списание

«Судебное взыскание и исполнительное производство. Эта стратегия применяется чаще всего, особенно когда нельзя использовать реструктуризацию, отступное или внесудебное обращение взыскания на залог. Банки (если заемщик не хочет или не может выплатить долг по кредиту) подают в суд, чтобы принудительно взыскать долг и получить исполнительный документ (исполнительный лист или судебный приказ), который потом предъявляется к исполнению. Во время судебного процесса или на стадии исполнительного производства может быть заключено мировое соглашение.

Стратегия «Банкротство» применяется в исключительных случаях, когда все другие методы работы с проблемным активом не подходят (кроме цессии). Важно понимать, что процесс банкротства занимает много времени и требует значительных затрат. Обычно окончание банкротства означает списание долгов должника, которые остались непогашенными. Эта стратегия используется:

- Когда должник сам обращается в арбитражный суд с заявлением о своем банкротстве или когда другие кредиторы подают заявление о банкротстве должника.
- По инициативе банка для контроля над процессом банкротства (через утверждение предложенной банком кандидатуры арбитражного управляющего), оспаривания сделок по выводу имущества должника в предбанкротный период, погашения задолженности перед банком за счет выручки от продажи имущества должника с торгов в банкротстве, в том числе

путем оставления банком заложенного имущества за собой.

Следует отметить, что в рамках дела о банкротстве на любом этапе также возможно заключение мирового соглашения (при условии отсутствия кредиторов первой и второй очереди реестра требований кредиторов).

При выборе стратегии работы с проблемным активом необходимо учитывать не только экономические факторы, но и правовые риски для банка. Следует избегать принятия имущества в качестве отступного или проведения каких-либо иных мероприятий по закрытию финансовых обязательств, если существует риск признания действий в рамках данной сделки недействительными.

Каждая из стратегий работы с проблемным активом имеет свои юридические тонкости и может быть нерелевантна в зависимости от ситуации. В связи с этим, оценка правовых рисков и способы их минимизации должны быть проведены на самом раннем этапе утверждения стратегии и учитывать потенциал изменения ситуации и последствия для банка.

При выборе и реализации стратегий работы с проблемными активами необходимо удерживать определенный баланс финансового результата и понесенных рисков.

«Списание» – стратегия, являющаяся наиболее крайней мерой работы с проблемными активами на практике, фактически представляет собой признание кредитной организацией потерь по финансовым обязательствам заемщика ввиду невозможности их полного или частичного погашения. Списание применяется, если требования по проблемной задолженности не удовлетворены полностью или частично, а возможностей реализации залогов, взыскания имущества с заемщика или поручителей нет.

Учитывая рассмотренные стратегии работы с проблемными активами, можно систематизировать критерии для определения возможности принятия решения по их применению с учетом рисков для кредитора (банка):

- Критерий 1 – готовность клиента к эффективному содействию.

Клиент находится в контакте с банком и готов к сотрудничеству, банкротство не инициируется не заемщиком, ни его кредиторами.

- Критерий 2 – позиция банка сильнее, чем у иных кредиторов.

Банк является одним из крупнейших кредиторов заемщика, на которого приходится существенная часть его финансовых обязательств.

- Критерий 3 – имеет место возможность уступки прав требования.

Критичные риски потерь при цессии долга отсутствуют, существуют потенциальные инте-ресанты приобретения долга заемщика.

- Критерий 4 – существует возможность продажи компании заемщика.

Деятельность и предприятие проблемного заемщика востребовано, существует возмож-ные покупатели, банк имеет возможность войти в долю в бизнесе.

- Критерий 5 – уровень устойчивости заем-щика.

Уровень устойчивости – комплексный пока-затель стабильности бизнеса заемщика, опре-деляемый по множеству критериев, которые зачастую индивидуальны для каждого банка, кредитора и самого должника. Возможная клас-сификация уровней устойчивости заемщиков приведена ниже.

Таблица 1
Уровень устойчивости клиента

Высокий уровень дол-госрочной устойчиво-сти	Наличие бизнес-плана
	Свободный денежный поток выше объема выплат по кредитам в течение года
	Позитивная динамика цен и спроса на рынке заем-щика в долгосрочном периоде
	Заемщик представляет долгосрочный интерес для кредитора
Высокий уровень краткосрочной устой-чивости	Клиентский портфель заемщика характеризуется значи-тельной долей клиентов с длительной историей со-трудничества
	Заемщик занимает значительную долю на рынке
	Заемщик обладает диверсифицированной клиентской базой
	Связанные с заемщиком компании обладают доста-точным денежным потоком для выплат по его долгам в краткосрочной перспективе
Отсутствие сигналов про-блемности	Позитивная динамика цен и спроса на рынке заем-щика в долгосрочном периоде
	Отсутствует информация о существенных рисках дея-тельности заемщика
	Отсутствует угроза банкротства
	Процедура банкротства не введена
	Отсутствует заявление заемщика о невозможности исполнения обязательств
	Отсутствует информация об исках кредиторов к заем-щику
	Отсутствуют исполнительные листы в рамках судеб-ных разбирательств
Отсутствует инициирование заемщиком процедуры ликвидации	
Низкий риск для банка	Отсутствует отзыв лицензии на осуществление дея-тельности заемщика
	Сумма долга ниже 100% (кредит полностью обеспе-чен)
	Потеря контроля над залогом маловероятна
	Залог ликвиден
	Стоимость основных средств заемщика превышает совокупный объем краткосрочной и долгосрочной за-долженностей
	За время сотрудничества отсутствовали факты утраты залога
Низкий риск для банка	Ежемесячные поступления на текущий счет заемщика в банке достаточны для покрытия задолженности по кредиту
	Отсутствуют признаки нецелевого использования за-емных средств

Источник: Волык В.В. Выбор оптимальной стратегии при ра-боте с проблемными активами // Имущественные отношения в РФ. 2011. №6. – сс. 55-56

Таким образом, с учетом динамики корпора-тивного кредитования и беспрецедентного санкционного давления в России, вызовы и риски для банковской системы, обусловленные проблемными активами, становятся особенно актуальными. Необходимо продолжать совер-шенствование механизмов выявления про-блемных активов и стратегию работы с ними в дальнейшей, при чем на самых ранних стадиях их потенциального возникновения и с учетом баланса финансовой эффективности и прини-маемых рисков со стороны кредитных органи-заций.

Литература

1. Prudential treatment of problem assets – definitions of non-performing exposures and forbearance / Basel Committee on Banking Supervision, 2016. (URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d403.pdf>)
2. Волык В.В. Выбор оптимальной стратегии при работе с проблемными активами // Имуще-ственные отношения в РФ. 2011. №6. – сс. 51-62
3. Давыдов В.А., Халилова М.Х. Классифи-кация инструментов урегулирования проблем-ной задолженности банков // Финансы и кредит. 2016. №31 (703). – сс. 2-14
4. Зиниша О.С., Охрименко Т.А. Управление проблемными активами банков на примере банковского сектора РФ // Экономика и социум. 2017. №3 (34). – сс. 649-654.
5. Новый сегмент рынка M&A - инвестирова-ние в проблемные активы / А. Ф. Хорохордин, А. В. Спасский, Д. В. Мехряков, О. В. Сухоруков; комментарий Н. И. Берзон // Банковское дело. – Москва, 2022 — N 9. — сс. 6-14.
6. Обзор финансовой стабильности. IV квар-тал 2023 - I квартал 2024 года / Банк России, 2024. (URL: https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4_2023_1_q_2024/)
7. Положение Банка России от 4 июля 2018 г. N 646-П "О методике определения собствен-ных средств (капитала) кредитных организаций ("Базель III")
8. Российский банковский сектор: прогноз на 2024 год / АКРА, 2023. (URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2758/>)
9. Рынок банковских услуг в России: итоги 2023 и прогнозы / Frank RG, 2024. (URL: <https://frankrg.com/wp-content/uploads/2024/02/768e51059531.pdf>)

Problem assets management strategies

Girinsky A.V., Dolenko E.I., Peysakhov K.A.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN)

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

The risks of concentration of corporate lending and the emergence of problem assets in the Russian Federation, noted both by the central regulator and industry experts, become especially relevant during the period of sanctions pressure on the country's banking system. The article examines the problems of defining problem assets, analyzes strategies for working with them, and identifies criteria for selecting these strategies, taking into account the condition of the borrower and the interests of the lender.

Keywords: asset, bank, problem asset, problem debt, banking system.

References

1. Prudential treatment of problem assets – definitions of non-performing exposures and forbearance / Basel Committee on Banking Supervision, 2016. (URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d403.pdf>)
2. Volyk V.V. Choosing the optimal strategy when working with distressed assets // Property relations in the Russian Federation. 2011. No.6. – pp. 51-62
3. Davydov V.A., Khalilova M.H. Classification of instruments for the settlement of problem loans of banks // Finance and credit. 2016. №31 (703). – pp. 2-14
4. Zinisha O.S., Okhrimenko T.A. Management of distressed assets of banks on the example of the banking sector of the Russian Federation // Economics and society. 2017. No.3 (34). – pp. 649-654.
5. A new segment of the M&A market - investing in distressed assets / A. F. Khorokhordin, A.V. Spassky, D. V. Mehryakov, O. V. Sukhorukov; comment by N. I. Berzon // Banking. — Moscow, 2022 — N 9. — pp. 6-14.
6. Review of financial stability. IV quarter 2023 - I quarter 2024 / Bank of Russia, 2024. (URL: https://cbr.ru/analytics/finstab/ofs/4_2023_1_q_2024/)
7. Regulation of the Bank of Russia dated July 4, 2018 No. 646-P "On the methodology for determining the equity (capital) of credit institutions ("Basel III")
8. Russian banking sector: forecast for 2024 / ACRA, 2023. (URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2758/>)
9. Banking services market in Russia: results of 2023 and forecasts / Frank RG, 2024. (URL: <https://frankrg.com/wp-content/uploads/2024/02/768e51059531.pdf>)